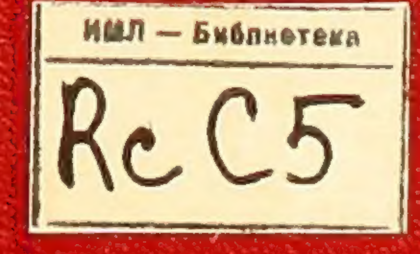
Хейорец, И
Мировая
реакция.
т 1.
1925



Проф. И. Я. ХЕЙФЕЦ

МИРОВАЯ РЕАКЦИЯ И ЕВРЕЙСКИЕ ПОГРОМЫ

ТОМ ПЕРВЫЙ

ПОЛЬША
1918—1922

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО УКРАИНЫ
1925

Напечатано в 1-й Гостиполит.
„Крымполиграфтреста“ в колич.
5.000 экземпляров Зак. № 2722.
Центр. Упр. по делам печати
№ 9113.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Антисемитизм в его вульгарно-погромной форме до мировой войны 1914 г. мыслился возможным исключительно в царской России, как использование люмпенпролетарских городских низов для политических целей самодержавия. Даже в консервативных и реакционных кругах европейской буржуазии царские погромы не вызывали активного сочувствия.

Мировая война перевернула все представления; исчез мирный пацифистский характер эпохи, слетел налет либеральной гуманитарности, и поблекли скромные буржуазные представления о морали и праве; голос насилия стал основным фактором поведения.

Мировая война оказалась гибельной в хозяйственном отношении для широких масс мелкой и средней буржуазии еврейской и нееврейской восточной Европы — основа их жизни была сразу подрезана в корне. Хозяйству восточной Европы мировая война оказалась не по плечу; ее попытки государственной регулировки сводились к сдаче военных предприятий крупным спекулянтам; мелкая масса выталкивалась, и хозяйство умерщвлялось. Приспособляющаяся, опытная, прошедшая через огонь и воду еврейская мелкая буржуазия пыталась использовать свое „языковое“ и географическое посредничество, чтобы удержаться на оккупациях германцами областей восточной Европы (Украина, Польша). Бой между средней и мелкой буржуазией — еврейской и христианской — разгорался не на жизнь, а на смерть. Это не было мирное соперничество лавочников или предпринимателей довоенного времени; это был упорный бой двух групп, обреченных на гибель ходом экономических вещей, старающихся цепкостью и ловкостью выбить противника и пережить его хотя бы на короткое время.

Военная машина государств средней Европы (Германии и Австрии), „оккупантов“, не давала этой ненависти превратиться

в погромную расправу. Воздух насыщен ненавистью, погромная атмосфера дана,—но погром является привилегией военных кругов; без политической необходимости он произойти не может, ибо средняя и мелкая городская буржуазия, как и все население, сковано волею генеральных штабов своих, или оккупантских. Единичные погромы тонут в общей массе военных разгромов—армия русского верховного главнокомандующего Николая Николаевича устраивает в Польше и Галиции целый ряд еврейских военных погромов. С другой стороны, немецкий генеральный штаб, желая использовать еврейский торговый слой в своих целях, в качестве посредника, играет роль „освободителя" и удерживает население оккупированных мест, в частности сильно эксплуатируемое оккупантами крестьянское население, от погромов. Погромные настроения растут по мере продолжительности войны, ухудшавшей экономическое положение широких масс, сопровождаемое полным одичанием нравов и озлобленностью.

Русская революция сопровождается невиданным до сих пор заострением классовой борьбы. Революционная волна была освободительной для еврейства и не омрачилась никакими эксцессами ни в какой из ее фаз. Но сама революция развернула все национальные вопросы, прорыла пропасть между городом и деревней, обострила отношения между разными социальными группами и своим небывалым разрушением хозяйства довела положение средних классов до крайней нищеты. Под золой политического освобождения зрела ненависть средних городских слоев, крестьянских масс и городских низов. Вся контрреволюция, вся реакция во всех ее видах и формах делала из этой злобы идеологическую силу, источник своей борьбы и своих переворотов. Старое царское „жиды делают революцию" превратилось в „жиды сделали революцию"—и стало знаменем всей политической реакции не только в восточной Европе, но и в средней, где пролетариат временно овладел властью (Венгрия). Каждый слой реакционного движения вносил свою лепту в националистическую травлю, приведшую к самым кровавым погромам в истории человечества. Гражданская война окрашивалась со стороны контр-революции в национальный цвет, чтобы увеличить этим свои кадры, питать настроение распадающихся и колеблющихся военных частей и разлагать армию революционного врага ядом национализма.

Во главе крайней реакции стоят аграрии, пытающиеся вернуть свое былое господство. Антисемитизм этих феодалов — военных кругов, наиболее мрачный и беззастенчивый, проявляется, главным образом, в полосе полной победы реакции, вырывающей с корнем остатки революционности, даже оппозиционности настроений, вообще. Это есть полная реставрация, когда аграрные круги стремятся восстановить свое господство, разрушенное революционной волной, когда они террором стремятся запугать крестьянство, взять под свою власть мещанство городов, стать снова хозяином положения. Так как деревней овладеть трудно, то аграрии стремятся через городской террор нагнать страх на деревню. По отношению к еврейской массе его уничтожающая сила громадна — он выражается не только в массовых бойнях садическо-патологического характера, но и в полном подрыве экономического и культурного существования этих масс; сдерживается эта разрушительная сила, и то в крайне слабой степени, международными расчетами. Такова „пытка страхов" деникинского режима, таков и „белый террор" режима Хорти. Венгрия нам наглядно показывает, как далеко может дойти реакция в своих погромных вожделениях при полной своей победе и уверенности в прочности своего могущества. Аграрный антисемитизм не пускается в переговоры с еврейскими общественными силами, не ограничивает себя никакими соглашениями, не „идеологизирует", не подкупает еврейства политическими обещаниями, не расслаивает понятие „евреи" на классы и вероисповедные группы (крещеный, некрещеный), —он ставит себе исключительной целью уничтожить, принизить оппозиционные слои еврейства, подорвать экономическое существование среднего еврейства. Лишь верхи финансового еврейства использовываются реакцией в своих целях, благо она находит для этого себе благодатную почву (Венгрия). Погромы этого типа носят характер безграничной, неудержной мести военщины, потерпевшей поражения и унижения во время господства революционных правительств и желающей в еврейской крови обрести „честь оружия". Погромы этого типа — вовсе не являются „реакцией реставраторов на еврейское равноправие, достигнутое в ненавистной революции", как это определяет Н. И. Штиф („Погромы на Украине", Берлин, 1922, стр. VIII). В Венгрии евреи пользовались свыше 50 лет равноправием, венгерский еврейский историк трактует о Венгрии,

как о „тихой пристани венгерского еврейства“, за *восемь* месяцев до безудержного белого террора—и, тем не менее, аграрная реакция проделывает над еврейскими массами в Венгрии то же самое, что таковая же реакция успела проделать с ними в Великороссии и на Украине. Поразительно сходны, несмотря на различия исторические, бытовые, этнографические и национальные, погромные проявления Деникинщины с таковыми же адмирала Хорти—ибо социологические и психологические предпосылки одни и те же; Деникинщина содержит в себе те же ростки, каковые махровым цветом пышно расцвели при белом режиме Хорти и Хейяша. Эти погромы отличаются от царских погромов по своей исключительной жестокости и своим размерам; в остальном—это та же старая ненависть аграриев и военных, которые видят как в Великой Российской революции (февраль и октябрь 1917 г.), так и в Венгерской революции (сначала Карольи, а потом Бела-Кун) только „жидовско-массонский заговор“...

Сложнее антисемитско-погромная полоса мелкобуржуазных правительств и стоящих за ними слоев в их борьбе с революционной властью рабочих. Основа антисемитских настроений в низах отчасти традиционно-историческая—ненависть крестьян к посреднику между крестьянином и помещиком, отчасти более нового содержания—ненависти к посреднику между крестьянином и оккупантом-немцем.

Для политических и военных руководителей этих слоев использование антисемитских настроений имело целью: 1) задерживать дифференциацию деревни, 2) спайку военных частей, подчас большевистски-настроенных, для отвлечения их от социальной борьбы на путь национального погрома; ненависть к городу, в частности к городской буржуазии, превращается руководителями в ненависть к *еврейской* буржуазии, 3) разложение армии революционного врага, состоящей из тех же крестьянских элементов, путем отравления деревни национальной ненавистью двуединого лозунга: „жид-буржуй“ и „жид-коммунист“...

Эти мелкобуржуазные социальные образования в периоды поддержки революционного правительства против аграриев не прибегают к погромам (Петлюра, батьки Махно, Григорьев и др.); они хотя и будят, углубляют национальные и антисемитские настроения и тенденции, но избегают эксцессов и погромов. Немедленно же после союза прямого или косвенного с аграрной

реакцией начинается проведение погрома, при этом самый погром носит характер массовый, жестокий, связанный с *социальной* местью „обиженного“ кулацкого крестьянства и городского мещанства.

Мелкобуржуазная погромная полоса резко отличается от аграрной тем, что она проводится военными руководителями, в то время, как политики стремятся сложить с себя вину и ищут будто бы выхода из создавшегося положения. Но все воспитание армии, вся агитация направлена на погромы и их подготовление. Мелкобуржуазный антисемитский террор—прерывистый, налетный, носящий характер стихий. Он разрушает жизнь, как *военную* необходимость (аграрный террор это делает, как *государственную* необходимость); он отказывается от своих действий официальным путем назавтра же, он ищет идеологических причин для об'яснений своих действий. К тому же он сопровождается полноправием евреев, гарантированием национально-персональной автономии и созданием поста министра по еврейским делам. Носители погромного террора делают вид, что они борются с военно-реакционным крылом, непосредственно устраивающим погромы: какие-то „сечевики“ получают выговоры от Петлюры; происходят какие-то разбирательства с непременным участием еврейского министра, идут широчайшие декларации Совета Народных Министров против погромов, а назавтра повторяется та же погромная волна при той же обстановке.

Полоса поражений уничтожает эту двойственность, так как месть и разгул исключают какое бы то ни было политическое руководство—все сливается в беспрерывный военный погром. Мелкобуржуазный антисемитизм идеологизирует—он хочет бить коммуниста-жида и буржуя-жида, в то же время он хочет связаться с средними мещанскими еврейскими слоями, для приманки коих он и приурочивает персонально-культурную автономию. Фактически же он бьет бедноту, трудовую массу и эти же средние слои—наименее защищенные и наиболее ненавистные массе своей армии из середняков-крестьян. Эти погромы наиболее характерны для Украины с ее долгим периодом гражданской войны между медленно расслаивавшимся сравнительно богатым крестьянством и городской „москальско-жідівской“ революцией. Об'яснение этих погромов „исторической миссией украинского народа“ (хотя бы „конкретно-исторической“,

а не „мистической"), как это делает С. Дубнов[1]), доказывает неспособность понять исторический процесс в его развитии.

Третьей конкретной формой является сочетание аграрного, мелкобуржуазного и торгово-промышленного антисемитизма. Характерной страной такого сочетания является Польша. Торгово-промышленный антисемитизм в Польше уже до войны играл сильную роль и выразился в так называемом „бойкотистском" движении. Шляхетско-аграрный антисемитизм также старого происхождения. Мелкобуржуазный антисемитизм старой закваски усилился во время германской оккупации. Избиения евреев на улице были нередким явлением в годы накануне войны.

Погромы в Польше при самодержавии были явлением исключительным (Лодзинский в 1891 г., Ченстоховский в 1903 г.), ибо царизм был ненавистен всему польскому населению, а всякий погром шел бы непосредственно на пользу самодержавному режиму. Во время оккупации немцы сдерживали железными тисками погромные вожделения отдельных групп. Только образование собственного польского государства, освобождение страны как от царизма, который был общим врагом и польского и еврейского мещанства, так и от германской оккупации, сдерживавшей погромную волну, развязало руки националистической стихии.

Переворот в Польше, поставивший с самого начала в порядок дня национальную оффенсиву, сделал политически-выгодным для господствующих классов превращение более или менее оформленного антисемитского настроения разных слоев в источник политическо-национальной борьбы. Борьба с Россией, а в данном случае с революционной Россией, борьба с Германией, а следовательно заключение итога оккупации, с которой определенные круги Польши заигрывали в свое время,—все это делало антисемитизм выгодным союзником. „Евреи поддерживали оккупацию; евреи сделали русскую революцию; евреи источник большевизма; евреи наш национальный враг"—под этими лозунгами идет организация масс и наступление первых дней польской эмансипации. Даже в борьбе с Литвой и Белоруссией использовывается лозунг: „бей жида"...

В первой погромной фазе в Польше, в периоде борьбы за польскую самостоятельность, антисемитская волна сдерживалась

[1]) См. статью „Третья Гайдамачина",—предисловие к книге И. Черйковера „История погромного движения на Украине в 1917—1918 гг.".

„европейским общественным мнением"... и некоторым стеснением перед „пунктами Вильсона". Польша должна была доказать, что она не сыграет в отношении национальных меньшинств роль Румынии, что она свободная республика. Наступление же Антанты против Советской России превращает Польшу в наступательско-реакционный аванпост и освобождает Польшу от этих, хотя бы слабых, уз общественного мнения,—в это время погромное настроение поддерживается и муссируется открыто господствующими классами Польши. Боязнь волнений внутри страны, особенно аграрных, при наступлении красной армии в 1920 году создает обстановку погрома, который не может разыграться по настоящему в виду военной обстановки и быстрого продвижения красной армии. Победа польской армии, поставившей во главе власти военно-аграрные круги, заканчивается кошмарной полосой кровавых погромов, также и бескровного (экономического, правового, культурного) террора, не уступающих по своей интенсивности венгерскому.

Погромная пропаганда в Польше носит глубоко рассчитанный политический характер; синтезированный польский антисемитизм гибок, дипломатичен и приспособляется ко всем переменам политики страны. Высоко поднятая погромно-террористическая волна 1920 года падает, когда необходимо успокоение. Польские господствующие классы как раз боятся того, чего добивалась украинская Петлюровщина: они боятся возбуждения ненависти против еврейской буржуазии, ибо это означало бы возбуждение социальной ненависти вообще; Петлюровщина же должна была уже скопившуюся ненависть против буржуазии пропустить через национальный вентиль; излишнее раздувание массовых страстей становится опасным для господствующих классов Польши. В „мирное" время польский антисемитизм подогревается и поддерживается в качестве культурного и идеологического антисемитизма для возможности его использования в момент нужды. Польский антисемитизм сумел использовать для своих целей и разложение белых русских социальных группировок, как Савинковщина и Петлюровщина, делая их послушными орудиями своих политических целей, прекрасно учитывая при этом революционное прошлое своих мелкобуржуазных союзников—Савинкова и Петлюры.

Венгерский и украинский антисемитизм завершили свою программу; в Венгрии мы видим полный разгром еврейства,

подрыв экономического существования масс, абсолютно бесправное их существование; на Украине Советская власть положила конец кровавым погромам Петлюровщины и Батьковщины. В Польше же антисемитизм находится в стадии действия—разгорающаяся борьба партий в самой Польше по вопросам внешним и внутренним, обострение отношений к Советской России ставит на карту судьбу еврейских масс. Варшава недавно еще видела антиеврейские эксцессы при выборах президента Республики в конце 1922 года и также в апреле 1923 года после расстрела прелата Буткевича в Москве. Осложняющаяся политическая обстановка последнего времени, сопровождаемая обострением отношений между партиями, является серьезной угрозой для жизни и существования еврейских масс в Польше.

* * *

Настоящая работа „Очерки современного антисемитизма" начата мной в 1919 г. в Киеве и закончена лишь в 1923 году. Том работы, посвященный Украине, составлен, так сказать, по живым следам. В основание этого тома лег материал, собранный уполномоченным Всеукраинского комитета помощи погромленным под флагом Красного Креста, председателем коего я являлся. Означенная организация имела целью не только оказание материальной помощи пострадавшим, медицинской помощи раненым и увечным, попечение о сиротах, но также и расследование всего происходящего на Украине, выяснение настоящего характера разыгравшихся на наших глазах кошмарных событий. Для выполнения последних задач уполномоченные на местах должны были обследовать события по однообразной схеме, выработанной центральным информационным отделом организации в Киеве. Они должны были допрашивать свидетелей, и не только потерпевших, но и очевидцев, в первую очередь представителей общественных организаций, партий и правительственных учреждений; кроме того, они должны были собрать материал, как воззвания, прокламации, резолюции и т. д., так и фотографические снимки жертв и погромных происшествий.

В более крупных центрах Украины, как Киев, Екатеринослав и друг., где было скопление многих тысяч беженцев из погромленных городов и местечек, были организованы комитетом

помощи специальные бюро для опроса пострадавших; опросу подвергались много лиц из каждого пункта для установления действительного характера событий.

В случае более значительных погромов, более сложного происхождения, уполномоченными комитета помощи организовывались особые совещания из представителей общественных и партийных учреждений данного пункта. На этих совещаниях обсуждались детали происшедшего и устанавливался действительный характер погрома; результатом совещаний являлись обстоятельные протоколы, подписанные всеми участниками (протокол об уманском погроме и др.).

Весь материал поступал в распоряжение центрального информационного бюро комитета, где он тщательно проверялся; все сомнительное отбрасывалось, и лишь об'ективные и достоверные данные систематизировались. В особо заслуживающих внимания случаях информационное бюро направляло лиц с крупными юридическими и расследовательскими способностями для обследования событий на месте. Такой следователь-эксперт производил детальное следствие, аналогичное судебному. Такими расследованиями являются отчеты известного адвоката А. И. Гиллерсона о событиях в Овруче и Проскурове; отчеты составлены на основании огромного им же собранного следственного материала.

Сложная ситуация на Украине с ее многочисленными военными фронтами так же, как и вся обстановка гражданской войны не воспрепятствовали уполномоченным комитета собрать огромное количество материала, достаточного для освещения еврейской трагедии на Украине в 1919—1920 гг.

Социально-политическое освещение событий, сделанное мной на основании собранного материала, представляет собой мои личные выводы из бурно трагических событий на Украине, разыгравшихся на моих глазах.

Второй том моей работы посвящен аграрному антисемитизму в его чистой форме — венгерскому белому террору, начиная с момента его возникновения до конца 1922 года.

Материал, каковым я пользовался, носит иной характер, нежели тот, который лег в основу первого тома. В Украине была возможность собирать материал на местах, обследовать события, выслушивать многочисленных очевидцев из разных слоев населения; частая смена властей и господствовавшая

анархия все-таки позволяли проникать в большинство пунктов пострадавших от погрома. Иное было в Венгрии: необычайно быстро создалась крепкая организация контр-революционных сил с ответвлением даже в глухих углах страны, которая не давала возможности об'ективного и беспрепятственного обследования событий; протоколы еврейской общины в Будапеште охватывают весьма незначительное число случаев. Что касается произведенных расследований иностранцами, то данные пресловутого американского полковника Горовица вполне совпадают с официальной информацией режима Хорти, итальянская делегация была быстро удалена из страны, и только лишь английской делегации удалось собрать частичный материал, использованный нами в данной работе. Широко был использован нами газетный материал. В Вене образовалась обширная эмигрантская печать, которая оказалась связанной тысячами нитей с родиной. Печать эта большей частью буржуазно-радикальна или умеренно-либеральна, и отражает она преимущественно настроение средней буржуазии. Сообщение эмигрантской печати пришлось тщательно контролировать, сопоставляя ее с подцензурной печатью, выходящей в Венгрии. При некотором знакомстве с венгерскими условиями и эзоповским языком венгерской печати нетрудно было, например, привести в связь глухое сообщение легальной будапештской газеты о нахождении в Дунае трупа „самоубийцы“ Н. Н. с сообщениями зарубежной газеты о зверском убийстве того же Н. Н., брошенного в Дунай погромщиками.

Наряду с этим я черпал данные из бесед с лицами, эмигрировавшими из Венгрии; некоторые из этих лиц по своему общественному прошлому и интеллектуальному облику заслуживают полнейшего доверия; данные этого источника мной контролировались по другим материалам.

Фамилии лиц я нигде не называю, так как венгерское правительство не знает пощады не только в отношении самих „провинившихся“ в разоблачении тайн белого режима, но и к их родственникам и даже друзьям и знакомым, находящимся в пределах Венгрии.

Наконец, до некоторой степени я пользовался в целях проверки своего материала также и книгами, посвященными белому террору в Венгрии, в частности произведениями друзей Хорти и Хейяша.

Итак, материал, легший в основу второго тома, состоит из отчетов иностранных делегаций и официальных представителей, показаний лиц, вырвавшихся из Венгрии, печати венгерской и зарубежной.

Третий[1]) том работы охватывает польские события с 1918 г. по начало 1923 г. В основу этой части работы лег следующий обширный материал:

1. Польская пресса на еврейском, польском и русском языках за указанный период.

2. Материалы Сеймовского Клуба еврейских депутатов. Часть этих материалов опубликована (Inwazja bolszewicka a zydzi, ч. 1 и 2), а целый ряд материалов, в особенности по Савинково-Балаховщине, еще не опубликован.

3. Отчеты делегаций: американской (Моргентау), английской (Самуэль), а также неопубликованный отчет Социалистической комиссии.

4. Неопубликованный материал Московского Еврейского Общественного Комитета, работавшего при Наркомнаце в течение 1921—1924 гг. (доклады уполномоченных, заявления и ходатайства с мест, свидетельские показания и проч.).

5. Полученные мной из разных источников воззвания, прокламации, плакаты.

6. Красные Книги: а) „Советская Россия и Польша", изд. Н. К. И. Д., Москва, Сентябрь 1921 г., б) „Советская Украина и Польша", изд. Н. К. И. Д.—У. С. С. Р., Харьков.

7. Политические договоры, заключенные между Польшей и Директорией У. Н. Р. (неопубликованный материал).

В заключение позволяю себе выразить глубокую благодарность лицам, благодаря содействию коих мне удалось написать настоящую работу. В первую очередь я хочу принести свою глубокую признательность товарищам по работе в комитете помощи погромленным, благодаря самоотверженной деятельности коих удалось собрать ценный материал, легший в основание первого тома. Не имея под рукой полного списка ответственных уполномоченных, я назову здесь имена наиболее близких мне товарищей по работе: Л. Н. Геллера, А. И. Гиллерсона, Исаака Гитермана, И. Ильина, Ф. Е. Ландера, П. Н. Розенталя (Анмана), Л. И. Френкеля, С. Я. Хейфеца.

[1]) По соглашению с автором первым томом выпускается „Польша", вторым — „Венгерский террор" и третьим — „Украинская контр-революция".
Госиздат Украины.

Выражаю также свою глубокую признательность б. председателю Российского Общества Красного Креста В. М. Свердлову, активно содействовавшему работе комитета помощи погромленным.

Считаю необходимым поблагодарить здесь лиц, оказавших мне ценные услуги по работе, в том числе М. Г. Рафеса, А. Я. Гуральского, А. А. Таргонского, И. С. Фалуди, И. Я. Хургина и А. Магидсона.

ГЛАВА I

ЭКСЦЕССЫ И ГЛУМЛЕНИЯ

Медовый месяц независимости буржуазной Польской Республики ознаменовался эксцессами и погромными действиями против евреев как в Конгрессовой Польше, так и в Галиции. Как бы по невидимому закулисному знаку, польская шляхта и примыкающее к ней богатое крестьянство, организованные в „легионы", а равно и неорганизованные массы городской черни справляли свой национальный праздник под плач и стоны истязуемых евреев. Долго накипавшая ненависть, подогреваемая воззваниями и прокламациями высших военных кругов, выставлявших еврейство, как национального врага, поддерживаемая антисемитскими плакатами националистических групп и партий, не сдерживаемая руководителями польской политической жизни, нашла свой ожидаемый выход. Речь Посполита Польская поменялась местами с царской Россией, несмотря на гордые заявления польской буржуазной интеллигенции во времена самодержавия, что она слишком „культурна" для еврейских погромов.

Погромная стихия проходит по всей стране, прорываясь и опять возобновляясь; она перманентна; в ней перекрещиваются погромные действия и то, что обозначается обыкновенно культурным именем „эксцессов". Эти „эксцессы" крайне характерны для жизни польского еврейства; начинаясь со дня польской независимости, они не прекращаются и поныне, чему доказательством являются последние выборы Президента Республики (декабрь 1922 г.), как и антиеврейские беспорядки в Варшаве по поводу расстрела советской властью в Москве контр-революционера прелата Будкевича (апрель 1923 г.). „Эксцессом" по официальной терминологии считается все, что не кончается массовым убийством; даже единичное убийство еврея также подводится под это деликатное название. Эксцессами начинаются и кончаются, ими также сопровождаются отдельные периоды погромных действий.

Самым существенным элементом в польском „эксцессе“ и погроме является его глумливый характер, его уничижающее содержание, его стремление принизить, подавить, вытравить чувство человеческого достоинства в истязуемом, дать последнему понять, что он был „Мошкой“ и останется таковым, несмотря на все его притязания, конституционные права, демократические свободы и проч. Современный польский шляхтич или крупно-крестьянский легионер, эта „краса и гордость“ освободившейся Польши, так же мило подшучивают над евреем, как польский феодал сто и больше лет тому назад.

И если „Мошка“ зазнается, то тем хуже для него — он должен быть поставлен на надлежащее место.

Ходит Мошка ходором
Перед паном Хведором
И задком и передком
Перед паном Хведорком *(Шевченко).*

Насильственное, сопровождаемое кровопусканием, указание „Мошке“ его места в отношении к пану „Хведору“ — есть главное содержание эксцесса. Конечно, одновременно с этим имеют место обычные аксессуары погромного действия — грабежи. Освободившийся „хлоп“ не прочь поживиться на счет еврея — отбирание денег, ценностей и всякого имущества у истязуемого еврея является наградой спасателей отечества за их „высокопатриотический“ подвиг глумления и насилия.

Обычная, повседневная форма „эксцесса“ такова: на улицах столицы или другого города, чаще всего на станции железной дороги при отправке или прибытии поезда, группа легионеров, чаще всего „познанчики“ или „галлерчики“, т. е. разнузданные солдаты из бывшей прусской провинции Познани или полудикие орды генерала Галлера, набрасываются на евреев, режут им бороды, грабят, бьют.

Из бесконечного числа описаний таких эксцессов, коими заполнен любой номер еврейско-польской прессы за период 1918—1920 годов, беру первый типичный:

„После остановки нашего поезда прибыл на станцию встречный заграничный поезд с французскими надписями на вагонах... Это прибыли легионеры с запада. Первым приветствием новоприбывших гостей было: „нет ли тут жидов, подавайте их нам сюда“... Заграничный поезд останавливается; легионеры

высыпают из вагонов, и начинается дикая кошмарная сцена — евреев бьют, их заушают, из вагонов летят подушки и котомки; вещи, в них находящиеся, рвутся и разбрасываются. Несколько человек из приехавших „гостей“ с ножами в руках занимаются бритьем еврейских бород... Бритье происходит оригинальным образом: без мыла, но зато с кровью; притом отрезывается лишь часть бороды, а по отношению к остальной части дается галантный совет обратиться к городскому парикмахеру... Еврей, не желающий добровольно подвергнуться этой операции, избивается самым жестоким образом, часто до полусмерти; на моих глазах один еврей был так избит, что глаз у него тут же на месте вытек... Несчастные еврейские пассажиры плачут, воют, умоляют, предлагают „непрошенным парикмахерам“ взятку; на одной станции последнее средство увенчалось успехом: бороды были спасены, что не предохранило, однако, их носителей от побоев... Интересно поведение „гражданских“ польских пассажиров: они неистово смеются и передразнивают избиваемых евреев. Что же касается железнодорожной охраны, то она занимается разгоном... евреев же, приговаривая, „что за жидовский галдеж“... („Lebensfragen“, 8-го мая 1919 года).

Насильственное отрезание бороды — этот символ и атрибут всякого эксцесса — означает для ее носителя не только оскорбление религиозного чувства, но и глубочайшее унижение всей его личности. Секретно ст властей снятые фотографии, изображающие жертву „до“ и „после“ экзекуции, наглядно показывают самочувствие пострадавшего какой у него оплеванный, приниженный и униженный вид после произведенной над ним насильственной операции.

При насильственной стрижке бород сплошь и рядом калечились лица, рубились подбородки; „невинные шалости“ польской военной молодежи дорого обходились жертвам их шуток.

Эксцессы — бытовое, повседневное явление еврейской жизни в Польше в течение последних лет. Приводим краткую сводку эксцессов за период конца 1918 и 1919-ый год, из которой читатель убедится, что не было почти ни одного дня, в который в Польской Республике не производились бы глумления и насилия над евреями. Сводка составлена нами по подцензурной польско-еврейской прессе; она не полна, ибо далеко не все попадало в печать — перечисление всех произведенных эксцессов превратило бы польско-еврейскую прессу

в своеобразный синодик; к тому же пострадавшие часто избегали огласки из боязни полицейских преследований. Приведенные в сводке количества жертв того или иного погрома или массового эксцесса, как заимствованные из газет, могут оказаться не точными, но это не мешает сохранению за сводкой ее значения общей картины еврейской жизни в Польше.

СВОДКА.

Октябрь 1918 года

14-го — в Варшаве произошли антиеврейские эксцессы после манифестации в честь освобождения Польши.

21-го и 24-го — крупные эксцессы в Варшаве.

28-го „ „ в Бетче.

28-го — в Блажове (200 евр. семейств окончательно разорено, много убитых).

Ноябрь 1918 года

9-го — крупные эксцессы в Варшаве.

11-го „ „ в Кельцах (5 убитых и 200 раненых).

В течение первой половины ноября повседневные эксцессы в Варшаве; до 4-го — 7 убитых.

Целый ряд погромов в Галиции:

2-го — погром в Иваницах.
4-го „ в Мшаной-Долине, Заторе, Пильзне.
5-го „ Чижове, Разводове, Маховицах, Скаржисках, Пинчеве, Ендржееве, Мехове, Вольброме, Заклицах.
6-го „ в Щакове.
7-го „ „ Тьерше (один убитый).
11-го „ „ Гродзинской, Бржеско (погром продолжался несколько дней).

В Людмире — расстреляно 14 евреев, 40 ранено.

27-го эксцессы в Дынове, Неполомицах, Блажове.

Декабрь 1918 года

1-го — ранено в Варшаве несколько десятков евреев.

2-го — выброшено из поезда между Скерневицами и Колюшками на полном ходу 6 евреев.

28-го — в Замостьях 170 евреев были арестованы и подвергнуты страшным истязаниям.

30-го — эксцессы в Комаровках.

В течение декабря 1918 года — повседневные эксцессы и нападения на евреев в Лапах.

В течение всего декабря 1918 года — в Варшаве на Ковельском вокзале ежедневные нападения на еврейских пассажиров.

В декабре 1918 года — антиеврейские эксцессы в Цехоцинке; полиция отказалась выступить против погромщиков.

Январь 1919 года

В начале месяца в Варшаве истязали евреев в казармах на Пшеязде.

Крупные антиеврейские беспорядки в Кракове.

Эксцессы на железных дорогах в Галиции.

Легионеры сильно терроризовали еврейское население Владимира-Волынска.

1-го — в Варшаве в различных частях города избито 24 еврея.

3-го „ „ устроена специальная облава в еврейском квартале.

4-го „ „ устроена облава на еврейскую свадьбу будто бы за то, что оттуда стреляли в легионеров. Все гости были арестованы.

4-го — в Зеликове на станции новоприбывшие солдаты избили всех находившихся там евреев.

5-го — погром во Влоцлавке; около двухсот евреев ранено, разграблено много магазинов; полиция оставалась безучастной; погром продолжался два дня подряд.

В первых числах января погром в Янове.

11-го — в Варшаве ограблены все еврейские пассажиры трамвая.

В Радоме и Радомском уезде польские легионеры в течение января сильно терроризовали еврейское население.

15-го — крупные антиеврейские беспорядки в Варшаве.

17-го — избит раввин в вагоне между Варшавой и Млавой.

17-го — эксцессы в Петрокове, грабежи и насилия.

21-го — избиты в Варшаве на улицах два еврея.

29-го — избиты и ограблены 5 евреев на улице в Варшаве.

29-го — польские легионеры, вступив в Рожаны после боя с большевиками, расстреляли 6 евреев и многих изувечили.

Февраль 1919 года

17-го — легионеры напали на пекарню в Варшаве, одного убили и двоих тяжело ранили.

В Брест-Литовске были устроены большие облавы на евреев, причем двоих подвергли пытке.

В Могельницах было расстреляно легионерами 10 евреев. 17-го — в Кракове устроены массовые обыски исключительно в еврейском квартале, причем было забрано много товару.

Март 1919 года

Терроризирование еврейских прохожих на Теплой улице в Варшаве.

Погром против еврейских торговцев в Цеклове.

В Люблине были избиты еврейские новобранцы.

3-го — в Журомине произошли антиеврейские беспорядки во время выборов нового войта; цель выступлений — устранение евреев от выборов.

12-го — польские рекруты грабили в Границе еврейских пассажиров.

13-го — погром в Пацанове; убитые и раненые.

13-го „ „ Буске.

Погромы в Стопницах и Бендине.

17-го — выброшен еврей из поезда на полном ходу между Лодзью и Калишем.

18-го — погром в Велуне, грабежи, 200 раненых, есть убитые.

19-го — расстреляны во Владимире 4 еврея.

Апрель 1919 года

20-го — антисемитские эксцессы в Холме; рвали евреям бороды.

21-го — польские солдаты напали на Перемышльского раввина.

21-го — антиеврейские беспорядки в Варшаве.

22-го и 23-го — дальнейшие эксцессы в Варшаве.

25-го — эксцессы в Белостоке.

Антиеврейские беспорядки в Ковеле, Холме, Рейвицах.

24-го и 25-го — эксцессы в Люблине, устроенные польскими рекрутами.

27-го — эксцессы в Ленчно.

28-го — погромы в Галиции. В Небылицах убито 4 еврея и 11 ранено. Эксцессы в Высокой и Ленцах.

30-го — антиеврейские беспорядки в Варшаве.

В Пинске долгое время систематически снимали сапоги с еврейских прохожих.

Польская жандармерия в Слупцах сильно терроризовала еврейское население.

В Стрыжове на евреев был устроен погром; трое убито и свыше ста ранено.

Май 1919 года

1-го — погром в Рыше (Галиция), сотни раненых.

„ на станции Вавер эксцессы.

2-го и 3-го—кровавый погром в Сломниках.

Погром в Сенджишове.

В начале месяца — погром в Колбушове; город был подожжен, 2 убитых, 20 раненых.

3-го — погром на станции Мехов; 50 чел. раненых.

5-го — эксцессы в Люблине; разграблено много еврейских магазинов.

5-го — погром в Барнове и Тарнобжеге; на станции Завада легионеры избили евреев.

5-го — погром в Ново-Дворе.

6-го разгром еврейских магазинов в Вольброме.

7-го — рекруты ограбили в Ковеле еврейские магазины.

10-го — погром в местечке Ксенж; 25 евреев ранено.

10-го — погром в Скелбеже.

11-го — эксцессы на станции Колюшки.

11-го „ в Закрочине и Яблонне.

12-го арестован в Варшаве совершенно невинный Айзик Гейблюм по обвинению в организации нападения на министра Падеревского. По пути в тюрьму он был зверски избит толпой.

12-го — антиеврейские эксцессы на Ковельском вокзале в Варшаве; хулиганы кричали: „Это за Падеревского“; ранено несколько десятков евреев.

13-го — крупные эксцессы в Кельцах.

Во Владимире-Волынске избито 8 евреев за то, что они будто бы стреляли в „галлерчиков“. Французские офицеры с трудом отстояли истязуемых.

14-го — антиеврейские эксцессы в Бендине.

Польские солдаты заставляли евреев города Сосновицы исполнять самую грязную работу.

В Неменчине около Вильны погром.

В Ченстохове повседневные нападения на евреев.

20-го — солдаты напали в Варшаве на депутата сейма раввина Гальперна.

22-го — крупные антисемитские беспорядки в Варшаве.

27-го погром в Ченстохове, один еврейский фельдшер убит, много евреев ранено.

Июнь 1919 года

В начале месяца в Люблине происходили беспрестанные нападения на евреев со стороны „галлерчиков“.

Убито 7 евреев в Рудомине.

3-го — погром в Холме; 400 потерпевших.

6-го — погром в Кракове; 200 раненых.

6-го — погром в Заверцах; познанцы разогнали рабочую демонстрацию и потом начали громить евреев; двое убитых, 11 тяжело раненых и много легко раненых.

9-го — эксцессы в Варшаве.

Резка бород в Киклях (около Влоцлавка).

25-го — в Скерневицах убит солдатами еврей за то, что он не дал резать бороду другому еврею.

25-го — охота на еврейские бороды в Колюшках.

26-го — эксцессы в Варшаве; один убит, много раненых.

В течение всего июня легионеры систематически резали бороды в Кельцах.

В Велуне польские солдаты в течение всего июня сильно терроризовали еврейское население. 1-го — избиты и ограблены 6 евреев.

Июль 1919 года

3-го — антиеврейские эксцессы в Лодзи.

6-го — эксцессы в Варшаве.

Повседневные эксцессы в Вершишове; на принудительные работы брали исключительно евреев, резали им бороды, били.

14-го — массовые эксцессы в Ополе, 81 потерпевший.

16-го — погромные выступления в Лодзи; один еврей заколот, 6 тяжело ранены.

В Лисковичах польским легионером застрелен еврейский купец.

19-го — арестовано в Островцах 57 евреев по обвинению в большевизме.

В Колюшках польские солдаты выбросили из поезда свыше 20 еврейских пассажиров.

19-го — арестованы в Лодзи в квартире коженицкого „цадика“ 50 „хасидов“.

В Соколках польский милиционер застрелил еврея; на допросе он заявил, что хотел только „напугать“ убитого и что он не знал, что винтовка заряжена.

30-го — легионеры резали в поезде между Варшавой и Влоцлавком еврейским пассажирам бороды и брали выкуп за каждую бороду.

В конце июля легионеры застрелили еврея в Луне.

31-го — крупные эксцессы в Седлеце.

Август 1919 года

1-го — серьезные антиеврейские беспорядки в Колюшках, во время которых был ранен известный общественный деятель доктор Крук.

Эксцессы на станции Черемуха.

2, 3 и 4-го — крупные эксцессы в Лиде.

17-го — антиеврейские эксцессы в Лодзи после рабочей демонстрации против дороговизны; избито и ранено несколько десятков евреев.

Сентябрь 1919 года

6-го — эксцессы в Варшаве.

Ноябрь 1919 года

6-го — эксцессы в Варшаве.

Декабрь 1919 года

2-го — резка бород на Ковельском вокзале в Варшаве.

8-го — подверглись порке 60 евреев в Вильне.

19-го — эксцессы в поезде между Варшавой и Белостоком.

29-го — эксцессы в Здунской Воле.

Эксцессы идут рука об руку с погромами. Остановимся здесь на некоторых действиях более крупного масштаба

за данный период; крупные военные погромы рассматриваются нами во второй главе книги.

1. Погром в Кельцах 11-го ноября 1918 года

а) Протокол показания от 19-го ноября 1919 г. Еврейскому Национальному Совету в Вене д-ра X (живет в Кельцах, а потому вынужден был во избежание репрессий скрыть свою фамилию)[1].

Д-р X показывает:

„11-го ноября 1918 года в Кельцах имело место еврейское массовое собрание, в котором принимали участие все еврейские партии. Были приняты резолюции, в которых требовалось признание еврейской национальности в Польше и обеспечение за ней прав национально-политической автономии. Вместе с тем собранием приветствовалось возникновение свободной независимой Польши и выражалась готовность еврейского населения сотрудничать и содействовать развитию сил нового государственного образования. Были составлены воззвания к польскому и еврейскому населению г. Келец, в которых выяснялось отношение еврейства к вопросу. В собрании принимали участие также еврейские солдаты и офицеры, присягнувшие уже на верность молодой Республике; в своих выступлениях они заявили, что участвуют на собрании, как польские граждане еврейской национальности. Я также выступал в весьма лойяльном духе по отношению к Польской Республике.

„Собрание закончилось в 6 часов вечера. Когда мы оставили зал (собрание происходило в театре на одной из главных улиц Келец), мы заметили на улице большую толпу, состоявшую, главным образом, из молодых поляков, с палками в руках. При выходе из театра толпа на нас набросилась и стала избивать палками. Возникла паника; евреям, бывшим еще в зале, было предложено оставаться на месте... В залу вошел заместитель коменданта милиции и приказал женщинам удалиться, а мужчинам отдать оружие. Как выяснено впоследствии, был распространен слух, что из собрания стреляли в польского легионера. Присутствовавшие ответили, что у них оружия нет; все были подвергнуты обыску, при чем оружия фактически не оказалось... В залу вдруг ворвалась огромная вооруженная толпа, и начался настоящий погром, при котором оказалось

[1]) L. Chasanowitch „Die polnischen Judenpogrome", стр. 33—36.

раненых свыше 200 человек... Погромщики пустились затем по еврейским улицам и магазинам и стали грабить. С железнодорожной станции была вызвана охрана, которая, прибыв на место, присоединилась к громилам... Для отношения польского общества к Келецким событиям характерен следующий факт: к тяжело раненому в театре мальчику был вызван д-р Яновский, поляк; прибыв туда, он даже не осмотрел больного и не оказал ему помощи, а ограничился замечанием: „он уже издох", хотя пострадавший еще дышал.

„Для оправдания погрома была, помимо вышеуказанного слуха о стрельбе из собрания по легионеру, также распространена легенда, что евреи восклицали: „Да здравствует революция. Да здравствует Троцкий" и т. д. Я, как и другие участники собрания, бывшие на нем от начала до конца, могу подтвердить, что не было ни одного возгласа, направленного против польского народа или польского государства.

„На следующий день, во вторник 12-го ноября, опять начался погром, продолжавшийся до 6 часов вечера. Всего было ранено свыше 500 человек евреев, из коих 15 умерло от ран до 17-го ноября; число умерших с того времени увеличилось. При сем прилагаю первый список 108 раненых и 3 умерших; остальные списки будут мною представлены впоследствии [1]).

„Организаторы собрания были арестованы, но на следующий день освобождены. На их обращение к городскому голове по поводу погрома последний ответил, что для надлежащей охраны еврейского населения потребуется милиция в составе ста человек, и что евреи должны уплатить сумму в 300 тысяч крон для покрытия этого расхода... Таков же был ответ Правительственного Комиссара; последний потребовал для солдат, кроме того, 2.000 локтей полотна. Погром превратился таким образом для власти в средство наложения контрибуции на еврейское население; для охраны же его жизни и достояния ничего не было сделано.

„Во вторник 12-го ноября погром происходил на Окружной площади (Ринг-плац); тут же был и городской голова, который преспокойно взирал на происходившее на его глазах, хотя 5—6 милиционеров было бы достаточно для того, чтобы положить конец беспорядкам.

[1]) Число пострадавших преувеличено; см. ниже докладную записку Еврейской Общины.

„Я пошел к еврейскому офицеру сговориться об организации самообороны из еврейских военных. От него я узнал, что по приказу Командующего Генерала все еврейские офицеры и солдаты разжалованы под предлогом, что „этого потребовала делегация легионеров“... Положение еврейского населения — ужасно, отношение польской власти, гражданской и военной — враждебное, является прямой опасностью выйти на улицу, не говоря уже о поездке по железной дороге...

„Я должен к этому добавить, что погром в Кельцах не является единственным; во многих польских городах и местечках имели место еврейские беспорядки.

За правильность указанных обстоятельств я беру на себя полную ответственность“. (Подпись.)

б) Из докладной записки о Келецком погроме, поданной Еврейской Общиной Начальнику Государства Иосифу Пилсудскому:

„Организационный Комитет, имевший целью создание национально-еврейского представительства, созвал с разрешения надлежащей польской власти 11-го ноября 1918 года народное собрание. Митинг продолжался с $2^1/_2$ до $6^1/_2$ вечера. Когда большая часть участников оставила собрание, в залу ворвались вооруженные милиционеры и, под предлогом поисков оружия, отобрали у еврейских скаутов их палки. Милиция арестовала организаторов и ораторов, пригрозив им расстрелом, а остальным участникам воспретила тронуться с места; одновременно милиция впустила в зал банду хулиганов в 30 человек; банда эта вместе с милиционерами набросилась на евреев и стала их избивать и грабить. Евреи по выходе из театра попадали в руки толпы, которая немилосердно их избивала. Погром продолжался с 7 с половиной до 10 часов вечера, после чего разбушевавшаяся толпа пустилась по Старо-Варшавской улице и стала громить еврейские магазины, ломать в них стекла, врываться в еврейские дома и уничтожать все, что попадалось ей под руки. Тяжело раненые были заперты полицией в „Отеле Польском“, где они оставались с 10 час. веч. до 11 час. утра без капли воды и без какой-либо медицинской помощи.

„На второй день, 12-го ноября, погром продолжался с 2-х до 6 час. веч. Число жертв доходит до 250 раненых и 4 убитых.

„Следующие факты доказывают, что погром был подготовлен: городская милиция раздавала палки хулиганам;

городская власть относилась пассивно к разыгравшимся событиям и была бездеятельна".

Подписана записка делегатом Еврейской Келецкой Общины.

Варшава, 25-го ноября 1918 года.

в) Официальное Польское Телеграфное Агентство (ПАТ) сообщает о Келецком погроме следующее:

„Большевизм является наибольшей опасностью, угрожающей Польскому Государству; он проникает к нам из России через многочисленных агентов большевистского правительства, среди коих польские евреи играют большую роль... Авангардом анархии является так называемая „Социал-демократическая партия Польши", состоящая, главным образом, из евреев и находящаяся в тесном контакте с русскими большевиками.

„В памятные дни 11 и 12-го ноября была произведена большевистскими элементами в Польше попытка вырваться на общественную арену. Как явствует из протоколов, составленных властью, в Варшаве имели место 7 случаев нападения на солдат со стороны еврейских большевиков при возгласах: „долой польское войско, долой Польшу"... В Кельцах приезжие большевистские агенты, также и евреи, держали речи, заканчиваемые возгласами: „долой белого гуся" (так именуется ими польский орел на национальном знамени), „долой Польшу", „да здравствует Троцкий"... Результатом такого поведения явилось огромное возбуждение населения и нанесение ран 7 евреям... В Варшаве и других городах Польши дело не доходит до антисемитских выступлений, что доказывает лишний раз спокойствие и терпимость населения... А если в Кельцах дело дошло до эксцессов, в которых евреи явились потерпевшими, то вина за них падает всецело на еврейских большевистских агитаторов".

2. Погром в Перемышле [1])

После развала австро-венгерской армии украинские и польские партии заключили соглашение, по которому город Перемышль и округ его переходят в управление Смешанной Комиссии до момента, пока мирной Конференцией не будет решен вопрос о переходе края к тому или иному государству. Комиссия состояла из четырех поляков и четырех украинцев.

[1]) По книге Л. Хазановича „Die polnischen Judenpogrome", стр. 38—42; отчет составлен по аутентическим документам.

Одновременно образовался Еврейский Национальный Совет, в который вступили представители всех партий и социальных группировок; были представлены также и ассимиляторы [1]). По предложению Еврейского Совета представитель его д-р Ландау был включен в состав Смешанной Комиссии, как делегат от еврейского населения. 3-го ноября 1918 г. Еврейский Национальный Совет выпустил прокламацию на трех местных языках (еврейском, польском и украинском), в которой об'являлся самый строгий нейтралитет в польско-украинском вопросе [2]).

В краткий трехдневный срок управления Смешанной Комиссии порядок в городе охранялся тремя отделениями милиции: еврейской, польской и украинской, между которыми не возникало никаких трений. Но затем началась борьба между поляками и украинцами; 4-го ноября город был занят украинскими войсками. Поляки были принуждены отступить к предместьям; в тот же день Еврейский Национальный Совет опять принял резолюцию о соблюдении строжайшего нейтралитета, о чем и было немедленно сообщено национальным комитетам борющихся сторон, что последние и приняли к сведению. Так как еврейская милиция охраняла порядок в украинской части города, то для дальнейшего несения службы Еврейским Советом был запрошен Польский Национальный Комитет. Председателем последнего Феликсом Пржеемским был дан ответ, что с его стороны к этому не встречается никаких препятствий, и что он не усматривает в этом нарушения нейтралитета. Согласно соглашению с украинцами, еврейская милиция не несла службы в районах, „имеющих политический характер", а также и в местах, где была хоть малейшая возможность столкновений между украинскими и польскими частями; копия этого соглашения была доставлена польскому комитету.

Несколько дней спустя после овладения городом украинцами, последние обратились к Еврейскому Совету с требованием о признании ими украинского суверенитета над Перемышлем. Еврейский Совет категорически отказался выполнить это требование, ссылаясь на об'явленный им нейтралитет; ответ был также сообщен полякам.

---

[1]) Ассимиляторы — политическая группа еврейской буржуазии, отрицающая существование отдельной еврейской нации и ищущая тесного соглашения с либералами-поляками.

[2]) Подробнее о положении евреев в польско-украинской борьбе см. ниже (Погром в Львове).

Однако, поведение Еврейского Совета не возымело никакого действия на руководящие круги поляков; темные силы готовили уже почву для еврейского погрома. Был пущен слух, что евреи действуют заодно с украинцами; были разбросаны многочисленные листки с призывом к избиению евреев.

Под давлением Еврейского Совета Польский Национальный Комитет согласился официально опровергнуть курсирующие слухи и выразить благодарность еврейской милиции за деятельность ее в районе, занятом поляками. Воззвание Польского Комитета, составленное в спокойном тоне, было отпечатано немедленно; расклеено же оно было лишь 9-го, т. е. спустя три дня, когда погромная пропаганда приняла уже определенно угрожающие размеры.

10-го ноября поляки повели наступление при помощи броневого поезда; наступление было отбито. Второе наступление было более успешным — им удалось перейти реку Сан и занять город. С этого момента начинаются военные вакханалии, направленные исключительно против еврейского населения. Под предлогом, что еврейское население скрывает у себя пулеметы с целью использовать их против польских войск, группы легионеров врываются в еврейские дома, заставляют открывать им шкапы, кассы, комоды и проч. и забирают все, что попадается им под руки. На главных улицах, как, напр., на Францисканской, легионеры и штатские взламывают еврейские магазины и грабят их дочиста. Товары целого ряда крупных магазинов (Стриги, Вильгера, Левенталя, Нахта, Гольдберга, Кланга, Оксенберга и др.) вывозятся на подводах; все, что не подается вывозу, уничтожается тут же на месте. Значительное число евреев было ранено при этих беспорядках; мебельного торговца Ротера таскали по улице и затем закололи зверским образом. Одна из банд ворвалась в синагогу, осквернила ее, прикрыв следы своего пребывания молитвенными облачениями и разорванными свитками торы.

Дабы не дать полякам ни малейшего повода к обвинению еврейской милиции в нарушении нейтралитета, последняя вообще не появлялась на улице. Несмотря на это, еврейских милиционеров вытаскивали из казарм и подвергали зверским истязаниям; 45 еврейских милиционеров были заключены в казематы. Кроме того, были схвачены на улице до 300 евреев и арестованы; среди них много стариков и детей. По пути

в тюрьму их подвергали всяким издевательствам и насилиям, с них снимали даже обувь, не говоря уже об отбирании всех имевшихся у них вещей. Два еврейских офицера милиции были избиты самым зверским образом; лишь чудом им удалось спастись от верной смерти. Погром продолжался также 12 и 13; лишь 14 он стал принимать более слабые формы; облавы же на еврейские квартиры продолжались еще долго; они обычно заканчивались отбиранием денег и всех ценностей.

17-го было опубликовано следующее воззвание к „Перемышльскому населению Моисеева закона“: „Вследствие установленного факта, что евреи, несмотря на все свои обещания соблюдать нейтралитет, в массе участвовали в боях за Перемышль на стороне украинцев, я приказываю Еврейской Общине внести в кассу Окружного Командования Польской армии залог в 3 миллиона крон... Залог подлежит конфискации в пользу польской армии в случае вооруженных выступлений еврейского населения против польских военных отрядов. В случае, если к означенному сроку залог не будет внесен, мной будет отдан приказ по войскам о принудительном взыскании означенной суммы с еврейского населения“. Перемышль. 17-го ноября 1918 года. Подписал: Токаржевский—поручик и окружной комендант.

Еврейский Национальный Совет решил ни в каком случае залога не вносить; неизбежный погром был предотвращен стараниями членов Польского Комитета, понявших, что погром повредит польским интересам за границей и на мирной Конференции. Польский Комитет высказывается против означенного залога; военное командование вначале запротестовало „против вмешательства Комитета в военные дела“, но, наконец, вынуждено было уступить. Зато оно потребовало от Еврейского Национального Совета подписку в том, что он берет на свою личную ответственность дальнейшее поведение еврейского населения. Еврейские представители находились в тяжелом положении; подписка, помимо унижения, означала бы косвенное признание нелойяльности отношения евреев в Польше в прошлом; с другой стороны, отказ от дачи подписки навлек бы катастрофическую погромную опасность на еврейское население. Подписка была дана при соглашении с Польским Комитетом, что он „свидетельствует, что эта подписка была вынуждена“.

3. Погром в Холме [1])

„Уже три недели, как еврейское население преследуется солдатами и чернью и не находит себе никакой охраны со стороны местной власти... 3-го июня 1919 года выступления приняли опасный характер. Достаточно было необоснованного слуха, что евреями убит польский легионер, чтобы банды солдат 35-го полка, рекрутов и молодежи, вооруженные штыками, нагайками и кастетами, набросились на евреев и учинили погром с 8-ми часов утра до поздней ночи. Подверглись избиению до 200 евреев, из них несколько десятков женщин и детей; многие оказались тяжело ранеными. Не обошлось дело без грабежей; таких случаев насчитывается 47; не говоря уже о разграбленных магазинах и частных квартирах, совершены были также нападения на молельню и микву (место ритуальных омовений), где избиению подверглось 80 евреев, не щадили даже голых женщин.

Характерно поведение жандармерии и тюремной стражи во время беспорядков; жандармы производили облавы на еврейские квартиры, резали бороды, били прикладами, грабили деньги и драгоценности. Несколько еврейских граждан и гражданок были арестованы без всякого основания; арестованные были избиты штыками и нагайками и принуждались к разным работам. В тюрьме они немилосердно были избиты стражей, причем во время экзекуции, продолжавшейся несколько часов, они вынуждались стоять лицом к стене.

4. Краков

Интерпелляцией, внесенной в Сейм 13-го июня 1919 г. еврейскими депутатами, краковские события рисуются следующим образом:

„6-го июня 1919 года в Кракове имели место антиеврейские выступления, в которых принимала участие местная городская чернь, „галлерчики“ [2]) и солдаты других формирований. Полиция, которая легко могла бы восстановить порядок, отнеслась к происшествию совершенно пассивно и не препятствовала грабежам и жестоким избиениям, продолжавшимся всю ночь...

[1]) Согласно интерпелляции в Сейме 14-го июня 1919 г. депутата Шипера и друг.

[2]) Солдаты и офицеры из отрядов генерала Галлера.

Результатом беспорядков является: свыше 30 начисто ограбленных еврейских магазинов, около ста человек легко и тяжело рененых, из коих один вскоре скончался; целый ряд еврейских семейств оказались совершенно разоренными".

5. Ченстохов

а)[1]) 27-го мая 1919 года неизвестным был легко ранен в голову ординарец 27-го стрелкового полка. По городу немедленно разнесся слух, что евреями убит польский офицер. Несмотря на то, что полицией была произведена ревизия дома, из которого якобы раздался выстрел, причем ничего обнаружено не было, городской чернью вместе с „галлерчиками" был избит на смерть еврей, работавший в том доме, и также убит фельдшер еврей Носонович, направившийся в сопровождении легионеров оказать помощь избитому; после этого толпа во главе с „галлерчиками" пустилась по еврейским кварталам. В результате 5 убитых и 30 человек тяжело и легко раненых (среди последних также женщины и дети).

Нападения на евреев, резка бород, грабежи и проч. уже имели место с начала мая; еврейское население обращалось неоднократно к городскому голове и другим представителям власти без всякого, однако, результата. Местная пресса находила даже возможным восхвалять легионеров за их „патриотические, общественно-полезные подвиги"...

б) Делегация Ченстоховского Совета Рабочих Депутатов[2]) подала 18-го июня 1919 г. по поводу Ченстоховского погрома докладную записку Министру Внутрениих Дел Войцеховскому, в которой говорится:

„17-го мая с. г. Исполнительный Комитет Ченстоховского Совета Рабочих Депутатов послал в Министерство телеграмму следующего содержания: „Мы только что узнали, что народная милиция оставляет город. Вследствие возбужденного состояния и опасности взрыва антиеврейских беспорядков, мы просим отсрочить отзыв милиции, к которой население питает доверие". Министерство не нашло нужным считаться с нашим

---

[1]) Из интерпелляции, внесенной в Сейм еврейскими депутатами.

[2]) В период, непосредственно примыкающий к падению германской оккупации (с ноября 1918 года), в Польше сорганизовались советы рабочих депутатов, в состав которых входили делегаты от рабочих трех партий: P. P. S., коммунистической и еврейского „Бунда". Весной 1919 года советы были ликвидированы стараниями P. P. S.

предостережением. Теперь же Ченстохов стал ареной еврейского погрома, в котором принимали участие „галлерчики“, „познанчики“, уличная толпа и проч. темные элементы. Полиция и военная власть были бессильны против разбушевавшейся толпы. Кровь жертв падает на головы тех, кто имел возможность предотвратить события оставлением в городе милиции, но не нашел нужным считаться с нашими заявлениями. Отношение Министерства к вопросу об отзыве милиции парализовало все усилия Исполнительного Комитета Совета Рабочих Депутатов, направленные к охране в городе спокойствия и безопасности“.

6. Ряд мелких пунктов [1])

В марте 1919 года, как бы по определенному сигналу, вспыхнул целый ряд погромов в пунктах Килиники, Буск, Шидловец, Стопницы, также и в других многочисленных местечках Калишской и Келецкой губерний; позже вспыхнул погром в Велуне. В мае месяце были учинены погромы в Мехове, Слонимках, Ксенже; в то же время бандами крестьян разграблены Ржешов, Калбушево и целый ряд других местечек в Чижовском районе. Административная власть бездействует; судебная власть начинает соответствующие расследования, однако, о результате таковых не слыхать. В армии и администрации ведется определенная агитация против евреев. На улицах расклеиваются плакаты, угрожающие евреям погромами в случае политических или военных неудач; жандармерия арестовывает тех, кто пытается срывать подобные плакаты. Под видом борьбы со спекуляцией были произведены в Лукове, Конске и других городах обыски и облавы исключительно на евреев... Каждое продвижение войск по стране оставляет след в виде еврейской крови и слез... Вновь прибывшие „галлерчики“ били и грабили еврейское население в Ново-Дворе, Закротчине, Холме и других местах; на вокзалах и железных дорогах евреев бьют и чинят над ними всякие бесчинства и глумления.

7. Демблинская трагедия [2])

„Я выехал в Демблин, чтобы на месте установить обстоятельства, о которых мне говорила делегация... Гершон

[1]) Из интерпелляции еврейских депутатов министру-президенту, июнь 1919 года.

[2]) Из отчета еврейского Сеймовского депутата д-ра Вейнциера (2-го июля 1919 года).

Рубинштейн, 26 лет, передал мне, что 21-го июня утром две его сестры отправились за мукой в Шетшехов; еще одна сестра его отправилась за этим же в Гневешово... В четыре часа дня четвертая сестра пошла им навстречу, так как ее беспокоило их долгое отсутствие. Сестры Рубинштейн носят имена: Малка, Дина, Алта и Рухома — в возрасте 24, 18, 15 и 12 лет. До сих пор сестры не возвращались; имеются обоснованные подозрения, что они убиты и брошены в Вислу. Подозрения усиливаются тем обстоятельством, что 30 июня были вытащены из Вислы мертвые тела Рохли Гржебин и Сары Махлевич, которые были задержаны стражей, охраняющей мост. Пакеты четырех сестер Рубинштейн, как будто бы, найдены у мостовой стражи, арестованной по приказу властей. Две женщины Соша Гельдштейн, 44 лет, замужняя, мать четырех детей, и замужняя Ита Рубинштейн, 24 лет, жена Гершона Рубинштейна, передают, что над ними лейтенант Садковский часто глумился... Еврейское население страшно обеспокоено, так как оно уверено, что все шесть женщины убиты стражей по приказанию лейтенанта Садковского... Согласно раз'яснению врачей, вскрытие тела утонувшей Рохли Гржебин обнаружило следы насилия и растления; вскрытие Махлевич обнаружило следы удушения — в реку было брошено ее мертвое тело"... Подпись: д-р Вейнциер.

Позже тела четырех несчастных сестер Рубинштейн были найдены в Демблине. Целый ряд лиц, в том числе и лейтенант Садковский, были преданы военно-полевому суду по обвинению в убийстве и изнасиловании... Лейтенант был осужден к... шести неделям тюрьмы.

Описанные нами действия представляются польскими властями и официальными органами, поскольку они вообще не отрицаются, как „последствия естественного народного гнева" против изменников евреев.

Однако, „естественный народный гнев" возбуждается весьма определенным образом... Передо мной огромная масса антисемитских подстрекающих плакатов, воззваний, прокламаций... Круги народовой демократии и примыкающая к ним высшая военная власть, также другие темные силы Польши распространяют творимую легенду о евреях большевиках, изменниках Польши, о борьбе евреев рука об руку с немцами, украинцами, русскими против освобождающейся Польши.

Легенда эта не нова для Польши; антисемитские круги широко пользовались ею во время войны, причем для русского военного командования фабриковались сведения и данные о немецкой ориентации еврейства, о шпионаже евреев в пользу немцев. Во время германской оккупации евреи оказывались русскими шпионами; в Галиции евреи были „за русских" до прихода русских войск, а после их прихода евреев вешали, как немецко-австрийских шпионов.

Приводим несколько наиболее характерных из этих воззваний:

а) 14-го октября 1918 года в Варшаве было вывешено воззвание „ко всему польскому народу", в котором, между прочим, говорится:

„В большевистско-анархистском движении, охватывающем Польшу, евреи играют доминирующую роль... А потому я приказываю отделам Национальной Милиции регистрировать в районе своей деятельности заложников из евреев... Если в каком-либо районе, находящемся в ведении Национальной Милиции, появятся признаки большевистской деятельности, взятые заложники должны быть расстреляны".

Подписал генерал Витольд Орский...

б) 13-го октября 1918 года по Варшавским улицам была расклеена прокламация, которую и приводим в выдержках:

„Поляки, осторожно... Подкупленные еврейским золотом польская социал-демократическая партия и еврейский „Бунд" организуют в Польше большевистский бандитизм... Жид Бронштейн-Троцкий, „великий представитель интернационального пролетариата", окружил себя бандой бывших царских прислужников и их кровавой рукой душит русский народ... Меч, который они (евреи) поднимут против нашей груди, с силой ударится о их головы... Долой жидовскую интригу. Долой большевизм"... Подпись: „Армия Освобождения".

в) 15-го апреля 1919 года в Варшаве расклеена была следующая погромная прокламация:

„Предостережение. Немцы и большевики готовят заговор против Польши; агентами их являются евреи. У нас имеются документы, что главными руководителями коммунизма являются также евреи... Мы предостерегаем поэтому еврейское общество, что в случае попытки переворота евреи понесут должное возмездие: из всякой сотни евреев один будет убит... Варшава сможет отомстить... А потому мы требуем от всех евреев, чтобы они сейчас же приостановили свою революционную деятельность, — ибо в противном случае пострадают вместе с виновными также и невинные"... Подпись: Союз борьбы с коммунизмом — Варшавское Отделение Центрального Исполнительного комитета.

Массовое распространение получили следующие два воззвания:

г) „Поляки и польки

Мы дождались того, что и для нас пробил час реальной возможности

нашей независимости; однако, это не полная независимость, ибо с горечью мы должны признать, что мы еще подчинены евреям. Евреи — наши явные враги и не скрывают этого; они морально и физически отравляют наш народ; они торгуют „живым товаром"; они фальшивомонетчики. Это—гиены войны, разжиревшие на спекуляции, крови и слезах нашего народа; они кричат, что Польша принадлежит им; эти шакалы швыряются миллионами, чтобы натравить нас друг на друга; они хотят, чтобы мы один другого перерезали, а они могли бы воспользоваться нашим наследством и забрать остатки народного достояния, как они это уже сделали в России. Они ненавидят польское войско, нашу опору, нашу единственную надежду, и пытаются привить эту ненависть и польскому народу. Мы спрашиваем, в какой стране позволено кричать: долой войско, где можно нападать, ранить и убивать это войско? Разве мы должны на потеху евреям сами себя ненавидеть и бороться сами с собой, а по отношению к нашим страшнейшим врагам мы должны оставаться апатичными.

Польский народ, польский люд, соединяйтесь под священным лозунгом: „в единении сила". Ты, польская мать, няньчащая своих детей, хочешь ли, чтобы еврей-торговец продал их в дом разврата? Ты, отец-поляк, всю свою надежду возлагающий на свое дитя, хочешь ли, чтобы еврей-отравитель развратил его алкоголем, развратом и ненавистью ко всему польскому и дал ему нож в руки, чтобы поразить отцовское сердце? Итак, к делу, к защите всех бедных и богатых, нет больше времени для колебаний; или мы, или евреи; либо Польша станет страною этики и культуры, либо она превратится в притон и убежище для шайки выродившихся и прогнивших евреев".

Союз: „В единении сила".

д) „Еврейская работа.

Мировую войну вызвали евреи-богачи из Вены и Берлина, уверявшие германского императора, что он завоюет весь свет, ибо в императоре они избрали орудие для исполнения своих планов.

Из-за евреев пропали императоры германский и австрийский; и ныне евреи торжествуют, ибо мировая война наполнила их карманы; при помощи крови, нужды и слез человечества они овладели всем золотом мира.

Польшу они считают своею собственностью, а чтобы окончательно ее погубить, они пытаются теперь разбить на мелкие части земельную собственность.

Они делают это, во-первых, чтобы евреям легче было скупать польскую собственность, а, во-вторых, чтобы еще увеличить дороговизну и голод.

Польский крестьянин с голыми руками возьмется за участок земли всего лишь в несколько моргов, без лошади, без скота, без машин, без семян, без денег; пока он дождется кредита, ему с женой и детьми придется наголодаться, а еврей будет его тем временем искушать и откупит у него надел, причем, пожалуй, даже хорошо заплатит.

Так продает надел один крестьянин, другой, десять и т. д., пока евреи не скупят помаленьку всю Польшу, а крестьяне пойдут к ним в рабочие и невольники.

Когда будут поделены более крупные имения, уменьшится и производительность и не будет сахару, потому что кто же станет сажать свеклу на участке в несколько моргов?

Не будет ячменя для винокурен и шерсти для фабрик, так как никто не сможет держать тысяч овец.

Польская промышленность исчезнет, фабричные рабочие опять начнут поголовно переселяться в Германию или в Америку — Польша должна будет ввозить дорогие готовые товары, и в ней начнется окончательное господство воцарившихся евреев.

Польский народ, берегись аграрной реформы, еврейской затеи, рассчитанной на гибель Польши".

Союз польских крестьян.

Варшава, 15-го мая 1919 года.

Как борется с эксцессами высшая власть страны? Что делает местная военная и гражданская власть, призванная ограждать население?

Высшая власть старается во что бы то ни стало опровергнуть приводимые в интерпелляциях еврейских депутатов Сейма доказательства и факты, искажая действительный характер происшествий. Приводим один такой документ Министерства Внутренних Дел Польской Республики, крайне похожий на аналогичные документы этого же Министерства в царской России:

Министерство Внутренних Дел
№ П. С. 120 С/З
Клубу Еврейских Сеймовых Депутатов.

В ответ на запрос 462/19 о происшествии в Кшепицах и районе сообщаю, на основании об'яснений местной власти и протоколов расследования, нижеследующее:

Неправильным является утверждение, что проезжающие легионеры занялись 27-го мая избиением еврейского населения и резкой бород в Кшепицах. Резка бород имела место за городской чертой, причем никаких жалоб со стороны потерпевших в полицию не поступало; паники также никакой в местечке не было... Во время пребывания в местечке 4-й роты 27-го пехотного полка 27-го ночью произошел на рынке взрыв нескольких ручных гранат, каковым взрывом было убито несколько солдат и одно лицо гражданского состояния — христианин; свыше 30 солдат были тяжело или легко ранены, один еврейский мальчик был легко ранен в ногу. На следующие сутки умер от ран еще один солдат. Офицер, командовавший ротой, распорядился немедленно произвести расследование. После первого дознания было отдано распоряжение об аресте нескольких евреев, проживающих на рынке, что было приведено в исполнение солдатами 27-го мая утром. Легко об'яснимое возбужденное состояние христианского населения, приписывающего вину за взрыв гранат евреям, не привело, однако, ни к каким выступлениям.

Еврей, якобы раненый штыком 28-го мая в 11 часов ночи, разыскан не был; врач в Кшепицах раненого не видел.

Узнав о происшедшем, крестьяне окружающих сел в количестве 30 человек прибыли в город; после разговора с комендантом они вернулись домой.

Произведенная той же ночью ревизия была произведена чувствительным для еврейского населения образом. Сообщения же, что евреев били и „жестоко, безжалостно истязали", не соответствуют действительности. Арестованный 82-летний Герш Абрамович отрицает, что его больного вытащили из постели; его действительно били, но он выздоровел без медицинской помощи. Из числа якобы подвергшихся избиениям 200 человек лишь один обратился к врачу в Ченстохове. Ледерман, который, по утверждению его сестры, находился при смерти от полученных побоев, был освидетельствован врачем, констатировавшим лишь легкие царапины на коже... Неправильно также сообщение, что одна женщина была ранена штыком; в действительности же она вовсе ранена не была: установлено лишь, что в ночь с 30 на 31-е мая солдатом стрелкового баталиона во время ссоры была на ней разорвана блуза. Что касается грабежей, то никаких жалоб в полицию или магистрат не поступало; полицейские, дежурившие весь день 29-го мая по городу, не заметили, чтобы имели место взломы магазинов или похищения товаров. Что же касается единственной жалобы одного купца, то комендантом было установлено, что солдаты лишь рассматривали его товары и предлагали ему невысокие цены; по приказу же солдатами магазин был оставлен... Арестованные были переданы военной властью в руки жандармерии, которая освободила более старых; те же, у кого была найдена коммунистическая литература, были отведены 29-го мая в Экспозитуру Ченстоховского Окружного Суда... Неправильны сообщения, что 7-го июня евреи были подвергнуты истязаниям в присутствии коменданта полиции; эксцессы состояли лишь в том, что у местного сапожника-еврея была отрезана борода.

Христианское население в Кшепицах вело себя совершенно спокойно, ограничиваясь лишь указанием местожительства лиц, разыскиваемых солдатами. Лишь в двух случаях были попытки бросать камни в еврейские жилища... Обвиняемые во взрыве уже освобождены.

Приведенный нами документ является характерным не только по стилю и форме, но и по содержанию: он дает точную картину взаимоотношений центральной и местных властей по еврейскому вопросу. Местная власть прекрасно понимает общую тенденцию высшей власти; кроме того, ее симпатии всецело на стороне громил и хулиганов.

Лишь в исключительных случаях мы находим некоторое „внушение" легионерам не глумиться над евреями. Таков приказ начальника Дембской жандармерии о том, что „военным лицам запрещается резка еврейских бород и пейсов"...

Как подействовал такой приказ—неизвестно. По всей вероятности, он возымел малое действие, раз оказалось необходимым выдавать особые легитимации раввинам „на право ношения

бороды". Таков поистине исторический документ—польский habeas corpus act—„удостоверение", выданное раввину сроком на шесть дней.

Документ гласит:

15-го августа 1919 года.

1-е Отделение Команды подпоручика группы войск Зарицкого.

Удостоверение.

Сим свидетельствуется, что Хацкель Абрамский является раввином, и как лицу духовного звания ему разрешается носить бороду.

Подписал: Временный комендант города.

Годно без печати до 21 с. м.

ГЛАВА II

ВОЕННЫЕ ПОГРОМЫ (1918—1919 г.)

Перманентная эксцессно-погромная стихия испытывает свой под'ем в моменты обостренной борьбы Польши с внешним врагом. Творимая легенда о еврейской измене приобретает тогда особую яркость и определенность — еврей всегда на стороне врага Польши, безразлично, является ли этим врагом немец, галицийский украинец или русский большевик, еврей заодно с ними. Эта легенда необходима официальным руководителям Польши: она призвана усилить воинский дух легионеров, доставляя определенный об'ект их ненависти, с которым им легко справиться по пути к победе; она должна сплачивать крестьянские легионерские массы с различным интересом и различным настроением; и, наконец, она должна дать возможность удовлетворения алчных аппетитов легионеров по взятии того или иного пункта имущество „изменников" евреев отдается в течение нескольких дней на поток и разграбление войскам.

Легенда эта сыграла свою роль при всех крупных военных погромах указанного периода; она находит свое выражение в многочисленных воззваниях, прокламациях и плакатах, распространяемых среди войск во время военных действий — в них возбуждается уже имеющееся антисемитское настроение, превращая его в активную погромную готовность.

Во Львове (Лемберге) за несколько дней до погрома было вывешено следующее об'явление:

„В субботу сего 14-го в 10 часов утра в польской гарнизонной церкви (Длуга улица) будет отслужена панихида по полякам и полькам, убиенным при защите Лемберга от немцев, украинцев и евреев. Польский военный Союз приглашает желающих на эту панихиду"...

В Лиде был вывешен следующий плакат на русском языке, рассчитанный, как видно, и на красноармейцев:

„Товарищи.

Жиды продали Россию. Россия была богатейшею страною в мире: богата золотом, хлебом, скотом, углем, металлом. Куда девалось все это?

Золото жиды вывезли в Палестину, нам дают, как детям, цветные бумажки, негодные даже для обертывания конфект. Угольные копи и источники нефти продали. Хлеб наш и скот отдали тайком немцам за громадную сумму денег. Куда делись эти деньги? *Спросите Троцкого и его соучастников-жидов.* Теперь продают нашу *кровь,* велят нам воевать в чужой стране, неизвестно, за что и зачем. Какая нам польза от этой войны? Земля здесь плохая, да и недостойно отнимать ее у местного бедняка-крестьянина.

Если хотим денег и богатства, то вывернем карманы у наших начальников-жидов, а найдем там такое количество, о котором никто и не мечтал, и *притом не рискуя жизнью.* Этого собственно и боятся жиды, боятся мести русского народа, а потому, чтобы сохранить свою добычу, повели они войну с целым миром, посылая нас на верную смерть, чтобы ни один русский не остался в живых, который мог бы потребовать отчета:

Кто дал право продать Россию?

Русский народ миролюбив, чужого не хочет, не одну обиду перенесет, но когда с него не только рубаху, но и кожу жиды сдирают, сумеет сказать: довольно этого, *довольно войны, идем домой, там сведем счеты с нашими главарями-предателями*".

На почве такой активной агитации и разыгрались нижеследующие трагические события.

1. Львов (Лемберг)

Львов, столица Галиции, имеет около 420 тысяч населения, из коего 120 тысяч поляков, 70 тысяч евреев и 50 тысяч украинцев. Поляки относительно сильнее здесь, чем в провинции, где украинцы образуют большинство населения; для всей Восточной Галиции имеется следующее соотношение населения разных национальностей: украинцев — 64%, поляков — 23%, евреев — 12% и немцев — 1—2%. Поляки образуют крупное землевладение и чиновничество, евреи — средний торговый класс ремесленников и отчасти рабочих, украинцы же составляют в своем большинстве крестьянскую массу. В борьбе между поляками и украинцами за Восточную Галицию одни и другие ссылались на Вильсоновский принцип самоопределения наций, причем поляки, ссылаясь на свое большинство, могли указать лишь на крупные города; между тем, даже в них, как, например, во Львове, число поляков доходит лишь до 50%, а потому поляки в своих статистических выкладках включали евреев в свой состав. Украинцы, со своей стороны, старались перетянуть евреев на свою сторону, заискивая перед ними и прельщая их „национально-культурной автономией"... Польская же буржуазия рассматривала евреев с точки зрения господина, причисляющего рабов или крепостных к составу своей

челяди; всякое „рассуждение“ со стороны евреев воспринималось господствующими классами, как нарушение его исконных прав. Таким образом, в вооруженном споре между поляками и украинцами за Восточную Галицию каждая из воюющих сторон считала, что евреи должны стать на ее стороне. Находясь между молотом и наковальней, евреи решили об‘явить свой нейтралитет в этой борьбе.

Первого ноября 1918 года при захвате Львова украинцами в городе состоялось совещание еврейских партий (сионистской, еврейско-социалистической [1]), поалей-сионистской [2]) и мизрахистской [3]) — в помещении Еврейской Общины. Единогласно было постановлено о полнейшем соблюдении нейтралитета и образовании собственной милиции для охраны еврейского населения. Был образован из представителей всех партий „Еврейский Комитет Безопасности“, коим опубликовано было следующее воззвание:

„К еврейскому населению города Лемберга.

Последние события затрагивают интересы всего еврейского населения нашего города. В настоящий тяжелый момент ни одна еврейская партия не имеет права подвергать опасности жизнь и имущество 70 тысяч евреев. Представляется необходимым, чтобы ближайшие часы застали нас об‘единенными для защиты интересов и чести Лембергского еврейства. Для этой цели и образован Еврейский Комитет Безопасности, в котором представлены все еврейские партии. Задачей Комитета является охрана порядка и спокойствия в еврейском квартале и обеспечение еврейского имущества; для выполнения сего Комитет обращается к еврейскому населению с просьбой выполнять все его приказы, соблюдать должную дисциплину и сохранять строжайший нейтралитет, причем должна быть избегнута односторонность по отношению к воюющим сторонам. В ведении Комитета Безопасности находится специально образованная милиция, которая будет охранять еврейские улицы и учреждения. Всякая паника должна быть избегнута. Призываем к соблюдению осторожности и хладнокровия“... Следует 26 подписей, среди коих руководители означенных партий...

Воззвание через парламентеров передано было украинцам и только что сформированному Польскому Военному Штабу; последний принял это к „сведению“... По существу нейтралитет был воспринят польскими националистами, как глубочайшее оскорбление польского национального чувства, — как восстание рабов против своих законных господ. Восставшие рабы подлежали

[1]) Соответствует „Бунду“ в России.

[2]) „Поалей-Цион“ — рабочие-сионисты.

[3]) „Мизрахи“ — клерикальное, крайне-правое крыло сионистов, об‘единяющее раввинов и часть буржуазии.

суровому наказанию; политический же такт подсказывал необходимость скрыть истинное настроение, сделать „приветливое лицо“ и отложить расправу до более удобного случая. Пока что заправилы ведут переговоры с евреями, составляют протоколы и проч. Игра в дипломатию не мешает им, конечно, разоружать еврейских милиционеров и подвергать их всяческим насилиям и унижениям.

Следствием дипломатических переговоров являются следующие документы:

а) Удостоверение Польского Национального Комитета [1]).

Сим удостоверяем, что командование еврейской милиции об'явило Комитету об'единенных польских партий свой полный нейтралитет и довело до его сведения, что исключительной целью милиции является охрана порядка и спокойствия в еврейском квартале. Польский Комитет принимает это к сведению и вступает немедленно в переговоры с польским командованием для выработки инструкции, регулирующей взаимоотношения еврейской милиции и польского командования“... Подписали: д-р Леонард Штах, д-р Эрнест Адам, д-р Лазевский.

Приложение: По заявлению еврейского Комитета Безопасности нейтральная еврейская милиция занимает следующие пункты: 1) храм в Жолкиевском квартале, 2) синагогу на Божницкой улице, 3) № 25 по Жолкиевской улице, 4) № 24 по Блахарской улице, 5) № 13 по Ржезницкой улице. Мы просим от имени Польского Национального Комитета соблюдения нейтралитета по отношению к означенным пунктам; просим также не разоружать милиционеров. (Те же подписи.)

б) Соглашение между еврейской милицией и польским командованием в Лемберге, заключенное 10-го ноября 1918 года.

1. Еврейская милиция имеет целью охрану порядка и общественного спокойствия в кварталах, населенных евреями. Она не должна принимать никакого участия в боях как на стороне польской, так и украинской.

2. Члены милиции имеют при себе оружие; на левом рукаве носят белую повязку, и, кроме того, они снабжаются удостоверением, выданным Командованием еврейской милиции.

3. Командование еврейской милиции обязано доставить список милиционеров и извещать каждые три дня о переменах в составе милиции.

4. Район деятельности еврейской милиции ограничивается следующими улицами: Kleparowska, Weteranow, Pod Debem, Panienska, Zamkowa, Klasztorna, Podwale, Solieskiego, Kerola, Ludwika, Jagellonska, Kolataja, Kasimierzorska.

5. Польские войска будут охранять нейтралитет еврейской милиции

Подписали: Начальник Штаба Станислав Лапинский; Исидор Фукс обер-лейтенант; инженер Рейсс, д-р Александрович.

Несмотря на „договорные отношения“, польские военные власти третируют еврейскую милицию, разоружают милиционеров

[1]) Novy Dsiennik, 9 now. 1918 г.

и абсолютно не реагируют на убийства отдельных евреев польскими солдатами.

Официальный орган Польского военного Командования „Побудка“ ведет все время определенную антисемитскую травлю. Так, в № 3 (от 8-го ноября) говорится: „Появились новые герои; на Краковской площади евреи, забыв обещания их же Общины соблюдать полный нейтралитет, понавешали на себя, помимо сионистских, еще и украинские значки и активно помогают нашим врагам истязать население“... В номере от 17 ноября напечатана статья „Нейтральные“, из которой приводим следующие характерные выдержки: „В наших военных кругах раздаются постоянные жалобы, что еврейское население стреляет из окон по нашим патрулям... Очевидцы сообщают целый ряд фактов, явно противоречащих обещанию соблюдать нейтралитет. Приводим следующие показания свидетеля: „Мне достоверно известно, что в еврейских синагогах и молельнях на улицах Жолковской и Цебульной хранятся склады военного снаряжения для вооружения еврейского населения; кроме того, мне известно, что почти все евреи вооружены якобы для самообороны, в действительности же для борьбы с польской армией и польским мирным населением. Я сам видел, как в 11 часов ночи сего 10-го ноября вооруженная банда евреев выбежала из храма по направлению к замковой горе и начала стрелять; на обратном пути слышны были возгласы — хорошо, проучили их. Кроме того, я сам видел, как еврей из револьвера стрелял в штатского; много христианских магазинов разгромлено евреями“.

Украинцы, с своей стороны, также стараются мстить евреям за их „нейтралитет“. Украинский Бюллетень от 18-го ноября весьма иезуитски сообщает: „На Клепаровской улице происходили полдня ожесточенные стычки. На Газовой улице „Под Дембем“ враг наткнулся на сильное противодействие еврейской милиции; с помощью наших отрядов враг был оттеснен на свои исходные позиции“... Еврейский Комитет Безопасности ответил на это опровержением, „принятым к сведению“ Польским Национальным Комитетом.

Вскоре польские линии доходят до еврейского квартала — и начинается кровавая полоса „освобождения“ района поляками „от украинского ига“... Весь день 15-го ноября в Комитет Безопасности являются депутации от еврейского населения

с отчаянными мольбами об охране его жизни и имущества от польских грабителей. Еврейский Комитет обращается за содействием к Польскому Национальному Комитету; последний ведет переговоры с военным Командованием, которое, в свою очередь, отделывается неопределенными обещаниями.

Нападения и грабежи продолжаются 16-го и 17-го числа. После целого ряда убийств евреев милиция выступила против польских бандитов, причем она потеряла четырех человек убитыми и пять ранеными; зато еврейские кварталы оказались очищенными от банд. Польский Национальный Комитет, в лице председателя д-ра Адама, одобрил действия еврейской милиции.

День окончательной расплаты за нейтралитет наступил, когда польские националисты заняли весь город. 17-го ноября было подписано перемирие между украинцами и поляками, причем город был очищен украинцами 20-го числа. Как только свежие польские войска вступают в город (22-го ноября), немедленно разыгрывается погром [1]).

22-го ноября рано утром город оглашается дикими криками, сопровождаемыми игрой на гармонике и сильной ружейной канонадой, — это прибыли новые польские части; по адресу евреев раздаются проклятья и угрозы. На отдельных улицах (Слонечной и Городецкой) грабежи начинаются в четыре часа утра; дабы обезопасить себя от какого бы то ни было противодействия, еврейская милиция в 8 часов утра обезоруживается и арестовывается.

Погром начинается в 7 часов утра и проводится по определенному, чисто военному плану. На главных улицах еврейского квартала выставлены пулеметы и броневые автомобили, обстреливающие улицы, дабы никто не выходил из домов; пулеметы находятся на Краковской площади, у Городского театра, при входе на улицы Божицкую, Цебульную, Жолковскую и друг. Штаб громил помещается в Городском театре, откуда рассылаются патрули по отдельным районам; в самом штабе находится „резерв“ (Протоколы №№ 392, 290, 482, 30).

Еврейский квартал был оцеплен сильным военным кордоном и отрезан от остального города; этим устанавливалась сфера действий военных громил.

---

[1]) Описание Лембергского погрома мы даем на основании документального материала, приведенного в книге И. Бендова „Der Lemberger Judenpogrom“, Wien. 1919.

Патрули из 10, 20 и 30 человек под предводительством унтер-офицеров или офицеров, вооруженные ружьями, ножами, ручными гранатами, ходили из дома в дом и требовали впуска; поскольку их сейчас не впускали, они взрывали ворота с помощью ручных гранат. Ворвавшись в дом, патруль делился на две части: одна оцепляла выход, а другая с диким воем и стрельбой пускалась по квартирам, где начиналась настоящая „работа"... Прежде всего громилы требовали выдачи денег и драгоценностей, причем жертвы немилосердно избивались, и им указывали на их прегрешения: „Вы по нас стреляли, вы нас обливали кипятком, вы нам продавали отравленные папиросы, вы давали миллионы украинцам, вы враги Польши, мы вас больше терпеть не будем, а перережем вас всех"... и т. д.

После такого предисловия во многих случаях следовал жестокий и кровавый конец: жертвы убивались зверским образом; стариков убивали прикладами, женщины насиловались на глазах родителей или мужей, а затем убивались. После расправы бандиты приступали к разгрому квартир; все, что не могло быть забрано, то уничтожалось самым варварским образом или раздавалось христианским соседям; постельное белье выбрасывалось на улицу и т. д. В несколько часов еврейская квартира опустошалась дочиста; лишь обломки мебели свидетельствовали о том, что тут лишь накануне еще жили люди.

Особенно усердствовали громилы в еврейских магазинах: двери взламывались ручными гранатами и штыками; все товары расхищались. К крупным магазинам подавались грузовые автомобили, которые нагружались товаром и под охраной легионеров отправлялись на воинские склады в распоряжение интендантуры. По преимуществу забирались кожи, мануфактура и продовольствие. Когда не хватало грузовых автомобилей, то стали для этой цели пользоваться и легковыми. Мелкие магазины предоставлены были интендантурой в распоряжение отдельных шаек легионеров и местного христианского населения, которые укладывали товары в мешки и на своих плечах уносили. Заметны были и офицеры, которые сгибались под ношей награбленных вещей.

После ограбления начался систематический поджог легионерами еврейского квартала (22-го вечером). На автомобилях подвозились бочки с керосином и бензином, которые ставились около намеченных домов; запалами служили обычно штанги

с горючей массой на конце, или в дом бросались зажженные перины, мешки с соломой и т. д. Затем открывались окна и двери для лучшей тяги воздуха; легионеры оставляли помещение лишь после того, как они убеждались, что „работа" сошла удачно. На улице караулили легионеры, чтобы не дать возможности вырваться жертвам; кто пытался спастись, тому в догонку пускались пули. Многим удалось выкупом спасти свою жизнь; однако, бывали случаи, когда и это средство не помогало, и несчастным приходилось в пламени кончать свою жизнь.

23-го ноября была сожжена старая „предместная синагога". Банда легионеров, взорвав ручными гранатами ворота этого исторического памятника, ворвалась в синагогу и стала грабить. Серебряная утварь и другие ценности забирались, а остальное, в том числе много исторических и художественных реликвий, погибло в огне. Легионеры и женщины, завернувшись в куски разорванных свиток завета, бесчинствовали; затем все было собрано в кучу, облито керосином и подожжено. Спасти синагогу оказалось невозможным. Два молодых парня, Давид Розенфельд и Израиль Фрейгенбаум, пытавшиеся спасти свитки завета, были расстреляны.

То же самое проделала шайка легионеров с „Хасидской" синагогой и целым рядом других молелен на Божницкой, Старом Рынке и других местах; не был пощажен и Реформированный храм.

Еврейский квартал находился в огне трое суток: пожарная команда бездействовала, очевидно, вследствие данного ей приказа. К тому же тушить, вообще, было опасно из-за разбушевавшихся солдат, и, кроме того, 22-го и 23-го ноября во многих местах не было воды — должно быть, дирекция водопровода поняла надлежащие виды начальства.

23-го ноября еврейская депутация направилась к Городскому Коменданту с ходатайством приостановить погром и принять необходимые меры против громил. Комендант обещал принять надлежащие меры и об'явить в городе осадное положение; это приведено было в исполнение лишь 24-го в 5 часов утра — т. е. ровно спустя 48 часов после начала погрома. 23-го же числа Польским военным Командованием распубликовывается следующее „воззвание провокационного характера, как бы определенно рассчитанное на усиление погромных вожделений разбушевавшейся военщины:

„В течение трех недель борьбы за Лемберг большая часть евреев не только не оставалась нейтральной, но с оружием в руках оказывала противодействие польским легионерам и, таким образом, задерживала предательским образом успешное продвижение нашей армии. Достоверно установлено, что евреи стреляли в тыл нашим войскам, обливали их кипятком; еврейские патрули, вооруженные топорами, нападали на наших легионеров. Тем не менее польское верховное Командование стремится положить конец естественной реакции солдат и польского населения. Все граждане без различия вероисповедания и национальности поставлены под охрану закона; все преступники будут преданы военно-полевому суду. На еврейском населении лежит серьезная обязанность воздействовать на тех единоверцев, которые своим поведением подвергают огромной опасности все Лембергское еврейство; оно должно удержать своих соплеменников от всякого проявления враждебных чувств к Польше и этим дать возможность официальной власти охранять порядок и спокойствие в городе"...

Результаты погрома следующие[1]):

Убитых	72 чел.
Раненых и изувеченных—около .	300 ,,
Разрушенных синагог	3
Сгоревших домов	32

Убыток исчисляется в 110 миллионов крон.

К этому Социалистическая Комиссия, посетившая город спустя $1^1/_2$ года после погрома, добавляет: „Числа эти достаточно красноречивы, но еще более сильное впечатление производит еврейский квартал с его разрушенными синагогами и сгоревшими домами"...

Как видно из описания погрома, последний носит все черты планомерного и систематического проведения. Еще до погрома в городе циркулировал слух, что по взятии его легионерам будет предоставлен еврейский квартал на поток и разграбление в течение 48 часов... Был ли в действительности дан такой приказ? Официальные польские власти это, конечно, отрицают. Имеется, однако, достоверное и бесспорное свидетельство, что такой *приказ фактически был отдан*...

Член английской комиссии по исследованию погромов капитан Рейт (Wright) в своем отчете пишет о Лембергских событиях: *„Майор А и генерал Б могли сдержать свои слабо спаянные части в количестве 2.000—3.000 человек исключительно благодаря обещанию предоставить им возможность грабить еврейское население в течение 48 часов"*[2]). К этому

[1]) Согласно отчету Социалистической Комиссии (см. гл. VI).

[2]) The Captain Wright Report — „The Jews in Poland", издание „The national polish Committee of America", стр. 45.

сжатому показанию Антантовского офицера, дружелюбно относящегося к Польше, добавить нечего.

За погромом последовала обычная полоса эксцессов с грабежами, насилием, заложничеством, взятием на принудительные работы и проч... Погромная стихия вошла в свои „будни".

2. Пинск

Массовый расстрел евреев в Пинске в апреле месяце 1919 года относится к самым трагичным эпизодам еврейского мартиролога в Польше.

Пинск, прежний русский уездный город Минской губернии, имел до войны 40 тысяч населения. Трехгодичная немецкая оккупация и близость к военной зоне значительно уменьшили состав населения, так что к моменту прихода поляков в Пинске было всего-на-всего 8 тысяч человек. Евреи образуют большую часть населения; из них 10% торговцев, остальные ремесленники и рабочие.

Большевики пробыли в Пинске с 21-го января 1919 года по 7-ое марта того же года; затем прибыли польские легионы. В начале апреля 1919 года польский фронт проходил 30 верст за городом, причем полякам приходилось преодолеть значительные военные затруднения. 5-го апреля еврейское население впервые получило субсидию через Американскей Об'единенный Распределительный Комитет (Joint Distribution Committee). В этот день было устроено собрание в помещении пинской организации „Цеирей-Цион" [1]), посвященное вопросу о слиянии двух кооперативов; в том же помещении находились списки лиц, для которых прибыли субсидии из Америки. Собрание началось в 4 часа дня и окончилось в 6 часов, так как к этому часу должны были, согласно приказа Коменданта, заканчиваться собрания.

Свидетель Симон Рикверт передает следующее:

„В субботу, 5-го апреля 1919 года, в Пинске брали на обязательные работы (чистка казарм, рубка дров и проч.) только евреев. Около пяти часов пополудни двое юношей, заметивши приближающихся солдат, направились к Народному Дому (Бет-Ам). Солдаты направились вслед за ними. Внутри находилось несколько десятков лиц. Некоторые из них принимали участие в собрании сионистских кооперативов, созванном

[1]) „Цеирей-Цион"—молодые сионисты, одна из лево-настроенных групп в сионизме, конечно, враждебная коммунизму.

на основании разрешения коменданта города; остальные просматривали списки лиц, для которых пришли деньги из Америки... Солдаты хотели сначала забрать всех присутствующих на принудительные работы, но, получив взятку, отказались от своего намерения. Через полчаса пришла целая рота, занимающая казармы, находящиеся недалеко от Бет-Ам'а (в реальной школе), и окружила здание. Несколько солдат вошло во внутрь, и их появление вызвало среди присутствующих большое замешательство. Один из присутствующих в Бет-Ам'е, Моисей Глауберман, испуганный, хотел уйти задним ходом; однако, один из солдат заметил это, выстрелил в него и убил его. Вслед за этим солдаты дали залп в воздух. Всех находящихся в Бет-Ам'е вывели на улицу и выстроили по четыре в ряд. Потом солдаты их окружили и повели к городскому коменданту. Свидетель, Симон Рикверт, который присутствовал при этом у коменданта, видел, что личная ревизия арестованных была связана с издевательствами над ними. После того, как у них было забрано все, что представляло собою некоторую ценность (как часы, деньги), несчастных повели на рынок (Торговую площадь) около монастыря. Тут всех выстроили в ряд; раздались душу раздирающие крики... Арестованных разделили на две части, из которых одну немедленно расстреляли, а другую отдали в руки польской жандармерии. Это известие подтвердил также городской комендант в разговоре со свидетелем... Всего расстреляно 40 человек, из них 27 сионистов. Оставшимся в живых евреям велели копать могилы для жертв. Бет-Ам совершенно разрушен"...

Этот же свидетель показывает дополнительно:

„В субботу вечером, перед расстрелом арестованных, г. Рикверт спросил поручика, находящегося в здании Комендатуры на Петербургской улице, почему издеваются над арестованными. Поручик ответил, что арестованные—большевики, что они убили офицера и солдата, и что в Бет-Ам'е нашли митральезу... На другой день после экзекуции свидетель спросил начальника города, действительно ли нашли митральезу и убили офицера и солдата. Начальник не подтвердил слов офицера, но сказал, что, кажется, у всех оказались красные бантики под воротниками сюртуков, и что в Бет-Ам'е был обнаружен револьвер"... Варшава, 8-го апреля 1919 года, Подписал С. Рикверт.

Среди расстрелянных находились двое служащих магистрата. Городской голова Габрилович, из поляков, арестованный в свое время большевиками за контр-революцию, не знал о происшествии. Лишь в два часа ночи он узнал об этом от ксендза и немедленно отправился к лейтенанту Ландсбергеру за информацией. Последний об'яснил ему, что расстрелянные были большевики. „Но это же были сионисты,— заявил неудовлетворенный ответом городской голова,— судили ли их, по крайней мере?" — „Это военное дело, а не гражданское" — был ответ лейтенанта, заявившего, кроме того, что имеются раненые польские жандармы. Городской голова потребовал пред'явления ему раненых, на что получил в ответ: „Это не ваше дело"... Габрилович отказался немедленно от должности; через два дня он был арестован и отправлен в концентрационный лагерь, где пробыл два месяца [1]).

В городе было запрещено говорить о расстрелянных... Дабы еще больше терроризовать еврейское население, польским командующим генералом Лисовским была наложена на него огромная контрибуция.

Все приведенные нами данные о характере собрания подтверждаются нижеследующим заявлением представителя Американского Комитета Цукермана.

„К еврейским депутатам Сейма... Многоуважаемые господа. Я, нижеподписавшийся, член Американской продовольственной комиссии, считаю своим долгом осведомить вас о большом несчастьи, которое постигло евреев города Пинска. В целях справедливого распределения муки еврейскому населению на мацу к Пасхе, городские кооперативные лавки созвали общую конференцию, которая и имела место в субботу 5-го апреля с. г. в Народном Доме, т. е. сионистском клубе. Мне передали, что польское войско окружило Народный Дом, арестовало всех присутствующих, спустя несколько часов всех вывели на рынок и расстреляли до одного без исключения. Я также узнал, что польские солдаты стреляли во всех евреев, случайно проходивших мимо. Считаю своим долгом предупредить вас, многоуважаемые господа, что необходимо немедленно принять меры, ибо польские солдаты, которые были в том же поезде, в котором находились евреи из Пинска, хвалились, что „это еще ничего, что евреям в Пинске будет еще жарче". Подписал Б. Цукерман.

Немедленно вслед за расстрелом Польское телеграфное агентство (ПТА) сообщает: „После того, как наше войско заняло Пинск, стало известно, что значительное число большевиков, главным образом евреи, остались в городе, чтобы вызвать партизанские выступления против нашей армии... В разных

[1]) Из отчета Социалистической Комиссии.

частях города из окон еврейских домов происходила стрельба по уланам, есть и потерпевшие"... Дальше сообщается, что „в Пинске 5-го апреля происходили большевистские митинги, и что 30 большевиков расстреляно".

Эта же версия поддерживалась и начальником польских войск в Пинске генералом Лисовским. В своем приказе о пинском происшествии он утверждает, что „в Пинске остались большевики; несмотря на активную защиту еврейства польской армией, оно проявило возмутительную неблагодарность. Незначительная польская военная часть оказалась, благодаря измене, окруженной врагами. Большевики хотели в Пинске напасть на польский отряд, они даже ранили нескольких солдат; лишь благодаря энергично принятым мерам, как-то: разоружению главной шайки и передаче ее полевому суду, восстание было подавлено"... Приказ заканчивается словами: „В последний раз приказываю сдать оружие в трехдневный срок и указать убежище восставших".

Генерал Лисовский защищает перед Сеймовской Комиссией, расследовавшей пинское происшествие, майора Лучинского, распорядившегося расстрелом арестованных сионистов... „Ответственность за расстрел падает не только на майора Лучинского, но и на меня, как на командира; каждый действовал бы так же, как и он, если не строже... Теперь говорят, что наверху происходило совещание по продовольственному вопросу, а этажем ниже имела место конференция, обсуждавшая план большевистского восстания... Разве можно в военное время разбираться в таких деталях? Как майор Лучинский мог знать все эти подробности? Будем даже считать, что расстреляно 10 невинных—разве вы не знаете русской поговорки: лес рубят, щепки летят? Во время военных кампаний необходима твердая, железная и суровая рука".

С другой стороны, высшая польская власть в лице военного министра покрывает генерала Лисовского и берет его под свою защиту. В ответ на интерпелляцию еврейских депутатов Сейма 10-го апреля 1919 года военный министр дает следующее раз'яснение: „Пинские евреи отнеслись враждебно к польской власти, несмотря на то, что последняя много сделала для городского населения; даже продовольственную комиссию они встретили неприязненно. После вступления поляков много большевиков осталось в городе. Приказ о сдаче оружия выполнен

не был; из окон стреляли по польским солдатам. Целью организованной деятельности пинских большевиков было вызвать вооруженное восстание — в этом открыто сознавались пинские обыватели евреи. 5-го апреля было в городе мало войск; большевики устроили собрание утром; днем до 100 коммунистов собрались на Купеческой улице № 72. Знаком для свободного входа на собрание служил красный бант, скрытый под лацканом. Еврей солдат донес коменданту, что на собрании должны обсуждаться детали разоружения и уничтожения пятого же числа ночью пинского гарнизона. Комендант отправил на собрание воинскую часть, которая была встречена собравшимися револьверными выстрелами. Собрание было поэтому арестовано, и 33 участника его расстреляны"...

Официальная версия Пинского расстрела была так явно нелепа, что даже Сеймовская Комиссия, состоявшая в большинстве своем из представителей партий, старавшихся скрыть истинный характер событий и щадить представителей военной власти, в своей резолюции Сейму не приемлет версию „расстрела коммунистов". В виду характерности этой резолюции, приводим оценку ею событий 5-го апреля:

„Пинские события 5-го апреля 1919 года являются следствием ненормальных отношений между поляками и евреями. В прифронтовой полосе, в особенности в городах, недавно освобожденных от врага, они носят особо острый характер вследствие применения агитационного метода, состоящего в использовывании антагонизма между обеими частями населения в борьбе с большевизмом, в каковых целях в христианской части населения внедряется сознание, что широкие массы еврейства стоят на стороне большевиков... В Пинске господствовала эта атмосфера недоверия и антипатии, благодаря деятельности жандармерии, находящейся в ведении военной власти... Взаимное недоверие между обеими частями населения создало удобную почву для разных клеветнических обвинений, нашедших отклики в военном командовании; особенную роль сыграли деятельность контрразведки и агитация против большевиков, отождествлявшихся с евреями... Если принять во внимание, что борьба польских евреев за свои права, борьба, которая ведется ими как в самой Польше, так и на международной арене, была использована для обострения и так уже натянутых отношений между поляками и евреями и для внушения первым, что еврейская политика

за границей враждебна Польше, — то перед нами имеется полная картина психологического и политического базиса, на котором разыгралась пинская трагедия... 5-го апреля военный комендант в Пинске был встревожен поражением на фронте части поручика Замечек. Так как польский гарнизон был очень слаб и фронт был близок, то командный состав был охвачен паникой. При извещении об аресте якобы большевистского собрания военное командование вместо того, чтобы назначить расследование, воспользовалось самым суровым репрессивным средством — оно приказало расстрелять 34 человека (еврея). Некоторые из расстрелянных имели удостоверения о своей лойяльности, выданные польскими властями; один из пострадавших собирался в Варшаву за помощью для населения; большая часть расстрелянных были участниками собрания сионистских кооперативов — к ним присоединены были и другие лица, случайно находившиеся в Народном Доме; среди расстрелянных были даже два молодых человека, случайно захваченных на улице и вместе со всей толпой отведенных на площадь комендатуры... Распоряжение об аресте собрания последовало на основании доноса двух еврейских солдат, причем не были запрошены высшие инстанции. Экзекуция последовала без всякого суда — не были соблюдены здесь постановления о военно-полевых судах; не были установлены даже личности — среди расстрелянных имеются лица моложе 17 лет. Никакие нормы не соблюдались: вначале постановлено было расстрелять каждого второго, но когда убедились, что при этой системе окажутся расстрелянными также старики и женщины, а часть молодежи останется в живых, — был отдан приказ отделить молодежь, причем жандармом отмечались лица, подлежащие расстрелу. Остальные арестованные в Народном Доме были отведены в тюрьму, где жандармерия подвергла их истязаниям, били даже женщин... После нескольких дней ареста они были освобождены следственной комиссией полковника Шаминского... Генерал Лисовский, прибывший на следующий день после экзекуции, не расследовал дела, одобрил поведение майора Лучинского и, кроме того, наложил без всякого основания на еврейское население города Пинска контрибуцию в размере ста тысяч рублей... Следственная комиссия Шаминского лишь поверхностно ознакомилась с событиями и вынесла резолюцию, одобрившую расстрел 5-го апреля... Парламентская комиссия констатирует также, что во время допроса арестованных

у них забирались деньги и ценные вещи; при этом некоторые были освобождены жандармерией за взятки"...

3. Лида

Сводка польского Генерального Штаба от 18-го апреля 1919 года, говоря о военных событиях в районе Лиды, добавляет, что „местное еврейское население содействовало большевикам, стреляя в польские части"...

В ответ на это сообщение последовала интерпелляция еврейских Сеймовских Депутатов Военному Министру:

„18-го апреля 1919 г. в отчете Польского Генерального Штаба утверждается, что местное еврейское население принимало участие в боях на стороне большевиков; после этого появился целый ряд официальных и официозных сообщений о лидских событиях — в одних говорится, что в Лиде погибло несколько десятков евреев из гражданского населения, боровшихся с оружием в руках против польских войск, а в других, что погибло 35 евреев, по большей части, от случайных пуль... Мы обращаемся поэтому к Военному Министру с запросом, какие меры принимаются им для того, чтобы не допускать в будущем непроверенных официальных и официозных сообщений, создающих легенду о еврейской измене и вызывающих эксцессы и погромы против евреев"...

На интерпелляцию последовал следующий ответ Военного Министра:

„Варшава, 2-го июля 1919 года. Военный Министр.
№ 2558
р. 669.19.

Председателю Законодательного Сейма Польской Республики.

Депутатами д-ром Вейнциером и другими был внесен 9-го мая с. г. запрос о 37 евреях, убитых в Лиде польским войском... На это имею честь сообщить следующее: „Согласно произведенному расследованию событий и на основании собранных военными, судебными и административными властями материалов, фактическая сторона дела вырисовывается следующим образом. Часть жертв погибла от случайных пуль. Остальные были убиты вследствие того, что коммунистически настроенное еврейство принимало участие в боях на стороне большевиков; некоторые из лиц этой категории были убиты при военных столкновениях, а другие погибли от рук ворвавшихся в город польских солдат. Последние, встречая вооруженных штатских, стрелявших в них, или в которых они подозревали врагов, естественно, должны были из чувства самосохранения убивать своих действительных или мнимых противников. К тому же нужно отметить, что наши солдаты были полны негодования в виду того, что были найдены трупы солдат, накануне попавших в большевистский плен; пленные были убиты самым варварским образом и при обстоятельствах, дающих основание предполагать, что преступление совершено местными евреями... Принимая во внимание означенные обстоятельства, приходится констатировать, что польское войско имело основание применять

военные репрессивные меры к еврейскому населению города Лиды вследствие нелойяльного отношения того населения. Тем не менее, репрессии не были допущены — естественному чувству негодования польского солдата были противопоставлены законные преграды, так что число жертв, включая случайно погибших от залетевших пуль, достигает лишь 35 человек. Число жертв было бы гораздо больше, если бы применялись надлежащие репрессии, оправдываемые данной ситуацией, и если польский солдат не проявил бы дисциплины, давшей возможность офицерам удерживать озлобленных легионеров от эксцессов... И если даже при обстановке уличного боя, когда не один солдат погиб от выстрела из окна или из-за засады, отдельные солдаты и вышли из рамок надлежащего, то найти виновных не представляется возможным... Материалы расследования не дают никакого основания для привлечения к ответственности гражданские или военные власти г. Лиды".

Военный Министр. Подписал Генерал Лешневский

Генерал-Лейтенант.

На это официальное сообщение Военного Министра последовало со стороны еврейского клуба депутатов письмо на имя председателя Сейма, опровергающее все положения официальной версии.

Датированный 26-м июля 1919 года ответ гласит:

„Прилагая фактический материал, мы утверждаем: 1) еврейское население в Лиде было настроено антикоммунистически; 2) были расстреляны не евреи, взятые с оружием в руках и не проявившие себя, как враги польских войск, а невинные люди, не принадлежавшие ни к какой политической партии, которых солдаты вытащили из их квартир даже не во время уличных боев (идет перечисление имен убитых); 3) убивали стариков, женщин и даже паралитиков (перечисление имен); 4) от случайных пуль погиб только один еврей; 5) много евреев было подвергнуто истязаниям: одному жгли ноги в печке; двоих посадили в яму с нечистотами и через них ездили верхом; одного впрягли в телегу и т. д. Все это имело место не во время „горячего боя", но спустя полтора месяца по окончании военных действий; 6) сообщение, что были найдены изувеченные тела убитых поляков, оказалось неправильным, что и подтверждено местным ксендзом; 7) войско, которое грабило и убивало евреев в их квартирах, не разбиралось в их партийной принадлежности, большевики ли они или нет; 8) еврейское население города Лиды терроризовано; два месяца после занятия города евреев грабили, и у них вымогались деньги".

4. Минск[1])

Минск, прежде губернский город, ныне главный город Белоруссии. Население его в 1914 году равнялось 106 тысячам человек, из них 52—55% евреев.

После отступления немцев, в декабре 1918 года, город был занят большевиками. В августе 1919 года город был занят поляками; во время боев с большевиками с аэроплана

[1]) По отчету Социалистической Комиссии.

были разбросаны прокламации за подписью американского сенатора Моргентау, в которых еврейское население призывалось к лойяльному отношению к Польше; в другом воззвании „от казаков к казакам“ утверждалось, что большевики всегда плохо относились к казакам и „что необходимо освободиться от еврейского господства“... Воззвания, в особенности прокламации за подписью Моргентау, произвели удручающее впечатление на еврейское население, так как из них видно было, что евреям нечего ждать хорошего от прихода поляков.

Поляки вошли в город в пятницу 8-го августа 1919 г.; улицы были пусты, лавки закрыты; уличных боев не было, так как большевики заранее отступили. Установлено, что население вполне лойяльно отнеслось к польским войскам; ни одного выстрела со стороны гражданского населения не было.

Несмотря на это, немедленно начался погром. Около 300 частных квартир и такое же количество лавок было разгромлено; все почти исключительно еврейские. Не обошлось без человеческих жертв; таковых в Минске насчитывается до 37; во всем Минском районе погибло до 200 человек, среди них имеются и дети. Установлены три случая изнасилования женщин.

Характерен циркулировавший по городу во время погрома слух, что солдатам разрешено безнаказанно грабить в течение трех суток. В субботу член Еврейской Общины обратился к графу Чапскому (находившемуся у американского генерала Джадвина, члена Комиссии Моргентау) с ходатайством о принятии мер к прекращению погрома. Граф Чапский обещал принять надлежащие меры; в тот же день был назначен комиссар вновь завоеванной области г. Раткевич, впоследствии министр внутренних дел. Но тем не менее погром продолжался и в воскресенье, до некоторой степени затихая; прекратился же он лишь в понедельник, причем обычные, неизбежные в таких случаях эксцессы продолжались еще в течение многих недель.

Борьба польской власти с „эксцессами“ со стороны легионеров лучше всего характеризуется приговорами военного суда: из двух солдат, обвиняемых в убийстве, один был оправдан, а другой, признанный виновным, отделался легким наказанием. В грабежах, помимо солдат, участвовало и гражданское население. Разграбленными оказались: 24 крупных магазина и 2 склада еврейских кооперативов; шесть кооперативных лавок с христианскими служащими оказались нетронутыми.

Данные Социалистической Комиссии о Минском погроме подтверждаются нижеследующим документом Российского Общества Красного Креста (показания свидетеля Курбатова), представленным в официальном порядке Делегацией Российского Красного Креста Международному Комитету Красного Креста в Женеве.

„Где, пся кревь, большевики?“ — таковы были первые слова, услышанные жителями города Минска от своих „освободителей“; эти последние выламывали двери и ворота и под предлогом освобождения жителей от большевиков отнимали у мирного населения ценные вещи, деньги, утварь, одежду и прочее. 8, 9, 10 августа происходила настоящая вакханалия носителей культуры и свободы. Польская „демократия“ отличалась по части грабежей, насилий и убийств. Особенно пришлось пострадать еврейскому населению. Всякий еврей — коммунист: таково убеждение не только польских солдат, но также и чиновников, откровенно высказываемое ими вслух. Поэтому достаточно доказать, что такой-то — еврей, чтобы обвинить его в коммунизме, а, следовательно, подвергнуть его побоям, истязаниям и в конце концов, если жертва в состоянии вынести эти муки, также и заключению в тюрьму, где всякую надежду на избавление приходится оставить“.

5. Вильно

Картину Виленских событий дает нижеследующий об'ективный документ:

Меморандум об апрельских событиях, посланный 22-го мая генеральному комиссару восточных земель Осмоловскому.

Представительство еврейской общины г. Вильно считает своим гражданским долгом изложить всю ужасную картину длительного разгрома, обрушившегося на еврейское население со дня занятия города войсками Польской Республики [1]).

„Не для завоевания вражеского города привел сюда войско это“ Верховный Вождь, как он об'явил в своем обращении к населению 22-го апреля, а наоборот: „для освобождения

[1]) Ко дню вручения этого меморандума в него, вследствие спешности, не мог быть умещен весь собранный материал. Нижепомещенный текст пополнен материалом, собранным до 30 мая, и все еще не представляет исчерпывающего описания событий, сопровождавших занятие польскими войсками восточной Литвы.

от вражеского гнета и насилия“; „вольность и свободу всем нам“— возвестил он — и для „попечения о всех без различия национальности и веры“ поставлены им здесь гражданские власти.

И в тот день, когда верховный вождь писал эти слова, полные величайшего политического значения, на улицах города проливалась уже в течение трех дней невинная еврейская кровь и разгромлялось еврейское достояние — был в полном ходу тот разгром, который, хотя и в ослабленном виде, продолжался много дней и который не окончательно прекратился еще до сих пор.

Еврейское население, измученное в громаднейшей массе своей 4-хлетней оккупацией и беженством, изголодавшееся, в половине своего состава жившее и живущее на средства общественной благотворительности, добитое большевистским нашествием, разгромившим торговлю и ремесло, которым оно только и кормилось, получило с занятием города польскими войсками последний удар, от которого оно не в состоянии будет оправиться многие годы.

Приведем те факты, которые сотнями выяснились уже на первых порах и которые составляют лишь часть происшедшего.

1. В общем строе того, что произошло, первое место принадлежит совершенно невероятному, беспримерному по своей жестокости факту *исчезновения без вести* большой партии евреев (около 400 человек). Схваченные частью в своих квартирах, частью на улице, мирные безоружные жители, старые и молодые, мужчины и женщины, они были собраны на вокзале и в неизвестном количестве без составления списков, не как люди, а как вещи, неизвестно за что, неизвестно по чьему распоряжению, посажены в вагоны и неизвестно куда отправлены. Сотни семей томились три недели в неизвестности и страхе просто за жизнь этих несчастных. Несмотря на самые настойчивые хлопоты перед властями, не были получены ни списки этих сосланных, ни сведения об их местопребывании и состоянии, и лишь 7-го мая, более чем через две недели после их отправки, удалось добиться высылки делегации на розыски этих пропавших людей. Обо всей этой партии было лишь известно, что арестованные высланы в самом истерзанном виде,— избитые и ограбленные. Голодающие на чужбине, в безызвестности о судьбе оставленных в разгромленном городе семей, они были лишены возможности не только доказать, что они

безвинно схвачены, но даже просто установить свою личность. В течение трех недель ничего не было известно о местонахождении этих людей, лишь по прошествии этого времени были получены сведения, и то частным образом, что небольшие группы содержатся в тюрьмах в Лиде и Волковыске, и что большая группа, человек в 250—300, находится в концентрационном лагере в Белостоке; что же касается тех, которых не оказалось ни в одном из этих пунктов, то еще и сегодня, *через шесть недель после их высылки,* нет сведений об их местонахождении, и власти, несмотря на настойчивые просьбы, мер к отысканию их в настоящее время не принимают.

2. *Убийства.* Число обнаруженных убитых превышает 60, но определить точно число убитых не представляется возможным до получения списка лиц высланных, о которых указано в предыдущем пункте. Насколько известно, среди указанных ниже поименно перечисленных убитых есть несколько случайно пострадавших, но совершенно нет лиц, причастных к вооруженной борьбе между большевиками и польской армией (все были люди безоружные). Жертвы брались по наружному виду, по выбору самих легионеров, совсем не знающих местных жителей, или по указанию совершенно чужих людей, часто детей, признававших в том или ином еврее „комиссара". Были случаи расстрела при нахождении *подброшенных* бомб. Таков совершенно из ряда выходящий случай расстрела Израиля Венского, его жены и племянницы.

Сей последний был расстрелян у себя дома. Его жена и племянница сопровождали труп, которые милиционеры везли для погребения. Обе женщины были расстреляны над трупом мужа и дяди на берегу реки Вилии, и все три жертвы погребены в братской могиле, которую заставили выкопать шедших по соседней улице евреев.

Убита Рейза Штейн за протест при аресте ее мужа, Штейнман Ш. при обыске, Пильник за отказ отдать деньги. Среди убитых больше стариков: Шифран Янкель 68 лет; Левит Мордух 67 л.; Тракинский Даниель 63 л.; Хаим Лейб 67 л.; Левидов Израиль 51 года. Есть почти дети: Филиповский—16 л., Нохот Сора—15 л. Убиты еще Шейнюк Эта, Вайсброд Либа, Гурвич Лазарь, Эпштейн Моисей, Кушиц Нехама, Вакс Лина, Шепсковский Шмуель, Асс Моисей, Свирский Давид, Ронталь Абраам. Айзенштейн Абраам, Шапиро Рувим,

Фишерман Хаим, Калянский Гдалия, Шепсельс Эстер, Коварский Хаим, четверо неизвестных, Ренкацишек Иосиф, Бер Лейб, Юделевич Пейсах, Зак Ария, Гольбрут Мовша-Ноте, Розин Лазарь, Ивянский Виктор, Зискович Поташник, известный писатель Вайтер-Девонишский Айзик, Рабин Лазарь, Кауфман Копель, Касуцкий Иосель с сыном Бером, Штейнман Меер, Хаит Лейб, Филиповский Пейсах, Гаргер Михаил, Хаит Рувим, Каплан Гирш, Пумпянский Иосиф, Хайкин Залман, Швейде Иейхонон... Никто из них не взят с оружием в руках. Некоторые расстреляны на месте, где они взяты. Некоторые же из арестованных в своих квартирах в городе отведены частью в местность Липовку, частью в другие места и там расстреляны без суда. Многие были избиты и изуродованы до расстрела.

3. *Истязания.* Число жестоко избитых евреев не поддается учету. Оно безмерно велико. Избиением холодным оружием, прикладами и нагайками сопровождались обыски, аресты и ограбления, считаемые сотнями, тысячами. Но были истязания, которые по своей жестокости и систематичности напоминают самые мрачные эпохи средневековья: арестованные, отведенные в Липовку, держались в течение 24 часов в сознании, что они приговорены к расстрелу. Их по нескольку раз подводили „к стене“, ставили под дула ружей и пулеметов, заставляя читать предсмертные молитвы.

В том же сознании, что они приговорены к расстрелу, и что они отвозятся для приведения в исполнение экзекуции, держали в течение трех дней всю партию—230 человек, вывезенных в Лиду и дальше. Условия перевозки этой партии в вагонах не поддаются описанию; побоям, истязаниям, глумлениям не было конца. Четыре дня они оставались без пищи. В вагонах их заставляли ложиться друг на друга, сняли со всех сапоги, мало-мальски сносные костюмы и переодели в отрепья. По прибытии в Лиду проделывались конвоирами всевозможные эволюции, убеждавшие арестованных в приготовлениях к расстрелу. Особым заключениям подвергся поэт Л. Яффе, президент сионистской организации в Литве, член Коллегии Виленской Общины и редактор газеты, закрытой большевиками за контр-революционность. Все это не спасло его от подозрения, что он опасный большевик, и, когда вся Лидская партия была уже отправлена в тюрьму и в этом видела уже

избавление от угрозы расстрела, он еще в течение двух дней содержался в сознании и под угрозой расстрела. Происшедшее с ним так подействовало на него, что близкие его не узнали, когда он вернулся; к тому же он был одет в совершенно изодранные отрепья какого-то босяка.

Под угрозой расстрела продержали также весь день 22-го апреля большую толпу евреев человек в 200, молодых и старых, женщин и детей, схваченную на улице и согнанную на театральную площадь. Их избивали, над ними издевались без конца. В эту толпу были приведены схваченные на улице известные всему городу раввин Рубинштейн и д-р Шабад, которые шли на назначенную им аудиенцию Верховного Вождя. Толпа черни и хулиганов подростков указывала на них, как на главных раввинов, которые стреляли в легионеров. Наравне с другими они подверглись избиениям и глумлениям. Раввин получил несколько ударов прикладами по спине и голове, а один милиционер взял его за бороду, задрал голову и бил по подбородку прикладом. Когда легионеры услышали раздавшийся где-то в отдалении глухой выстрел, они начали стрелять через всю эту плененную толпу мирных жителей, которые все, чтобы не быть расстрелянными, легли на землю.

Арестованному Бройту по приводе его в Липовку приказали прочесть молитву и поставили к стене для расстрела, но потом отпустили. Гольдину там же дали лопату и велели рыть себе могилу.

Абезинского легионер отвел в лес; он поставил его к яме и выстрелил в него, но не попал. Спасся он тем, что свалился в яму.

Четырех братьев Букштельских выставили на глазах матери к стене для расстрела, но потом отпустили.

Большая группа евреев, человек 50, среди которых было много стариков, прогонялась версты две-три с Новгородской улицы мимо бойни и дальше с поднятыми вверх руками. У одного была подбитая рука, но он должен был держать ее поднятой. Их подгоняли, избивая прикладами.

Арестованный Варнян Хаим был привязан веревкой к лошади верхового легионера, который таким образом рысью волок его по улицам города. Моисей Флякс был подвергнут такому же истязанию милиционером около имения Леонишки и М. Рабинович — в Дольне.

70-летний Аронович, 60-летний Кац и 55-летний раввин Ходес, арестованные в Ландварове, пригнаны в город в совершенно истерзанном виде. Им рвали и жгли бороды, их топтали ногами и дочиста ограбили. А. Вакшанскому плевали в лицо.

10-летнему мальчику Дуницу приставили револьвер к виску. Арон Вакс, Абраам Сальман, Подек Букштельский, Берель Кацан, Барнамов Хонон и еще человек 15, до сих пор не обнаруженные, были подвергнуты сечению в конюшне против дома Кочана на Георгиевском проспекте, где были арестованы. Такому же истязанию там же подверглись две женщины и свободный художник Левинсон. Студент Резницкий, Хаим Мармут, Гершон Кац, Рафаил Шапиро, Шмуель Кравец и Двейра Линковер были избиты нагайками на 3-ем этаже того же дома Кочана по Георгиевскому проспекту. В том же доме был жестоко избит извозчик Блох, которого после избиения хотели заставить целовать задницу специально для этого позванного христианского мальчика. В м. Бинякони заставляли еврея Цилевича целовать у лошади под хвостом.

Избита при ограблении квартиры Комиссарова его жена-роженица.

Д-р Либо избит прикладами и резиновой трубкой легионерами 8-ой роты 1-го полка. У Вайнера избита девушка, больная тифом; у Вамник Енты избит прикладом больной сын; Кренский Мендель изранен легионерами и в тяжелом состоянии был доставлен в госпиталь; 67-летний Рувим Боярский избит до потери сознания.

20 мая был подвергнут жестокой экзекуции рабочий на окопных работах в Ново-Вилейске Гирш Страж, 58 лет. Ему было нанесено по обнаженным спине и ягодицам 50 палочных ударов, после которых он был доставлен в тяжелом состоянии с температурой 39,2 в Еврейский госпиталь. Проболев больше трех недель, он умер.

Арестованного 25-го мая на казарменном дворе в предместье Снипишках 80-летнего Версоцкого офицер дважды укладывал для сечения на специально для этого принесенной скамье, требуя от него указания евреев, имеющих оружие и бомбы.

С 1-го до 4-го мая подверглись систематическим избиениям милициантами базарные торговцы Шац, Пергамент, Дрецкий, Риш, Кацельник, Айнбиндер, Вайнштейн, Голланд, Пергазин, Абрамович, Арлок, Радин, Чарне.

Побоям более или менее тяжким подвергались почти все останавливаемые на улицах евреи.

4. *Грабежи и вымогательства* приняли с первого дня невероятные размеры и продолжаются до сих пор. Можно сказать, что население еврейских кварталов подвергалось почти поголовному ограблению. Под видом обысков легионеры и милиционеры останавливали на улице всех выходивших в первые дни после занятия города евреев, отнимали кошельки, бумажники, снимали часы, срывали кольца с пальцев и с миром отпускали. Под предлогом розыска оружия они врывались в квартиры днем и ночью и забирали все, что только можно было унести. Наконец, без всяких прикрытий и поводов, открыто, среди бела дня громили магазины и лавки. Ограблены многие учреждения: колония для слабых детей на Антоколе, приют „Ахиезер“ на Спасской ул., сельско-хозяйственная школа в Величанах; из кухни Комитета помощи жертвам войны вывезено 20 пудов мацы, 23 пуда картофеля, 14 пудов сельдей и прочая провизия; в „Трудовой помощи“ похищена масса вещей, в том числе 20 дюжин катушек ниток. Еврейский кооператив „Работник“ ограблен дважды. Вывезена целиком железная касса, в которой было 2.500 рублей наличными. Товару ограблено на 47.380 руб. Во многих синагогах у всех молящихся были отобраны часы. В синагоге Эльяшева взломаны кружки с пожертвованиями. В некоторых синагогах осквернены священные свитки.

Малейшее сопротивление при ограблении влекло за собой избиение, арест, а в некоторых случаях расстрел.

Многочислены случаи вымогательств под угрозой сечения и расстрела. Гольдштейн и Помощник, арестованные в доме Кочана на Георгиевском, были приведены на Трокскую, чтобы там получить с них выкуп по 1.000 рублей с каждого. Рутенберг откупился от вторичного ареста 10 рублями. Многие подверглись многократным ограблениям. У Гилинской Нехамы были 18 раз, Фельдмана грабили 8 раз и пытались изнасиловать его жену, у Мордуха Лапа, Абраама Бара, Шмуэля Кремера—по 6 раз и т. д.

Грабеж у Лихтенштейна производили легионеры в количестве 20 человек. В течение 3/4 часа его держали под дулами 12 винтовок, требуя уплаты 10.000 рублей. После торга сошлись на 5.000 р., которые он пошел под охраной грабивших одолжить у соседей. Во время обыска один из участников

присел к роялю и наигрывал гривуазные пьески. Кроме денег, взято столовое серебро, часы и другие вещи.

С убитого Ренкацинека сняли костюм и сапоги. С убитого Р. Ронталя — часы с цепочкой, и взят бумажник с 5.000 руб.

Есть ограбления, которые превратились в жесточайшее глумление и мучительнейшее истязание: прис. повер. Рубашев (еврей), высланный в большой партии в Лиду, а потом в Белосток, был в пути систематически и постепенно ограблен донага и в течение 5 дней путешествовал по железной дороге, этапам и по улицам городов Волковыска и Белостока в одном нижнем белье и босой. В таком костюме он был не единственный в этой партии.

Д-ра Слонимского ограбили на 100.000 рублей и при этом избили его жену; магазин Залкинд ограблен на 600.000 руб.; магазин Айзенштадта вывезли целиком на двух подводах в 2 приема, ограблено товару на 115.625 руб. У Ханы Ничунской был взят из колониального магазина почти весь товар, стоимостью в 30.000 руб. Товар был нагружен на 2-хконную телегу и вывезен. Магазины часов Подзельвера ограблены на 85.340 руб. У Ханы Кубельник награблено товару на сумму около 40.000 р.

Товар был найден у дворника Подзельвера; он был арестован, но скоро освобожден под предлогом, что товар был ему подарен солдатами. Отпущен также из 4-го участка один из арестованных грабителей, разгромивших склад Докторовича, из 7-го участка громила, ограбивший З. Муница, и из 8-го участка дворник Скиндер, у которого были найдены вещи Ш. Фридмана. Выпущен из участка арестованный предводитель громил, грабивших у Азгура. При ограблении Шмуеля Кравеца он обратился к постовому милиционеру за помощью, но последний помочь ему отказался. Виршуп П. обратился за помощью к милиционеру, стоявшему у гостиницы „Венеция", он пришел и помог грабить. Все жильцы дома Вейса ограблены по указанию сторожа Лисомского, который был вооружен винтовкой и к которому были снесены награбленные вещи. Награбленное у Найштетера тут же продавалось проходившим полякам. Вещи, награбленные у Левинсон, были тут же розданы.

Ограбленным Лихтейнштейну, Дайхесу, Чарнусскому, Свирскому Г., Стракуну, Синазону, Коварскому и Клоку выданы расписки, а Хане Горфинкель выдана расписка, что вместо взятых денег она может получить 100 розог.

В общем имеются сведения о следующих грабежах (идет огромный именной список пострадавших с указанием стоимости ограбленного имущества; перечисляются 812 случаев)....

Перечень этот не исчерпывающий, он ежедневно пополняется. Ограблены не только состоятельные лица, обиралась и беднота, у которой забирали последний рубль. Ограблены, напр., все жильцы дома для бедных жильцов Евр. Колониз. О-ва на Сиротской; у парализованного нищего Гольдберга, собирающего милостыню, отобраны 23 руб. Ограблены беженцы Радникова и Галлер в убежище в юнкерском училище, Гакман в патронате на Конной А.

Многие о своем ограблении не заявляют, не предвидя возвращения ограбленного, многие скрывают происшедшее.

Все случаи ограбления устанавливаются показаниями многочисленных свидетелей очевидцев.

В девяти случаях из десяти перечисленные насилия и грабежи произведены под предлогом розыска оружия, причем во всех почти случаях нападения оправдывались стрельбой из окон, хотя последние были целы и закупорены еще с зимы.

5. Бедствие от *арестов* оставляет далеко за собою бедствие от грабежей как по количеству, так и по тем жестокостям, которыми они сопровождались.

Количество арестованных достигает приблизительно 1.000 ч. Арестовывали исключительно по внешнему виду, а в случаях сомнительных спрашивали о национальности; арестовывали поголовно все еврейское мужское население некоторых домов, а иногда и женщин.

В заразном госпитале № 5 Красного Креста арестованы все сестры и санитары евреи. Это несправедливое отношение к служащим одной национальности вызвало протест коллегии Красного Креста с д-ром Мачевским во главе. В госпитале арестовали больных и реквивалисцентов и отправили их в тюрьму и ссылку (Порудоминский, Соломинский). Арестовали в квартирах по указанию темных личностей из подонков польского населения, из которых одни воспользовались моментом для сведения личных счетов, а другие усердствовали из фанатического антисемитизма, разожженого злостной агитацией на улице и в прессе.

Содержатся арестованные в ужасающих условиях, спят вповалку; с 19-го апреля по 3-е мая хлеб выдавался по $^1/_2$ ф.

раз в 2—3 дня, и теперь не каждый день выдают хлеб, некоторые дни христианам давали, а евреям не давали (в полиции).

Санитарное состояние мест заключения ужасное. В камерах в полиции было несколько случаев заболевания сыпным тифом. Свидания не разрешаются. Обращение с арестованными грубое. Окрик „жидовская морда“ весьма част. Были случаи сечения (Порубинский); был застрелен арестант за то, что не отошел от окна (Дрейзеншток). Во дворе арестного дома при полиции была инсценирована для кинематографической ленты с участием арестованных евреев, под личным режиссерством коменданта, картина большевиков, стреляющих из окон в польское войско. На картину эту были взяты комендантом, между прочим, люди, арестованные по недоразумению и выпущенные на завтра или через 2 - 3 дня (Шрайбман и Левин), для которых демонстрирование в таком виде по всему краю может иметь роковые последствия. Таково отношение к людям, относительно которых у властей имеются лишь сведения, что они евреи, но нет абсолютно никаких указаний на их преступность. Среди арестованных много интеллигентов, учителей, журналистов и пр.

Совершенно не видно со стороны властей желания ускорить освобождение абсолютно невинных людей. Хотя против подавляющего большинства арестованных нет не только никаких улик, но даже нет никаких подозрений, тем не менее от них требуют доказательств об их непричастности к большевизму. Образованные в первые дни две следственные комиссии работали, хотя медленно и неудовлетворительно, все же освобождали под письменным ручательством. Вновь сформированная комиссия требует личной явки поручителей для допроса. Это при громадном количестве арестованных затянуло бы дела с ними до бесконечности. То небольшое количество арестованных, которых комиссия постановила освободить, жандармы не освобождают, и они продолжают оставаться в тюрьме; не освобождают и тех, которых постановила освободить полевая жандармерия (д-р Каплан). Есть пара сот арестованных, к которым не только не пред‘явлено в течение шести недель обвинения, но которых даже не допросили и относительно которых неизвестно даже, за кем они числятся.

Все арестованные — кормильцы семей, которые без них обречены на голодное существование.

С арестованными создалось положение не только немыслимое в какой-либо культурной стране, но не имевшее себе подобного в самые мрачные эпохи жандармского произвола в царской России: и тогда нельзя было держать в заключении без пред'явления обвинения в течение двух недель.

В обыскном рвении не пощажены самые священные чувства: раскрыты могилы на старом, особенно чтимом виленскими евреями, кладбище.

Обыскивались гробы провозимых через улицы покойников. С раввина Гордона ваха на Зеленом мосту сорвала религиозное облачение (цицес).

6. Затем появилось новое бедствие—*принудительные работы.*

Эти работы не вызвали бы никаких нареканий, если бы не следующие обстоятельства:

а) на работы ловят почти исключительно евреев,

б) когда нужно 25 рабочих—собирают 200 человек, и ненужные 175 человек отпускаются за выкуп, из чего милиционеры сделали себе доходную статью,

в) приводимых на работу обирают и

г) ловят на работы, не преследующие какие-либо продуктивные цели, а имеющие характер издевательства: людей интеллигентных заставляют подметать казарменные дворы, выносить конский помет и пр. (присяжный поверенный Рубашев—еврей, раввин Лейбович, член еврейского Комитета помощи жертвам войны, и др.).

* * *

7. Насилиям и грабежам подвергся не один город Вильно, ими отмечен весь театр военных действий. Все местечки и города этого района разграблены, вместе с солдатами грабят и окрестные крестьяне.

В местечке *Подберезье* было собрано на базарной площади и выстроено в ряд все еврейское население, не исключая женщин и детей; из рядов отобран каждый третий за порчу будто бы телефона. Четвертым из отобранных было приказано вырыть принесенными лопатами братскую могилу, и все собранные были продержаны некоторое время на краю этой могилы под дулами винтовок. Затем из этой группы были выделены четыре, которым было приказано раздеться; их спросили, как они желают быть расстрелянными—с завязанными глазами или открытыми.

Продержав и этих некоторое время под дулами винтовок, командовавший старший приказал им, как они были, нагими бежать домой. Все это, граничащее с садизмом, истязание закончилось сечением 20-летнего Ошера Вайнштейна; а когда брат его, Моисей, сказал, что Ошер больной, он должен был сам заменить его. В том же местечке были заперты в одном доме 8 человек евреев и продержаны некоторое время под угрозой быть заживо сожженными. С местечка, очень бедного, брали контрибуцию, раз в 10.000 рублей неизвестно за что, другой раз потребовали 18.000 рублей будто бы за порчу 18-аршинной телефонной проволоки; благодаря заступничеству ксендза, уступили за 5.000 рублей. Евреи не имеют ни малейшего понятия о местонахождении телефона. Неизвестно даже, был ли вообще попорчен телефон. В местечке Кенове, около станции Евье, подвергнуты жестокому сечению братья Вайнеры.

В *Неменчине* застрелены отец и сын Цинманы, Лафер и Рудашевский, в числе расстреливаемых был и Гессель Рудашевский. Пуля в него не попала, но от ужаса он упал вместе с пораженными пулями и был похоронен вместе с застреленными. Как только легионеры удалились, он выбрался из-под трупов и спрятался. У жителей ограблены все продукты, и им не разрешили несколько дней выходить за провизией. Бунимовичу Пинхусу из станции Огородники при ограблении ставили в рот дуло ружья. Абрамовича в Рукони секли (25 ударов) и так избили, что он оглох. В Рудомине у Левина избили прикладом 2 больных тифом, бывших в бессознательном состоянии, избиты все евреи, шедшие в синагогу...

Ограблены (именной список)...

На станции *Рейслерово* жестоко избит и ограблен 76-летний Озик.

Местечко *Немиеж* ограблено почти поголовно (длинный именной список потерпевших).

Список этот далеко не полный, так как сношения с провинцией крайне затруднены, а с некоторыми местами совершенно прерваны, почему сведения поступают оттуда лишь случайные и отрывочные.

Этот сухой перечень фактов может быть еще продолжен. Понятно поэтому, что еврейское население чувствует себя сидящим у подножия вулкана, который может каждую минуту начать вновь действовать, тем более, что ничего не предпринимается

также против злостной и клеветнической травли евреев местной польской прессой. „Наш Край“ в первых номерах и в 11 номере, в особенности же „Дзенник Виленский“ почти во всех номерах приводят измышленные факты, возбуждающие против евреев, не перестают ложно утверждать, что вступившее польское войско обстреливалось и обливалось из окон горячей водой мирным еврейским населением. Представительство Общины горячо протестует против ложного обвинения всего еврейского населения в приверженности к большевизму и в оказании противодействия польским войскам.

Оно справедливо заявляет, что нельзя смешивать огульно все еврейское население с большевиками, что сопротивление польским войскам было оказано исключительно коммунистами без различия национальности.

Еврейское население терроризовано событиями.

Вопреки воззваниям Верховного Начальника, оно чувствует себя совершенно беззащитным.

Вопреки воззванию бургомистра, оно не в состоянии вернуться к нормальным условиям отстраивания разрушенного войной края.

До создания хотя бы самых элементарных основ человеческого общежития, гарантирующих гражданам личную и имущественную безопасность, жизнь будет оставаться в оцепенении, и край будет обречен на медленное умирание.

30-го мая 1919 г.

По установленной уже традиции польская официальная пресса отрицает факт учинения еврейского погрома в Вильне. Пресс-бюро восточных областей сообщает в июне 1919 года следующее:

„Вследствие неправильных сообщений в иностранной прессе, что в Вильне якобы имел место погром во время освобождения города от большевиков, мы утверждаем:

1) Что информация о еврейском погроме в Вильне является ложной выдумкой.

2) Никакого погрома не было; при освобождении города от большевиков было убито 50—60 евреев, которые погибли во время уличных боев, в то время как они сражались на стороне большевиков.

3) Часть еврейского населения открыто поддерживала большевиков и обстреливала из окон и крыш польские военные отряды.

О сущности событий 19-21-го апреля в г. Вильно местным адвокатом О. Финкельштейном был подан представителю Американского правительства сенатору Моргентау меморандум, из которого мы заимствуем несколько цитат:

До сегодняшнего дня не было ни одного случая наказания кого-либо из преступников, совершивших в продолжение нескольких недель свыше 2.000 тяжких преступлений над евреями (убийств, истязаний, грабежей).

Это сознание безнаказанности было так глубоко внедрено в сознание солдат, что многие из них не стеснялись зафиксировать свое участие в грабежах — так три солдата снялись в фотографии Пласкова при столике, на который выложили три пачки денег, по показанию фотографа — 30.000 руб. Эти солдаты не могли не понимать, что наличность у них в походе таких сумм, и притом русских денег, наведет всякого на мысль, что эти деньги награбленные, и что выставление их фотографий в витрине фотографа немедленно выдаст их властям. Тем не менее они без опасения это сделали.

Чтобы ярче понять эту безнаказанность, нужно указать, что было свыше 1.000 тяжких наказаний продолжительным заключением в тюрьмы евреев, не совершивших никаких преступлений, и ссылкой при невероятно тяжелых условиях в концентрационные лагери евреев, которых власти не только не потрудились спросить, какое они совершили преступление, но не спросили даже об имени и фамилии.

По общему правилу высшие власти отвечают за действия низших агентов постольку, поскольку они не пытаются ни предупредить их, ни наказать. Мое глубокое убеждение, что если бы за грабежи и убийства евреев были осуждены полевым судом несколько десятков убийц и грабителей в Лемберге, Пинске, Лапе, Лиде и других городах, занятых польскими войсками, то погромы не повторялись бы с такой роковой систематичностью. Но когда солдаты и милиционеры видят, что высшие власти держат евреев по месяцам в тюрьмах, ссылают их, как скот, глумятся над ними, — тогда низшие агенты проявляют такое же отношение, но еще в более грубой и жестокой форме, избивая,

ограбляя и т. под. Холодное бессердечное отношение ко всему этому высших властей поощряет низших агентов, а отношение высших властей нельзя назвать иначе, как бессердечным. Когда я с раввином Рубинштейном пришел к комиссару города Я. Пилсудскому просить защиты для поставленного вне закона еврейского населения и со слезами рассказывал ему происходящее, он не возмутился, не порывался создать ту защиту, которую орган власти, вообще, и он, в частности, обязан дать всем гражданам, а, наоборот, ссылкой на историю старался доказать, что такое отношение пришедшего войска к евреям, бывшим спекулянтами и большевиками, понятно и об'яснимо. Когда я пришел к шефу правно-административной секции Ивашкевичу, юристу и бывшему адвокату, с глубоким возмущением рассказывал ему, что больше трех недель тому назад сосланы свыше 400 евреев неизвестно куда, что 400 семейств в глубочайшем отчаянии от неизвестности о судьбе пропавших отцов, сыновей, братьев, он хладнокровно заметил мне, что не понимает моего возмущения, что когда эти евреи будут куда-нибудь привезены, коменданту дадут об этом знать; он отказал послать депешу узнать, где они и что с ними. Дальшейшие события доказали, что эти справки и до сих пор не наведены, и еще теперь, более чем через три месяца, не власти, а еврейская община посылает своих агентов разыскивать сосланных тогда евреев. Когда я думал поразить этого вчерашнего адвоката самым чувствительным образом теми ужасами, которые переживают сосланные, сказал ему, что нашего общего товарища присяжного поверенного Рубашева водили по улицам города в Волковыске и Белостоке нагим, в рубахе и подштанниках и босым, он ответил: „Но он — коммунист", и лишь когда я спросил у него: „Неужели вы будете водить коммунистов нагими по улицам?" — он понял всю жестокость своего ответа и сказал: „Конечно, нет". Между тем этот присяжный поверенный Рубашев (еврей) виновен был лишь в том, что он был маленьким чиновником в советском учреждении (Совнархозе).

Массу евреев преследуют за службу в советских учреждениях в то время, как службу в советском учреждении, вообще, польская власть преступлением не считает, ибо советских служащих поляков не только не наказывали, но даже принимают на службу.

(Подп. О. Финкельштейн).

Виленский погром, подобно другим аналогичным происшествиям, после острой фазы переходит в свою будничную, так сказать, „эксцессную“ стадию. В своих воспоминаниях многолетний председатель еврейской общины д-р Яков Выгодский рисует яркими штрихами период послепогромного „успокоения“ [1]):

„Погром в Вильне перешел мало-по-малу в хроническую более слабую стадию, продолжавшуюся много месяцев: еврей на улице, его жилище и имущество не охранялось законом. Стоило только еврею выехать из города, и он должен был подвергаться смертельной опасности, не говоря уже об унижениях и глумлениях, поджидавших его на дороге. В вагонах евреев били смертным боем, у них отрезывались бороды (любимое занятие „познанчиков“); часто разбушевавшиеся солдаты отнимали у еврея все, что у него было, даже срывали сапоги с ног, а его самого нередко выбрасывали из вагона через окно и дверь. Бывали и худшие случаи. При этом лишь крайне редко случалось, что поляки заступались за евреев“ (стр. 81 82)... „Власть потворствовала громилам, и этим она внедряла в сознание польских солдат и польского населения сознание, *что по отношению к евреям все разрешено* [2]) (стр. 82). Самое маленькое начальство могло себе позволить безнаказанно совершать любое надругательство над евреями. Приведу следующий случай: 8-го декабря 1919 года, часам к 1½ - 2 дня, на еврейских извозчиков, находящихся около городской товарной станции, напала банда солдат и потребовала пред‘явления паспортов. Так как у большинства паспортов при себе не оказалось, то они попросили разрешения послать мальчика за паспортами. Вместо ответа их погнали по рельсовому пути и приказали бежать; 75-летнему старику, который не мог бежать, угрожали расстрелом. Всех пригнали к железнодорожной казарме, куда их вводили по двое, раздевали и подвергали порке; общей участи не избегли 75-летний старик и 13-летний мальчик. Случайно оказавшийся христианин был особожден (Протоколы Юридического Отдела Общины за №№ 490, 499)... При расследовании, произведенном Еврейской Общиной, выяснилось, что вся экзекуция была учинена по приказу офицера, командовавшего военным постом“ (стр. 96). Все старания Еврейской

[1]) Сборник „Leben“. Вильно. 1922. Стр. 51—102.

[2]) Курсив д-ра Выгодского.

Общины к наказанию виновных ни к чему не привели: после огромных хлопот удалось добиться обещания властей передать хулигана офицера и его команду военному суду; однако, вскоре Община была уведомлена, что офицер и вся его команда находятся на фронте, откуда они приводу не подлежат (стр. 96—97).

Автор кончает свои воспоминания моментом отступления польских войск в 1920 году перед большевистской красной армией. В кратких словах передает д-р Выгодский (арестованный в 1919 году большевиками по обвинению в контр-революции) переживания еврейского населения г. Вильно: „У всего еврейского населения отлегло от сердца; ужасное и страшное предчувствие погромного произвола перестало вдруг сосать сердце и давить на мозг. Испуганные, бледные, истомленные люди повылезли из своих нор и сразу заполнили все улицы. Можно утверждать, что все еврейское население было преисполнено одним желанием—будь что будет; пусть наступит даже смерть, только прекратились бы эти постоянные повседневные унижения и оскорбления. Лучше умереть людьми, чем жить на положении собак“.

ГЛАВА III

ТЕРРОР 1920 г.

В период войны с Советской Россией волна еврейских погромов в Польше подымается до невиданной до сих пор высоты, достигая размаха венгерского террора.

Война сопровождалась, как всегда, под‘емом шовинизма, особенно в городской мелкой буржуазии. Во втором периоде кампании, при отступлении польской армии, был необходим „козел отпущения“. А между тем, еще до войны, как мы видели из предыдущего изложения, почва для усиления и муссирования легенды о еврейской измене была вполне подготовлена. Легенда эта, вместе с растущими в связи с ней кровавыми погромами, должна была служить тем цементом, который был призван скрепить расползавшиеся части польской армии.

По мере продвижения красной армии вглубь Польши усиливалась антисемитская агитация, повсюду распространялись официальные воззвания, клеймившие евреев, как предателей, изменников и пособников большевизма. Евреев военнослужащих выбрасывали из армии и направляли в концентрационный лагерь (Яблонна), где с ними обращались, как с преступниками; евреев удаляли из военных канцелярий, из Красного Креста и других официальных организаций; чинились препятствия еврейским буржуазным организациям, преследовавшим даже чисто патриотические цели, многие из этих организаций были закрыты; арестовывались умеренные еврейские общественные деятели. Вместе с тем начались и еврейские погромы, являвшиеся неизбежным спутником отступления польских войск. Если иному городку и удавалось обойтись без погрома, то только потому, что отступление было столь поспешное, что польские солдаты не успевали „на прощание“ погромить евреев. Затем вступали красные войска; еврейское мелкобуржуазное население встречало их не резко враждебно, но более или менее сдержанно. Даже чисто польские источники констатируют, что эксцессов

по отношению к еврейскому населению со стороны красных войск не было — в занятых городах устанавливается некоторый порядок и спокойствие.

Отступление красной армии и возвращение польских войск на свою же территорию неизбежно сопровождались погромным террором, грабежами, убийствами, изнасилованиями, глумлением над еврейским населением. Если жители, предупрежденные об ожидающей их опасности, спасались бегством, то погромщики ловили их по деревням и лесам или просто дожидались возвращения беженцев, чтобы приступить к расправе. Кровавый террор сопровождался террором бескровным в виде культурного и правового. Террор всемерно поддерживался высшими властями, военными и гражданскими, которые не только отказывались принимать жалобы от евреев и еврейских депутаций, но путем цензуры не давали возможности бороться с клеветнической кампанией, ими же инспирируемой. Официально сообщалось об измене евреев, об их активной поддержке красной армии, о предательских нападениях на поляков и т. п. — опровергать невозможно было. По жалобам же евреев власти в лучшем случае обещали расследовать отдельные преступления, но этих обещаний никогда не исполняли.

Погромный террор данной эпохи характеризуется нами почти исключительно на основании дословно передаваемых документов еврейских депутатов Сейма; акты обследования сопровождены многочисленными свидетельскими показаниями, иногда скрываемыми, по понятным причинам, под инициалами. Кроме этих материалов, в моем распоряжении имеются относящиеся к этому периоду достоверные материалы Еврейского Национального Сейма в Ковне и Российского Красного Креста, также до известной степени мной использованные.

1. Погромы при отступлении польской армии

Ландварово. Описание погрома в Ландварове мы заимствуем из материалов Еврейского Национального Совета в Ковне:

ОТЧЕТ

сотрудника Еврейского Министерства Горфинкеля о событиях, имевших место в м. Ландварово при отступлении польских войск 13, 14 и 15 июля 1920 г.

„Уже с 9-го июля через м. Ландварово, расположенное вдоль железнодорожной станции Ландварово и полотна железной

дороги Вильно — Гродно, стали проходить довольно значительные отряды отступающих польских военных частей. Некоторые из них останавливались там на день, на два и начинали будто бы готовиться к обороне: строили окопы, копали траншеи и т. д. Для этих работ они силой забирали местных жителей-евреев, уводя их нередко за 15—20 верст от местечка. В субботу 10-го июля толпа польских солдат ворвалась в синагогу. Евреи находились там на молитве. Раввин, седой, почтенный еврей лет 70-ти, и много других евреев были взяты на работу. По дороге их били прикладами и всячески издевались над ними, у них забрали молитвенные одеяния „талес", заставляли их ходить в ермолках и т. д.

Во все следующие дни, начиная с субботы 10-го июля, продолжались преследования и терроризирование еврейского населения. К вечеру 13-го июля террор этот принял такие формы, что евреи увидели себя вынужденными оставить свои дома и имущества на произвол судьбы и уйти искать убежища в окрестные леса и поля, стремясь спасти хоть свою жизнь.

Председатель местной еврейской общины Зас, старик лет 60-ти, попросил в свой дом соседей христиан, обещавших уговорить солдат оставить его дом в покое. Но солдаты прогнали соседей угрозами расстрела. Самого Заса взяли с собой, заставив его нагружать тяжелые мешки награбленного добра на автомобили и вагоны. Его друзья уговорили местного польского жандарма, который за это получил 200 марок, освободить Заса при помощи хитрости. Он пришел к солдатам и об'явил, что Зас по распоряжению высшей власти должен быть арестован. По дороге домой солдаты несколько раз окружали и требовали выдачи еврея для того, чтобы убить его. В то же самое время другие солдаты громили и грабили его дом и лавку. В среду 14-го июля с утра начался всеобщий разгром оставленных еврейских домов и лавок. Из 60—65 еврейских семейств, живущих в Ландварове, ни одно не избегнуло разгрома и не было пощажено. Не было сделано исключения и для самых последних бедняков...

Но грабительские инстинкты и страсти к легкой наживе со стороны польских солдат особенно высказались в домах и квартирах более состоятельных евреев. То, чего нельзя было захватить с собой, было уничтожено, то, чего нельзя было совершенно уничтожить, было попорчено...

Варвары не постеснялись разгромить и местную аптеку. Захватив с собой и уничтожив почти все бывшие налицо медикаменты и аптечные принадлежности (даже аптечные весы были ими унесены), они попытались даже поджечь аптеку, подложив огонь в двух местах—в задней комнате на полу и на крыльце возле деревянной стенки.

Особую ярость солдат вызвали книги, особенно еврейские—эти уничтожались беспощадно. Так, был произведен разгром местной еврейской библиотеки в доме Зильберквейта, разорваны на клочья большие фолианты еврейских старинных книг в доме Голды Аронович.

Таким же образом в течение всего дня 14-го июля были разгромлены дома и квартиры решительно всех еврейских жителей местечка. Напрасно я отыскивал дом, населенный евреями, который избегнул бы этой участи.

Покончив с разгромом имущества, солдаты, среди которых виднелись нередко мундиры польских офицеров, принялись искать спрятанных евреев. Они стали обшаривать кусты, стоги сена и вообще все те места, где можно было бы спрятаться. У одного крестьянина они нашли спрятанного Давида Рабиновича, его жену и троих детей. Офицер, который тут же находился, приказал отвести всех к роще и расстрелять. Это было днем 14 июля. Жена Рабиновича и его дети подняли плач и стали умолять солдат отпустить их. Ничего не помогало. Их повезли дальше. К их счастью, проезжал какой-то польский офицер верхом. Крики детей и плач женщины привлекли его внимание, он под‘ехал ближе и, узнав в чем дело, велел отпустить их. Солдаты нехотя повиновались.

В четверг утром 15-го июля поиски продолжались, причем солдаты стали обстреливать все те места, где, по их мнению, могли находиться спрятанные евреи. В одном садике за кустами спряталась группа евреев—четверо мужчин и одиннадцать женщин. Среди мужчин находился Яков Клейн и Глас. Когда начался обстрел садика, там поднялось движение; солдаты устремились туда, причем был захвачен вышепоименованный Глас. Солдаты подвели его к дереву, намереваясь его застрелить. С большим турудом ему удалось откупиться.

Без кровавых жертв, однако, дело не обошлось. Какой-то еврей, шедший по дороге из Вильно, попал под выстрелы и был убит на месте. Труп его был через несколько дней найден и отвезен в Вильно.

Такова в кратких чертах картина гнусных, разнузданных действий польских отрядов в Ландварове 13, 14 и 15-го июля".

Такую же картину рисуют и материалы, собранные Российским Обществом Красного Креста, из коих мы приводим некоторые:

28 октября 1920 г.

Лагерь Фалькенбергер-Моор

Сего числа Комиссия по сбору и запротоколированию фактов о грабежах, насилиях и зверствах, совершенных польскими войсками над мирным населением и красноармейцами в период минувшей кампании, организованная при 474 Пограничном полку, согласно приказания Ком. полка от 25 октября с. г., в составе: Председателя т. Нестерова и членов Соколова, Бобылева и Пронина, приняла следующие заявления:

№ 1.

Чин для поручений при 1-ом баталионе 474 Пограничного полка Поле, Владимир Евгеньевич, происходящий из граждан Бессарабской губ. г. Кишинева, заявил:

„В двадцатых числах июля с. г. я, возвращаясь из города Гродно вместе с Командиром роты 1/474 полка Никандровым, встретили на набережной р. Немана около 12 подвод, нагруженных трупами убитых польскими солдатами евреев. Всего было 28 трупов. На трупах были видны явные признаки насилий, а именно: у большинства были выколоты глаза, отрублены уши, пробиты головы, отрублены руки, а некоторые тела представляли собой бесформенную массу. Трупы были в песке и грязи, что свидетельствовало о том, что над ними надругались и, прежде чем убить, пытали их и били. Все замученные евреи принадлежали к гражданскому населению города Гродно. С этими встреченными подводами шла многочисленная толпа родственников. Расспросив их, я узнал, что поляками во время спешной эвакуации города Гродно были взяты на работы 100 граждан-евреев обоего пола, причем по окончании работ женщины-еврейки были отпущены, а мужчин числом до 40 человек поляки увели с собою по направлению на Белосток.

Верстах в 8-ми от Гродно в лесу случайно было обнаружено 28 трупов евреев, в коих и признали взятых поляками на работу, а о судьбе остальных 12-ти человек ничего неизвестно. Свидетелем изложенного был Командир роты 1/474

Никандров, Николай Никандрович, который в настоящее время ранен и находится на излечении в Германии. Никандров происходит из граждан Псковской губернии Островского уезда.

Справедливость заявления свидетельствую своей подписью".

28. 10. 20.

Подпись: Поле

Председатель Комиссии Нестеров.

Члены: Пронин
Соколов
Бобылев

Белосток. Из отчета депутата Фарбштейна мы заимствуем описание событий, сопровождавших польское отступление в Белостоке. Издание Народного Клуба еврейских сеймовых депутатов: „Invazja Bolszewicka a zydzi" „Большевистское нашествие и евреи". Выпуск I, стр. 11.

„Во вторник 21-го июля началась эвакуация учреждений, а вместе с тем и грабежи. В еврейские квартиры и магазины приходили солдаты, иногда предводительствуемые местными жителями-поляками. Они забирали товары, деньги, драгоценности, одним словом, все, что можно было унести. Устрашенное еврейское население все отдавало без сопротивления, а если какой-либо еврей и осмеливался сопротивляться грабителям, то его жестоко избивали. В некоторых кварталах грабежи происходили одновременно и систематически почти во всех домах данной улицы; иногда грабежи приобретали столь катастрофический характер, и крики и жалобы доходили до такой силы, что даже грабившие солдаты, боясь последствий, сами прекращали свою гнусную работу. Однако, это продолжалось недолго, так как обычно через несколько часов солдаты вновь возвращались и приступали к грабежу. Задерживали также прохожих евреев, обыскивали их на улицах и забирали все ценное.

В тот же день началась ловля на улицах евреев (и только их) для принудительных работ. Хватали сотни евреев, выводили их за город и заставляли производить работы часто бесполезные, а иногда и смешные. Так, в иных случаях их заставляли отгонять мух от лошадей. Между ними было много стариков, больных и слабых. У сотен евреев после исполнения ими

работы отбирали обувь, одежду, все, что они имели с собой, и отпускали их почти голых, босых, ограбленных. Все это вызвало смертельную тревогу в еврейских кварталах, евреи замыкались в квартирах и не выходили на улицу, даже для покупки наиболее необходимых жизненных припасов.

23-го июля власть обратилась к правлению еврейской общины с предложением повлиять на евреев, чтобы они открыли магазины. Правление общины исполнило это требование, но как только какой-либо магазин открывался, его немедленно грабили солдаты. Нужно, однако, отметить, что в этом периоде, т. е. при отступлении польской армии, в грабежах участвовали только простые солдаты, которых офицеры часто за это наказывали. Было также много случаев, когда солдаты, застигнутые на месте преступления, арестовывались офицерами.

Еврейская делегация обратилась к властям с просьбой положить предел этим преступным действиям солдатчины. Власти издали распоряжение, которое было повсюду расклеено, согласно которого все дела о грабежах будут передаваться в военно-полевой суд, а преступники наказаны смертной казнью.

Четырех солдат, захваченных на месте преступления, расстреляли, вследствие чего грабежи на некоторое время прекратились. В воскресенье 25-го июля приступили к ускоренной эвакуации, и вновь начались грабежи, но в несколько меньшем размере, чем раньше. Массовые грабежи имели место в ночь с 27-го на 28-ое, когда последние польские части покидали Белосток; в этот момент был убит кинжалом во время ограбления его дома старик Гирш Гроховский. Управление общины осталось в городе, чтобы зарегистрировать убытки, вызванные описанными событиями. В течение двух дней было запротоколировано свыше 300 ограблений, и убытки оценены приблизительно в 300 миллионов марок. Сотни лиц, по тем или иным причинам, не успели во время заявить о своих убытках. В среду 28-го июля в 8 час. утра большевистские войска вошли в город".

Плоцк. Такую же картину рисует и депутат Гринбаум, расследовавший события в Плоцке [1]):

„Когда началась организация общественных сил для защиты государства, то в общине состоялось заседание еврейских общественных деятелей [2]), которое постановило, что еврейство

[1]) „Большевистское нашествие", I, стр. 42.

[2]) Конечно, буржуазных.—Прим. автора.

должно организоваться самостоятельно, тем более, что в уставе Союза Обороны Государства имеется пункт, что евреи не могут быть членами этого Союза. Комитет обратился с воззванием к еврейскому народу и образовал три секции: 1) вербовки добровольцев, 2) помощи солдатам, 3) госпитальную. Раньше, однако, чем Комитет мог развернуть свою деятельность, посыпались репрессии на наиболее активных его членов. Трудно сказать, было-ли это делом случая или же находилось в связи с их комитетской деятельностью. Арестован был доктор Темерсон в течение почти четырех недель; освобожден он был лишь после ясного и категорического предписания воеводы. Арестовали также б. вице-председателя городского совета инженера Сарну и банкира Гогозика. Эти двое были освобождены немедленно. Д-ра Темерсона обвиняли в большевизме, и о нем распускались чудовищные слухи. В этой гнусной работе участвовал, как обычно, Андрей Немоевский [1]), посвятивший д-ру Темерсону специальную заметку (в „Независимой Мысли"), преисполненную лжи. В четверг по дороге из Радзвиля (деревня на левом берегу Вислы), против Плоцка, чувствительно побили некоего Домба; он был поставлен под дерево, ибо принят он был за д-ра Темерсона. Кое-кто узнал его и спас его от смерти. Это отношение к д-ру Темерсону тем более удивительно, что арестованных ранее двух бундовцев освободили по ходатайству городского совета.

Эти аресты угнетающе действовали на Комитет. Тем не менее была организована портняжная мастерская, было собрано белье. Ученики и чиновники евреи добровольно записывались в армию.

Перед гарнизонной церковью происходили собрания, на которых велась пропаганда против евреев. Некий Щавинский, сотрудник „Рабочего Люда" [2]), приехавший из Варшавы, пространно говорил, как передают, о внутренних врагах, которых нужно опасаться, и предупреждал, что эти враги будут обливать поляков кипятком. Он таким образом подготовлял почву для позднейших слухов и легенд.

Когда Млава была занята, и большевики стали приближаться к Плоцку, начало изменяться отношение к евреям.

[1]) Некогда радикальный писатель, с 1908—09 гг. перешел в лагерь антисемитской реакции.

[2]) Орган клерикалов.

Христиане, как и в других местах, полагали, что большевики — это, собственно говоря, евреи. Начали поэтому к знакомым евреям носить на сохранение разные вещи, просить их о помощи и протекции на случай пришествия большевиков и т. д.

Фортификационные работы велись в Плоцке обычными способами. На улицах хватали преимущественно евреев. Магистрат предложил военным властям предоставить необходимое количество рабочих сил, но командование этого предложения не приняло, мотивируя это тем, что оно не в состоянии определить заранее, сколько в данный момент может понадобиться рабочих. Обращение с рабочими было неважное.

18-го августа утром в Плоцке была слышна сильная канонада. В час дня староста запросил командование, которое сообщило, что наступление наших войск развивается благоприятно. Все утро продолжали хватать людей для работ. Однако, в три часа дня большевики, обойдя и окружив наступающую группу, неожиданно ворвались в город".

Занятие города красными войсками, как уже отмечено, не встречало большого сопротивления со стороны населения занимаемых городов, тем более, что красная армия не допускала „эксцессов" и приносила с собой порядок и спокойствие. Это признает и депутат Сейма Гартгляс в своем сообщении о положении дел в Седлеце [1]).

Седлец. „Еще до нашествия большевиков, т. е. при отступлении польских войск, в Седлеце непрерывно происходили мелкие погромы и эксцессы. Власти отдали распоряжение, запрещающее резку бород у евреев [2]). На принудительные работы брали исключительно евреев; когда указывали на этот факт, то власти голословно утверждали, что берут и христиан. Непосредственно перед своим уходом польские власти приказали произвести эвакуацию всего мужского населения от 17 до 40 лет, вследствие чего много евреев, находящихся в этом возрасте, не желая быть оторванными от семей, укрывалось в погребах и на чердаках. Когда в город вошли большевики, то спрятавшиеся осмелились, наконец, выйти на улицу; так как на улицах находилось значительное количество зевак, особенно из среды еврейской молодежи, то действительно могло получиться впечатление, что еврейское население высыпало

[1]) Там же, стр. 19.

[2]) Как характерна необходимость издания *такого* распоряжения.

на улицу. Никакой еврейской делегации, встречающей большевиков (вопреки инсинуациям газеты „Республика“),—не было.

Большевики вели себя корректно, никого не грабили и за все расплачивались наличными, отказываясь даже от введения предельных цен под тем предлогом, что денег у них достаточно. В виду этого им охотно все продавали, не отдавая себе отчета в том, что в действительности большевики взимают контрибуцию с торгового населения, т. е. еврейского, установив принудительно, что один советский рубль равен одной польской марке. Мнимую спекуляцию торговцев начала преследовать лишь красная милиция, организованная из местных жителей, сочувствующих коммунизму.

Во время большевистского нашествия рабочие круги — как еврейские, так и христианские — в общем сочувственно относились к большевикам.

Евреи коммунисты и все евреи вообще вели себя корректно, и никаких доносов с их стороны не было. Зато польское население из среды трудящихся возбуждало большевиков против евреев, обвиняя купцов в ростовщичестве, и натравливало на них красную милицию и большевиков. Те же самые элементы ведут теперь энергичную кампанию за бойкот евреев и призывают польских солдат грабить еврейские лавки.

Красная милиция состояла из ста человек приблизительно, преимущественно христиан, а именно — железнодорожников и дворников; в отличие от большевиков эта милиция дала себя почувствовать местному населению. Некоторые евреи прятали у себя скрывающихся поляков; так, Файвель Гриншпан все время прятал у себя польского офицера. Квартир большевики не грабили, зато этим занималась красная милиция и местное население (разграбление квартир Годлевского, Рачинского и др.). Евреи, входившие в красную милицию, скрылись перед приближением польских войск, поляки же остались, и некоторые из них входят теперь в гражданскую стражу. Товарищеское общение с большевиками наблюдалось в еврейских рабочих кругах и со стороны некоторых польских полу-интеллигентов.

Перед самым уходом большевиков в городе появились евреи беженцы из Коцка, Лукова, Желехова, Парчева, рассказывавшие, что луковский большевистский комендант советовал им скрыться, так как польская армия при своем продвижении прежде всего истребляет еврейское население. Это было 17 августа.

Это известие вызвало панику среди евреев, и мужчины стали убегать в леса. Паника была тем более понятна, что еще 3-го августа ксендз Гальберштадт сообщил раввину, что будет погром, и что костелы открыты ночью, дабы дать убежище евреям. Как только в город вошли польские войска, началось избиение евреев, грабежи и насилия".

2. Еврейская „измена"

Польская армия неудержимо отступала вглубь Польши; вехами на этом пути были пожары, грабежи и погромы. Воинские части распадались и превращались в бродячие шайки громил. Варшавское правительство делало отчаянные попытки, чтобы спасти положение дел. „Добровольцы", как добровольные, так и по принуждению, отправлялись на фронт, военное снаряжение доставлялось Антантой. Но главной очередной задачей было поднятие духа армии: необходимо было уверить солдат, что поражение польской армии произошло не по ее вине и не по ее слабости, а вследствие измены, вследствие козней внутренних врагов, находящихся в тесной и непосредственной связи с неприятелем. Найти изменников было нетрудно — то были евреи, привычный об'ект эксцессов прежнего периода, одинаково виновные как в большевизме, так и в капиталистической эксплуатации польских масс. Уже в самом начале русско-польской войны 1920 года, когда поляки были вынуждены очищать Украину, было выпущено воззвание, в котором описывались страдания Украины под „большевистским игом" и рисовались ужасные последствия вторжения красной армии в Польшу: „И будет прекрасная Польша покрыта черным саваном засохшей крови, как и Россия и Украина. И править будет не полновластный Сейм, а многочисленная шайка жидов и москалей Ленина и Троцкого. И заберут у нас последний кусок хлеба"...

В другом, более позднем воззвании говорится: „Вот каким якобы рабоче-крестьянским правительством хотят наградить нас Ленин и Троцкий: председателем будет Мархлевский, женатый на еврейке; иностранные дела будут доверены пресловутому Радеку-Собельсону из Тарнова, некогда изгнанному из ППС за воровство; финансами займется жид Литвинов-Финкельштейн; остальные портфели будут переданы Фюрстенбергу-Ганецкому и Парвусу-Гельфанду, во время войны накопившему

миллионы посредством спекуляции; наконец, внутренние дела будут вручены изменнику Феликсу Дзержинскому, знаменитому палачу, начальнику чрезвычаек, убийце тысяч польских женщин и детей". Дальше изложена „программа" этого будущего еврейского правительства: поголовное истребление польского крестьянства; увоз в Россию всех сельско-хозяйственных продуктов переселение в Польшу русской бедноты; оккупация всей Польши красной армией; повсеместное устройство чрезвычаек и т. д.

В момент наибольшей опасности верховный главнокомандующий польской армией генерал Сикорский обратился с воззванием к польскому народу:

„Московские большевистские банды под начальством жидов-комиссаров осмелились войти в пределы светлейшей Польской Республики. Мало того, они стали под стенами нашей возлюбленной Варшавы и угрожали нашей столице. Польский народ! Терпение польского солдата исчерпано. Войска, находящиеся под моим предводительством, с бешенством ударили на большевистскую орду и разбили вражеские банды. Враг начал панически отступать. Часть этих банд ныне отрезана и блуждает в лесах. Селяне, вас ждет новая жатва. Наточите косы, заострите вилы и топоры и двиньтесь на врага. Да почувствуют проклятые большевистские банды и жидовские комиссары на своей шее силу ваших рук, острие ваших кос, вил и топоров. Щадите только тех, кто добровольно складывает оружие, и приводите их в военные комендатуры".

Если ген. Сикорский „ограничивается" призывом к убийству, то значительно более широкая „программа" была развита в воззвании, расклеиваемом польскими властями в познанской области:

„Соплеменники! Жиды из конгрессувки и Малой Польши устрашающим образом наполняют наш край; эти наиболее заядлые из наших врагов хотят, чтобы и мы так же ожидовели, как Варшава, Краков и Львов. Жиды — шпионы на восточном фронте, где наши братья проливают кровь за отечество. Жиды ведут большевиков и украинские банды с лозунгом „на ляхов", они нападают на поезда, убивают наших раненых, жгут наших сестер милосердия. Жиды — пионеры большевизма, они ведут против нас партизанскую войну и присоединяются ко всем нашим врагам. Жиды скупают наши с'естные припасы, товары и все, что возможно; они тайно вывозят их и продают по ростовщическим ценам. Именно они скупали золото и серебро

во всей Польше и увозили его в Германию. Жиды чернят Польшсу во всем мире и распускают ложные слухи, дабы довести наше отечество до разорения. Падение нашей валюты вызвано жидовскими махинациями. Боеспособность нашей армии понижается жидами офицерами и чиновниками, которые, к несчастью, и сейчас еще занимают ответственные посты; своей подкупностью, бесчестностью и продажностью они подрывают авторитет правительства, армии, офицерства и чиновничества.

Поляк-гражданин! Полька-гражданка! Что должны вы делать? Следите за каждым вновь появляющимся евреем, где бы вы его ни встретили, и по мере сил старайтесь сделать его пребывание у вас невозможным. Мещане, не сдавайте жидам ни квартир, ни иных помещений, хотя бы даже за десятикратную цену, ибо проклятие будущих поколений падет на вас. Вон из нашего края, жиды! Все общество презирает вас и плюет вам в лицо. Прочь из всей Польши!

Граждане, землевладельцы, купцы, ремесленники, рабочие, не продавайте жидам ваши произведения, ваши товары, ваш труд. Поляки, вы видите, что ни одно государство в мире не хочет терпеть у себя этих еврейских паразитов. Почему же бедная и несчастная Польша должна их терпеть и кормить миллионы жидов? Прибегнем к самообороне, ибо каждый день промедления — это лишний шаг к разорению Польши. Приступим к делу собственными силами. Лозунг наш: „Долой жидов“.

Нельзя было построить легенду о еврейской измене на одних лишь обвинениях общего характера. Нужны были и „конкретные факты“, подтвержденные авторитетными органами. Поставщиком „фактов“ явился польский Генеральный Штаб, который в своих сообщениях говорил об изменнических поступках евреев.

В сообщении своем от 21-го августа 1920 г. Генеральный Штаб говорит:

„Еврейское население, составляющее около 30% общего числа жителей г. Плоцка, вело себя враждебно по отношению к нашим солдатам и явно симпатизировало большевикам. Удостоверено, что евреи обливали наших солдат кипящей водой. 4 еврея было захвачено в момент, когда они переговаривались с большевиками при помощи подземного телефона. Раввин Шапиро был пойман в момент, когда с балкона посредством жестов направлял большевиков против польских солдат“..

Точно так же в сводке от 24-го августа 1920 года говорится:

„При занятии 22-го утром Белостока 1-ой дивизией легионеров в самом городе в продолжение почти 20 часов продолжались упорные уличные бои с 55 советской дивизией, прибывшей на помощь из Гродно, и местным еврейским населением, заметным образом усиливавшим ряды большевиков“.

Вопрос о мнимом участии евреев в борьбе против поляков был поднят после сообщений Генерального Штаба во Временном Комитете граждан в Плоцке, причем с несомненностью было установлено, что сообщение Штаба истины не соответствует. В результате депутат Фарбштейн обратился к военному министру с соответствующим запросом. В своем ответе министерство указало, что протоколы Временного Комитета граждан не отличаются особой точностью и не могут опровергнуть фактов, сообщенных Генеральным Штабом. Во время борьбы на улицах члены Комитета спрятались в подвалы и не могли поэтому судить о том, с каким противником имели дело польские войска. Вместе с тем министерство утверждает, что случаи поступления евреев добровольцами в русские войска были весьма многочисленны. Так, через русские вербовочные бюро в Тышовцах, Грубешове и Влодаве было принято добровольцами 1.193 еврея; встречались также случаи, когда евреи добровольцы перебирались через польские линии (напр., в Замостье, в Холме), чтобы перейти к русским. В общем министерство стояло на той точке зрения, что сообщение Генерального Штаба вполне соответствует истине.

Официальные сферы до такой степени были проникнуты сознанием необходимости выставлять евреев изменниками, что если случайно проскальзывало иное мнение, то оно тотчас же опровергалось, как о том свидетельствует следующая любопытная история, случившаяся в Седлеце.

После ухода красной армии в Седлеце образовался Общественный Комитет, выпустивший 28-го августа обращение к населению. В обращении хотя и говорилось о ,,наказании враждебных нам евреев“, но была также и фраза о том, что „еврейское общество честно стоит на почве польской государственности“. Очевидно, такая индульгенция, выданная евреям, кое-кому не понравилась, и через три дня появилось воззвание г. Косляча, президента г. Седлеца, в котором

указывалось, что типография сознательно неправильно набрала текст воззвания, и что должно быть сказано „часть еврейского общества“, а не „еврейское общество“.

3. Террор победоносной польской армии

Официально творимая и поддерживаемая легенда о еврейской измене дала свои неизбежные результаты в виде кровавых погромов. Мы приведем здесь ряд материалов, ярко рисующих польский кровавый террор, не уступающий венгерскому; мы начнем с описания событий в Плоцке (отчет депутата Гринбаума), где „факт“ еврейской измены был официально удостоверен польским Генеральным Штабом, и где последствия этого удостоверения дали желанные результаты.

а) Плоцк[1])

„19-го августа в полдень большевики были принуждены покинуть город. В еврейские кварталы вошли польские солдаты, которые начали искать евреев-большевиков, искали их даже в шкафах и комодах. В дом входили под предлогом, что из окон стреляли, причем громили и избивали. К некоему Ерухемсону вошла группа солдат с криком, что из его окон стреляли. Сделали обыск, но оружия не нашли. После этого стали делать обыск во всех квартирах, причем Ерухемсона увели с собою, хотя дом принадлежал не ему. На третьем этаже, в квартире жены русского офицера, все время войны находившегося в России, найдены были гильзы. Этого было достаточно, чтобы арестовать Ерухемсона и сильно побить его, хотя и перед тем ударов не жалели. Его отвели сперва к баррикаде на Шумской улице, а затем вместе с другими арестованными евреями его повели к майору. Этот последний, выслушав обвинения, всех отпустил. Тем не менее солдаты не отказались от своего намерения, и военная жандармерия привлекла к ответственности Ерухемсона за мнимую стрельбу по войскам. Солдат сопровождала та же чернь, которая раньше ходила с большевиками. Большевиков искали даже в синагоге, причем пропал серебряный бокал, предназначенный для богослужения, а со служки сняли сапоги. К адвокату Оберфельду, известному ассимилятору, солдаты вошли с криком, что он обливал солдат кипящей водой. Под тем же предлогом входили и в другие еврейские квартиры, и эта легенда постепенно стала

[1]) Там же, стран. 45—52.

распространяться среди солдат и населения. Стали опасаться погрома, и к варшавскому воеводе, приехавшему в Плоцк, явился городской деятель Бланк и указал, что несомненно существуют факторы, стремящиеся вызвать антиеврейское выступление. Воевода с большим вниманием отнесся к этому сообщению и подчеркнул, что нужно применить всевозможные средства, дабы не допустить до погрома. В пятницу 20-го, когда грабежи не прекращались, а слухи об обливании кипятком все еще продолжали ходить, было выпущено обращение к населению, угрожающее суровыми карами за грабежи. В этом обращении не было ни слова о противозаконном поведении евреев. В еврейские кварталы были посланы патрули, жандармерия начала арестовывать грабящих солдат, еврейские лавки были закрыты, а евреи на улицах не показывались. Этим способом был предотвращен погром.

В субботу 21-го вернулся из Гостынина староста и референт Коссаковский. Вместе с ними и даже раньше возвратились и другие лица, бежавшие из Плоцка от большевиков. После их возвращения вновь стали поговаривать о том, что евреи стреляли в поляков, обливали их кипятком и т. д. Эти слухи уже 18-го появились на левом берегу Вислы, в Радиве и по дороге в Лонцк; об этом говорили даже до вступления большевиков в Плоцк. В Гостынине же не только г. Розак, но даже и сам староста громко говорили о том, что евреи обливали солдат кипящей водой, что г. Блан стоял на крыше и стрелял в солдат, и т. п. сказки.

Такие же слухи распространялись нотариусом Тыцом и судьей Крептовским. Солдаты и крестьяне верили этому; с последствиями этой агитации пришлось познакомиться мужчинам 17—40 лет, эвакуированным из Плоцка, которых направляли пешком в комендатуру в Лонцк. Группы солдат и крестьян набрасывались на встречающихся евреев, били их до крови и грабили. В самом Лонцке евреев завели на какой-то огород и там расправились с ними самым жестоким образом. Особенно издевались над группой, состоявшей из 4-х лиц: Эльбаума, Либсона, Шлезингера и Татарского, причем Эльбаум был убит на месте, а Татарский скончался через 10 дней в госпитале в Плоцке. Полицейские, которых эвакуировали из Плоцка перед приходом большевиков, рассказывали в лонцком лесу, что евреи обливали солдат кипятком и стреляли по ним. Какое-то безумие

охватило толпы солдат и крестьян в Радзиве и Лонцке; передавались самые невероятные слухи. В Лонцке к предводителю конного татарского полка пришла какая-то деревенская девушка и, указывая на окровавленного и избитого еврея, заявила, что сама видела, как он с ножом в руках бросился на капрала 6-го пехотного полка и убил его. Предводитель полка, однако, не потерял хладнокровия и не дал приказания расстрелять этого еврея.

В Плоцке единогласно утверждают, что слухи об обливании кипятком, о стрельбе и т. д. были принесены в город солдатами, чиновниками и вообще беженцами, возвращающимися с левого берега Вислы. Там эти слухи циркулировали еще до прихода большевиков в город, и были они пущены с целью антиеврейской агитации, а также, повидимому, для об'яснения и замаскирования собственной трусости и бездеятельности.

Расстрел Шапиро

24-го августа был арестован цадик [1]) Хаим Шапиро. Его обвиняли в том, что 18-го (в день, когда в Плоцке находились красные войска) он стоял на балконе своей квартиры по Королевской улице и давал знаки входившим в город большевикам. Против него показывали: столяр Варлинский, слесарь Марушевский и сторожиха, живущая на той же улице напротив дома Шапиро. Они сидели в подвале и якобы видели, что он стоял на балконе и подавал знаки. Кроме того, были и другие свидетели, а именно еврейка Плуцер и христианка Драминская, которые утверждали, что хотя они и видели Шапиро, но не на балконе, а в дверях, причем знаков он никаких не давал. Кроме того, они говорили, что это было между 1-м и 2-м часом дня, тогда как первая группа свидетелей утверждала, что это было между 5 и 6 ч., когда большевики появились на улицах этой части города. По странной случайности, обе последние свидетельницы не были допрошены при судебном разбирательстве, хотя они и были вызваны докладчиком по этому делу г. Пепловским, который лично приехал на Королевскую улицу в четверг 26-го, чтобы вызвать свидетелей на пятницу 27-го в 10 ч. утра. Адвокат Фарберт, которому пришлось взяться за защиту непосредственно перед разбирательством, об этих свидетельницах

[1]) Староста у еврейских хасидов, почитаемый хасидами почти как святой. Хасиды — религиозная группа, охватывающая, примерно, треть евреев.

ничего не знал. Впрочем, лишь в четверг этот самый Пепловский лично сообщил жене Шапиро, что разрешено пригласить защитника и переводчика. Он просил при этом, чтобы адвокат поговорил с ним в тот же вечер, причем он указал ресторан, где его можно встретить. С просьбой взять на себя защиту обратились к адвокату Оберфельду, который, однако, отговаривался болезнью и нервностью, но все же пошел разговаривать с референтом. После разговора он, однако, категорически отказался взять на себя защиту, попрежнему ссылаясь на болезнь и нервность. Вместо него пригласили адвоката Фарберта, которого попросили познакомиться с делом. Однако, прежде чем он успел к этому приступить, его вызвали в суд, куда он и пошел, не желая оставить своего подзащитного без всякой помощи.

Среди свидетелей был и сосед Шапиро, учитель и владелец бакалейной лавки Дечинский. Пока продолжалась стрельба, цадик со своей семьей все время находился в квартире Дечинского. Когда большевики начали обходить лавки, то в квартиру цадика принесли голову сахару и другие продукты, чтобы спасти их от большевиков. Между обеими семьями существовали наилучшие отношения. Дечинский однажды спас цадика, когда 20-го к нему вошло несколько солдат, заявивших, что из его квартиры стреляли. Дечинский показал, что во все время нашествия большевиков он сидел у Шапиро и даже спрятал в его квартире свой сахар. Однако, на суде он сказал, что один из большевиков, пришедших в его квартиру, захотел также осмотреть квартиру раввина, и сказал, чтобы он пошел с ним. Раввин пошел, но тотчас же вернулся, так что в течение столь короткого времени он не мог сходить на свою квартиру. О чем раввин говорил с большевиками, он не слыхал. Для суда этого оказалось достаточным, чтобы за измену приговорить к смерти раввина, человека совершенно чуждого политике. Не помогли никакие старания даже со стороны католического духовенства. Главным образом не были приняты во внимание просьбы старосты и магистрата, чтобы исполнение приговора было отсрочено на 24 часа, дабы иметь возможность ходатайствовать в Варшаве. Приговор был тотчас же подписан генералом Лесоцким и приведен в исполнение, о чем поспешили известить население особыми извещениями, в которых Шапиро назывался раввином, хотя он и не был таковым.

Достойно внимания следующее обстоятельство. Покойник рассказывал жене, что на одном из допросов, на котором присутствовал и староста, его спрашивали, богат ли он. Когда он ответил отрицательно, то ему сказали, что евреи, которые за него стараются, наверно богаты и могут дать за него полмиллиона, а по словам старосты и целый миллион. Когда жена Шапиро рассказала об этом раввину и местным общественным деятелям, то все приняли это за шутку и даже не спрашивали, что означает этот разговор. Шапиро был уверен, что падает жертвой за все еврейство.

Приговор произвел в Плоцке наихудшее впечатление. Когда прошло первое впечатление и узнали, кем был цадик, то все были убеждены, что произошла судебная ошибка. Цадик умер, завернувшись в талес, став спиной к стреляющим солдатам, дабы, по словам Талмуда, не видеть „ближних, когда они теряют божественный облик".

23-го августа в город приехал министр-президент Витос и министр Скульский. Два депутата Мержеевский и Залесский доложили министру-президенту о событиях в Плоцке, о чем П. Т. А. выпустило специальное сообщение. Как в Плоцке говорят, сообщение это было составлено не местным корреспондентом П. Т. А., но другим лицом, приехавшим вместе с министром-президентом из Варшавы. Когда извещение было опубликовано, то в Плоцке воцарилось всеобщее возмущение, так как до тех пор в городе никто не слышал о подземных телефонах, а слух об обливании кипятком считали злостной выдумкой, недостойной помещения в полуофициальных сообщениях о пребывании в городе главы правительства.

Городской совет реагировал на это сообщение, поручив своему председателю выяснить вопрос, насколько правильны слухи об измене евреев в Плоцке. Полученные им информации указывали лишь на то, что все это слухи и сплетни, которых никто не проверял, и что ведется следствие, еще не приведшее ни к какому результату. Даже те, кто говорил, что видел обваренных солдат или полицейских, или даже кто сам был облит (майор Мосцицкий), не могли подтвердить, что это дело еврейских рук. Городской совет в заседании своем от 31 августа детально разобрал вопрос об измене евреев и единогласно принял резолюцию, подтверждающую лойяльное поведение плоцких евреев.

Я имел беседу о событиях со старостой и с комендантом капитаном Пржилусским, который сказал мне, что, кроме казни Шапиро, он положительно ничего не знает; он распространялся о враждебном настроении евреев, пришедших из России, хотя таких евреев во всем Плоцке имеется лишь несколько, притом оседло живущих здесь уже несколько десятилетий. Староста же повторял все сплетни и легенды, и многие из них я слышал впервые от него. Так, он сказал мне, что при подземных телефонах поймано 4 еврея, которых зарубили тут же на месте (об этом буквально никто в Плоцке не слыхал), что видел, как раби на балконе давал знаки и стрелял в него.

Я беседовал также с председателем городского совета, который сказал мне, что убежден в невинности раввина, и что евреи вели себя лойяльно; он допускает, однако, что единичные лица, фанатики, большевики, могли, в припадке безумия или же желая избавиться от солдат, стоящих под их окнами и стреляющих в большевиков, обливать их кипятком. Он основывался на свидетельстве чиновницы Идзиковской, майора Мосцицкого и одного чиновника. Он, однако, категорически опровергал слух, переданный мне старостой, будто бы в 1-й гимназии на улице „3-го мая" были пойманы два еврея, из которых один находился в гимназии и давал сигналы посредством зеркальца, а другой сторожил перед гимназией. Он сам ночевал в гимназии в ночь с 18 на 19-е августа и ничего подобного там не слышал [1])".

б) Луков [2])

...„16-го августа стали поговаривать об уходе большевиков; евреями овладела тревога, особенно теми, которые раньше спрятались и не пошли добровольцами в польское войско. Вечером стали приходить беженцы из ближайших городов — Желехова, Адамова и др.; они рассказывали, что поляки уже недалеко. Всеми овладел панический страх, и, желая спастись, мужчины стали убегать в Седлец и Междуречье...

17-го утром, когда вошли поляки, произошел формальный погром. Тотчас же нашлись христиане, указывавшие польским солдатам квартиры евреев; грабеж домов и магазинов продолжался два дня. Чего нельзя было унести, то тут же уничтожали.

---

[1]) Спустя два года польский военный суд задним числом „исправил судебную ошибку", признав Шапиро невинным.

[2]) Там же, стр. 67.

Солдаты окружили дом Шмуля Шлоймы Брауна и стреляли в окна; наконец, они выломали двери и вошли в квартиру, где находился раввин с семьей и несколькими соседями. Сперва солдаты устроили личный обыск всех присутствующих, забрав при этом все деньги и драгоценности, а затем они начали бить раввина, сбросили его с лестницы и так ударили прикладом, что он чуть не умер. Молодой Мордухай Плуг был тяжело ранен в доме раввина. Пекаря Бериша Лихтера застрелили за то, что он не успел во время вынуть хлеба из печи. Хана Маншкайзер была ранена выстрелом перед своим домом.

Этот погром продолжался два дня, и от него пострадало 80% еврейского населения. Во все время этих эксцессов офицеры держались в стороне и не мешали солдатам издеваться над еврейским населением. Даже во вторник, когда был назначен комендант города, эксцессы не прекращались. Евреев преследовала также и местная полиция, вновь возвратившаяся в город; была распущена гражданская стража, в которой было много евреев.

Назначение коменданта не улучшило положения евреев. Их попрежнему бьют, грабят, хватают по домам и посылают гнать скот в другие города. Беда тому, кто не может откупиться, так как возвращающиеся крестьяне всех их бьют, а иногда и убивают, как большевиков. Солдаты бросили в реку троих евреев, возвращавшихся из Междуречья. С них предварительно сняли шапки и сапоги, в них бросали камнями, чтобы они не могли спастись, и всех, кто хотел им помочь, солдаты били. Наконец, когда прибежали их жены с милицией, удалось их, еле живых, вытащить из воды...

Христиане, жители города, крестьяне, а также интеллигенция не перестают подстрекать солдат к грабежам, тогда как крестьянки стоят наготове с корзинками, чтобы уносить еврейское добро".

Жительница г. Лукова, Этель Лотерман, показала следующее (протокол снят 10-го сентября в клубе еврейских депутатов): „Когда польские войска вошли в город, солдаты сразу же начали грабить и бить евреев. Между прочим были ограблены раввин Фрумке, Лейбуш, Пахтер и другие, имена которых я не помню; почти все еврейские дома и лавки были начисто ограблены. Между прочим, солдаты ворвались к пекарю Берлишу; разгневанные тем, что он не сразу открыл двери, они убили

его, отрубив ему голову штыком, после чего квартира была ограблена. К раввину они вторглись через балкон, так как в квартиру их не хотел впустить доктор Хичинский и еще один христианин. Солдаты избили раввина и тяжело ранили его в голову; ограблена была квартира, из которой почти все было унесено. Раввина и его детей хотели расстрелять на месте, но когда им дали много денег и драгоценности, то они отказались от этого намерения.

Около Лукова по дороге в Крынки солдаты и местные жители убили 14 ремесленников-евреев; сперва их зверски избили и еще живых бросили в яму, а потом в них стреляли до тех пор, пока они перестали подавать признаки жизни. Они и сейчас лежат в яме, и власти не разрешают перевести их на еврейское кладбище.

Недавно некий христианин привез в Луков еврея Шлейму Гоноля, которого он нашел на большой дороге; он имел 12 ран на голове, переломленные руки, вообще, он был страшно обезображен ранами, нанесенными ему солдатами и крестьянами. В страшных мучениях он умер следующей ночью...

Когда я шла из Лукова в Седлец, я видела на дороге отрезанную человеческую руку".

Повторяем, подобные сцены разыгрывались буквально в каждом городе. Приведем несколько показаний очевидцев (из материалов клуба еврейских депутатов).

в) Соколов [1])

„25-го августа большевики ушли из города. Когда вошли польские войска, то еврейская община пожертвовала им 2 пуда хлеба, хотя хлеба в городе было очень мало. Солдаты, за исключением лишь одного человека, кажется еврея, отказались от принятия пожертвованного хлеба. Начался новый грабеж. Город был ограблен начисто. К некоторым домам под'езжали повозки и увозили весь домашний скарб. Отбирали деньги, товары, особенно сапоги. Учреждена была гражданская стража, которая, однако, не смогла прекратить грабежи. Ограбленные предметы были разделены между местными мещанами-христианами. На принудительные работы брали исключительно евреев. Некоего Моргенштерна так сильно избили, что он заболел и несколько дней пролежал в постели.

---

[1]) **Там же, стр. 81.**

Евреи закрыли лавки и прятались по домам, опасаясь выходить на улицу. Дошло до того, что когда еврею надо было выйти на улицу, то он нанимал для сопровождения милицианта, чтобы прохожие думали, что он арестован. Когда я выехал из города 1-го сентября, евреи все еще опасались выходить на улицу; прятались также и женщины, так как их насильно брали на работу".

Варшава, 3-го сентября 1920 г.

(Подпись.)

г) Глинянки [1])

(Из показаний Ганы Гольдфарб, вдовы убитого в Глинянках Альтера Гольдфарба.)

...„Около 9-ти часов утра (17-го сентября) улица перед домом наполнилась солдатами; в наш дом вошли 6 солдат с офицером; нам сказали „идем". Мы попытались доказать, что мы беженцы из Вонзовни, но нам не давали говорить. Палками выгнали сперва 4-х мужчин, затем пришли за моим мужем и за 70-тилетним Шмулем Гольдштейном; кроме того, из той-же комнаты взяли двух мужчин из Отвоцка. Знаю также, что из того же дома взяли еще 4-х человек. Всех расстреляли. Моего мужа солдаты вытащили за бороду. Мой сын (9-ти лет) видел, как отца за бороду привязали к лошади и потащили на место расстрела. Хаю Иорку, 16 лет, не имевшую, подобно всем замужним женщинам, платка на голове, солдаты затащили в соседнюю пустую комнату, где ее изнасиловали. Мы слышали, как она кричала. Двери в комнату были закрыты; нам говорили, что нас расстреляют... Когда мы убегали, мы слышали два выстрела. Тишлер сказал, что это убивают Альтера Гольдфарба и Гольдштейна. Все, что мы принесли из Вонзовни, было отобрано у нас. У нас было 4 мешка с вещами, но солдаты у нас все отобрали. Эти солдаты находятся в Отвоцке; они родом из Познани".

д) Лосицы [2])

(Из показаний Герша Карча, 31 года.)

...„В среду 18-го августа в город вошли польские войска, которые немедленно начали грабить еврейские лавки и дома, в течение четырех дней все еврейские дома оказались ограбленными. В грабежах участвовало и местное население, принимавшее от солдат награбленные вещи. Когда солдаты грабили

---

[1]) Там же, стр. 98.
[2]) Там же, стр. 36.

в квартире Рахмиля Кона, зашел вахмистр и обратился к солдатам со словами: „что вы делаете, ведь данные вам на грабеж 24 часа уже прошли". Изнасиловано было значительное количество еврейских женщин. Во время грабежа сильно били тех евреев, у которых грабили... Денег искали повсюду, даже у грудных младенцев; женщин раздевали донага. Городского раввина Ицека Айзика Гизенберга, 50 лет, страшно избили; его хотели повесить и даже забросили веревку на шею; ему, однако, удалось просьбами спасти себе жизнь. В настоящее время [1]) еврейское население терроризировано гражданской стражей, во главе которой стоит сержант Недзведский. Положение еврейского населения в Лосицах отчаянное. Евреи, даже наиболее богатые, остались без всяких средств существования, терроризируемые гражданской стражей. Государственная полиция ужаснейшими способами издевается над евреями. Сержант Недзведский схватил на улице Давида Плата и, угрожая револьвером, велел не двигаться, а свою собаку он натравливал на Плата".

Седлец, 6-го сентября 1920 г.

(Подпись.)

Только что приведенный случай с Платом весьма рельефно подчеркивает одну из наиболее характерных особенностей польского белого террора: издевательство и глумление. Фигура Давида Плата характерна для всего польского еврейства в дни победного шествия польской армии — глумление и смерть. Польскому погромщику недостаточно было ограбить еврея, изнасиловать еврейскую женщину, сжечь еврейский дом, зверски убить и замучить несчастную жертву, — этого было мало: громимому еврею отрезали бороду, женщин насиловали на глазах отцов и мужей; обреченные жертвы должны были перед смертью просить прощения у своих палачей. Польская расправа с внутренним врагом может быть характеризована двумя словами: зверство и глумление.

e) Вышков [2])

... „24-го августа они [3]) вернулись в Вышков. В 7-ми верстах от Вышкова их уже ожидала полиция, которая и повела их в город, в помещение пожарной команды. Тотчас же

[1]) Т. е. три недели спустя после вступления польских войск.

[2]) Там же, стран. 90.

[3]) Несколько сот евреев-беженцев из Вышкова.

пришел штатский Лискевич и заявил, что они будут расстреляны, как большевики. Через полчаса их повели в „сенаторский сад". В этом саду находилось несколько сот человек жителей города, пранадлежащих к худшим элементам, преимущественно подростки. Приведенных евреев, числом 200, расставили по четверо, причем их ужасно били. Полиция приказала польским парням, собравшимся в саду, распознавать среди арестованных большевиков. Вместе с тем из города были вызваны польские жители, которые должны были пред'являть свои претензии к евреям-большевикам. Те, на которых указывали, как на большевиков, выводились из общего ряда, и их ужасно били нагайками, палками, проволокой с привязанными камнями и прикладами. Из магистрата принесли столы; за один из них сел секретарь общинного суда Воеводский и два офицера. К тому месту, где находились евреи, были поставлены в два ряда солдаты и штатские. Каждый еврей проходил к столу через этот шпалер, при чем его били палками, нагайками, прикладами и даже штыками. Около стола их обыскивали, раздевали и оставляли в одной рубашке. После того, как все было отобрано, им приказывали всходить на стол; причем они должны были кричать: „да здравствует Польша, да сдохнет раввин" и спрашивать у собравшейся толпы: „имеет ли кто-либо ко мне претензии, обидел ли я кого-нибудь?". При этом их непрерывно били. Разумеется, в толпе всегда находился кто-нибудь, узнававший в данном еврее большевика, или обиженный им... Потом их сбрасывали со стола и не позволяли им вставать. Затем они должны были опять проходить через шпалер, причем их снова били. Во время экзекуции многие евреи теряли сознание. Я сам видел кровавые раны этих евреев, видел также женщину раненую, когда она хотела пробраться к своим истязуемым родственникам. Экзекуция продолжалась с 9 часов утра и до 3—4 часов дня и вызвала такое возмущение еврейского и даже отчасти польского населения, что солдаты и полицейские несколько раз стреляли в воздух, чтобы рассеять собравшуюся толпу. Мне рассказывали, что перед началом экзекуции солдаты и полицейские ходили по городу и собирали польское население „на забаву".

При „забаве" присутствовали бургомистр Станислав Павловский, городской врач Рыбка, военный врач Шаркевич, два ксендза и много лиц из местной интеллигенции...

Еврейское население живет в весьма тяжелых условиях. Избиение и отрезание бород принадлежит к обычным явлениям, которые можно наблюдать на каждом шагу".

Подпись: И. Гравицкий.

Варшава, 29-го августа 1920 г.

„Да здравствует Польша, да сдохнет раввин" — вот что должны были кричать арестованные евреи. Этот возглас встречается во множестве показаний потерпевших и очевидцев — он является, так сказать, лейтмотивом издевательств и надругательств.

„Группа солдат вторглась в квартиру раввина и ограбила его, вытащила на улицу, избила и велела кричать: „да здравствует Польша, да сдохнет раввин"... (Из показаний Евы Перельман, г. Седлец[1]).

...„Нас (42 арестованных еврея) повели дальше, причем били так сильно, что двое тут же умерли. Мы лежали на земле избитые, окровавленные; солдаты приказали взаимно облизывать кровавые раны, воспрещая выплевывать кровь... После этого нам велели петь и кричать: „да здравствует Польша, да сдохнет раввин". Мы должны были целовать тела убитых. Потом пришел поручик и сказал, что через полчаса нас расстреляют, и велел нам молиться... Нас повели в Прущин, где мы застали большую партию солдат, которые нас избили и велели сидеть по-турецки, т. е. на пальцах ног. Вышел поручик и приказал солдатам нас расстрелять, но другой поручик обратил его внимание на то, что этого нет в приказе. Тогда русскому пленному солдату было приказано бить нас по лицу; когда же пленный исполнил приказание, поручик заметил, что он нас слабо бил, и сам избил пленного. Потом нас обливали холодной водой. В 12 часов ночи нас увели в хлев на ночевку. Утром нас повели в Седлец; по дороге нас били. В 12 часов дня мы прибыли в Седлец, где нас отвели в тюрьму; там мы пробыли две недели. В тюрьме нас била тюремная стража. После двух допросов нас, наконец, освободили"[2]).

Седлец, 8 сентября 1920 г.

Подпись: Г. Ежимовский.

...„Некоего Янкеля Бома, жителя города Пултуска, на улице раздели донага и натравили на него собаку; это произошло

[1]) Там же, стран. 37.

[2]) Там же, стран. 34.

27-го августа на улице П. Скарги... Солдаты, стоящие на рынке, поймали Абрама Яблонека, облили холодной водой и заставили грузить грузовик.

Они хотели потом для „потехи“ забрать его в Остроленку, но ему удалось откупиться“... (стр. 79).

Во Влоцлавке 20—21 августа ловили евреев на улицах для работы и в присутствии полковника Громчинского их заставляли кричать: „да здравствует Польша, пусть сдохнут жиды“ (стр. 96).

Глумления чередуются с жестокостью:

...„На площади [1]) стояли рядами несколько сот евреев различного возраста. С обеих сторон их окружили солдаты и били их нагайками, с которых стекала кровь. Солдаты и присутствующие штатские хором кричали „ура“, и их крики смешивались со стонами истязуемых... Я спросил у стоящего рядом со мной, за что их бьют так немилосердно. Мне отвечали: „они убежали с большевиками“, „они стреляли в наши войска“, „они с‘едают наш хлеб“... Евреев потом отвели в тюрьму, где им не давали есть“ (стр. 86).

...„В среду 11-го августа в Глинянках польские офицеры и солдаты позвали оставшихся 19 евреев (остальные убежали) и велели им пойти на работы, где их били до крови. Затем им велели сходить домой и принести лопаты. Когда они принесли, им приказали выкопать яму; после этого они были расстреляны. Трупы топтали лошадьми, так что мозги и внутренности были выдавлены, потом их бросили в яму и засыпали землей“ (стр. 97).

Этих документов можно было бы привести огромное множество. Всюду, на всем протяжении Польши, наблюдалась одна и та же картина. При приближении польских войск часть еврейского населения убегала, остальные прятались. Польские солдаты немедленно после вступления приступали к погромам, изнасилованиям, грабежам. Затем образовывалась „гражданская стража“, обычно из местных подонков населения. Благодаря своему знакомству с местными условиями, эта стража могла оказывать ценные услуги погромщикам. Затем возвращалась полиция, назначался комендант. Так как к тому времени войска уже уходили дальше, то их роль принимала на себя стража и полиция. Трудно определить количество жертв польского победоносного шествия. Мы даем ниже сводку погромов,

[1]) 24-го августа в Пултуске.

но далеко не полную (даты не указываются, так как погромы обычно продолжались несколько дней, а иногда и недель).

Бела — погром, 8 убитых.

Белосток — продолжительный погром, 2 убитых.

Боим — погром, 17 убитых.

Венгров — погром.

Влоцлавк — погром.

Высокое Мазовецкое — 3 убитых, погром.

Вышков — погром и описанные выше „экзекуции".

Гарволин — погром, 1 убит (см. выше).

Глинянки — погром, 19 убитых (см. выше), несколько женщин изнасиловано.

Дзевули — 1 убитый, погром.

Добре — погром, 1 убитый.

Дрогичин — 15 убитых, погром.

Замбров — погром.

Желехов — 1 убитый, погром.

Комаров — 1 убитый, погром.

Кринки — погром, 14 убитых.

Ласкерево — 1 убитый, погром.

Липно — погром.

Лонцк — 2 убитых, погром.

Лосицы — погром, много женщин изнасиловано.

Луков — 12 человек убито, погром.

Маков — погром.

Малкин — погром, 6 убитых, изнасилования.

Микусы — 3 убитых, погром.

Минск Мазовецкий — погром.

Мокободы — трое убитых, погром.

Морды — погром, 1 убитый, изнасилования.

Ново-Дворе — погром, синагога превращена в конюшню.

Отвоцк — погромы и изнасилования, продолжавшиеся несколько недель (в Отвоцке останавливались воинские поезда).

Остров Ломжинский — погром.

Пилава — погром.

Плоцк — погром, 4 убитых, казнь Шапиро.

Пултуск — погром.

Ружан — погром, 30 убитых.

Седлец — погром, 7 человек убито, 7 человек казнено, изнасилования.

Скруда — 1 убитый, погром.
Хоржеле — погром, 20 убитых, изнасилования.
Ягодно — погром, 3 убитых.
Янов — 2 убитых, погром.

4. Бескровный террор

Борьба с „внутренним врагом“ велась не только такими первобытными грубыми способами, как убийство и грабеж. На ряду с этим шли и планомерные репрессии против всех еврейских организаций, даже преследующих чисто „патриотические“ цели, вытеснение евреев из армии и чиновничества, наконец, массовые интернировки евреев, как элемента „опасного и ненадежного“.

В начале июля 1920 года, когда во весь рост обозначилась опасность, грозящая Польше, и началось лихорадочное собирание всех сил, было выпущено воззвание к евреям, подписанное еврейскими депутатами [1]), Еврейским Национальным Советом, союзом еврейских студентов, союзом ремесленников и союзом купцов. В этом воззвании еврейство призывалось ко всемерной поддержке Польши, к записи в добровольцы, к денежным пожертвованиям. Такого же рода воззвания были выпущены и многочисленными другими еврейскими организациями. Для об'единения всей этой деятельности был создан Комитет Обороны Государства соединенных еврейских организаций. Однако, власти, охотно принимая еврейские пожертвования, с нескрываемой неприязнью отнеслись к этим попыткам об'единения евреев.

Так [2]), Гражданский Исполнительный Комитет Обороны Государства (созданный генералом Галлером и пользовавшийся огромной властью) в письме своем от 31-го июля писал еврейскому комитету: ...„Оба эти документа [3]) были вчера представлены ген. Галлеру тотчас же после его приезда. По распоряжению ген. Галлера сообщаем вам, что существует только один Комитет Обороны Государства, а именно — Гражданский Комитет, организованный ген. Галлером, согласно постановления Совета Обороны Государства. По мнению ген. Галлера, еврейство достаточно представлено в Комитете тем, что в него

[1]) Конечно, буржуазными.
[2]) Там же, стр. 144.
[3]) Два письма еврейского комитета.

призван проф. Дикштейн. Создание самостоятельного еврейского комитета, действующего независимо от Гражданского Комитета, надо считать актом не солидарности, а дезорганизации"...

Не только чинились препятствия вновь возникшим организациям, но власти стали закрывать уже давно существующие. Так, в Галиции были закрыты еврейские читальни, совершены обыски в сионистских организациях, арестованы еврейские общественные деятели и т. д. в следующих местностях: Стжижов на Вислоке, Гудец, Горлицы, Величка, Беч, Рудник на Сане, Освенцим, Бжеско, Тычин, Живец, Уланов, Ржешов, Дубецко, Ланьцут, Мелец, Новый Сон, Краков и др. Посыпались аресты; хватали всех, на кого поступал донос, кто был „подозрителен" или неугоден властям. Забирали рабочих, интеллигентов, купцов, сионистов, социалистов, беспартийных. Иных отправляли в концентрационный лагерь, другим, более счастливым, удавалось откупиться; редко кто мог избежать побоев и издевательств. Мы ограничимся здесь одним примером, показанием Ш. Красуцкого[1]).

„В бюро Народного Клуба Депутатов явился Шмуль Красуцкий, живущий в Волошине, и показал:

„Два месяца тому назад я был арестован начальником полиции в виду того, что у меня найдены были несколько социалистических газет и брошюр („Роботник" и другие) в виде отдельных экземпляров; читал их мой сын. Происходили они с 1916 года, т. е. еще со времен германской оккупации. Был составлен протокол; следователь допросил меня в качестве свидетеля (а не обвиняемого) и освободил меня.

17 августа пришел жандарм и арестовал меня и дочь мою Симу; нас повели в жандармерию, где я застал еще нескольких арестованных евреев: д-ра Эфроима Пайна, Янкеля Цехановского и Майера Серватка. Допрашивали нас позднее на вокзале. Первым допрашивали Пайна, при чем допрашивающий вахмистр приказал жандарму препятствовать разговору с нами. После допроса все были задержаны, кроме Серватка. Меня допрашивали последним. Жандарм приказал мне выложить на стол все мои деньги и документы. Затем нас освободили под залог в 2.000 марок. Когда мы опять явились на следующий день, то вахмистр повел нас в магистрат, где находился бургомистр

[1]) Там же, стр. 170.

Леванский; вахмистр долго разговаривал с ним, а затем нас повели в арестантскую, где мы пробыли 11 часов в самых ужасных условиях. Жена моя тем временем пошла к бургомистру и попросила сообщить причину моего ареста. Бургомистр направил ее в жандармерию. Она не смогла встретить вахмистра и застала его лишь впоследствии у бургомистра. В его присутствии она обратилась к вахмистру с просьбой указать причину ареста. Тогда бургомистр ударил ее железом в грудь, и она упала навзничь. Бургомистр после этого ушел из комнаты, а жена моя спросила вахмистра, за что я арестован, и попросила возвратить 2.000 марок. Вахмистр заявил, что денег он не может возвратить, а, может быть, арестует и ее. Кроме того, он заявил, что мы арестованы в качестве заложников.

В 8½ часов вечера нас повели вновь в жандармерию; вахмистр заявил, что меня и д-ра Пайна оовободят под залог, а Цехановского задержат, так как он залога не представил. После долгих торгов вахмистр убедился, что Цехановский действительно ничего дать не может, и освободил его. Одновременно с этим вахмистр выдал нам удостоверения, что через два дня мы должны явиться в Радзилин, чего мы, однако, сделать не могли, так как город оказался уже занятым врагом. Квитанций на деньги мы не получили".

Варшава, 22-го августа 1920 г.

Подпись: Ш. Красуцкий.

Мы уже отмечали, что в каждом городе, тотчас же после ухода красных войск, образовывалась гражданская стража, составленная из местных жителей и имевшая целью поддержание порядка. Теоретически доступ в стражу был открыт и евреям, но так как „поддержание порядка" состояло преимущественно в погромах, то, конечно, евреям всячески затрудняли доступ в стражу, посылали их из одной канцелярии в другую, задерживали под разными предлогами заявления или же просто отказывали евреям в приеме.

„В народный клуб еврейских депутатов заявился 10-го августа 1920 года Юдка Мендель Шибер, родившийся в 1904 г., живущий в Варшаве на Мыльной улице, и заявил следующее: 5-го августа я явился в гражданскую стражу (Ново-Медовая, 2), чтобы записаться в нее. Мой паспорт был отмечен, и мне дали бланк заявления для заполнения. Когда я вновь явился 9-го

со своим заявлением, подписанным тремя местными гражданами (Абрам Рейхман, Мыльная, 9, Д. Склярж, Павя, 15, З. Выянск, Сольная, 14), то мне в принятии заявления отказали и тут же уничтожили его".

Варшава, 10-го августа, 1920 г.

Подпись: М. Шибер.

Не менее радушный прием встречали добровольцы, являвшиеся для записи в армию или на окопные работы. Некий Б. Цинамон, записавшийся на земляные работы в Варшаве, следующим образом был принят инженером, руководящим работами: „Я не могу вас принять, я просто боюсь вас всех, жидов. Убирайтесь поскорее и не шатайтесь здесь, иначе вас выведут солдаты" (стран. 122).

То же самое наблюдалось и в Красном Кресте, куда во множестве записывались добровольцы, следуя призыву еврейских организаций. Хотя Главное Управление Красного Креста и утверждало, что нет никакого приказа о неприеме евреек, все же фактически они в сестры милосердия попасть не могли. Более того, сестер-евреек, уже состоящих на службе Красного Креста, постепенно увольняли.

„Имею честь сообщить, что мною получен список сестер от 8-го июля с. г. Прошу г. коменданта предупредить об увольнении сестру Клейгендлер Амелию и уволить ее по истечении двух недель. На место сестры Клейгендлер отдел пришлет другую сестру в военный госпиталь в Тарнове" [1]).

Начальница Отдела сестер Красного Креста

Елена Лесснер.

Варшава, 19-го июля 1920 г.

№ 4872.

Одна еврейка студентка тщетно пыталась получить работу (бесплатную) в Красном Кресте и в военных учреждениях. В конце концов ей предложили заняться раздачей антибольшевистских воззваний на Брестском вокзале. „Это работа неответственная, и еврейское происхождение тут не окажется помехой".

Заведующая отделом Красного Креста на ул. Новый Свет Здзиховская говорила еврейкам, желавшим поступить в госпиталь, что она их принять не может, так как „многие еврейки фельдшерицы и сестры находятся под судом за умышленное

[1]) Там же, стран. 127.

отравление польских солдат посредством ядовитых впрыскиваний“.

Само собой разумеется, что изгнание евреев особенно усердно производилось в армии, как наиболее верной основе национальной Польши. Вот столь же лаконический, как и характерный „секретный“ приказ № 79: „Несмотря на соответственные приказы, я все еще встречаю добровольцев и солдат еврейского вероисповедания, работающих в канцеляриях. Немедленно удалить“.

Подпись: Симон, ген.-поручик.

Приказ Генерального Штаба, на который ссылается ген. Симон, был издан еще 7-го ноября 1919 г. (там же, стран. 138) и имел следующее содержание:

„Мы стоим на той точке зрения, что мы строим наше отечество собственными силами, притом на прочных основах, которые гарантируют нам расцвет и благосостояние в будущем; мы должны поэтому считать делом своей чести рационально воспитывать нашего солдата (крестьянина и ремесленника) и не давать подпадать ему под влияние евреев или немцев, которые всегда враждебны нашим чувствам и стремлениям; это влияние вредно и распространяет в наших рядах разрушительные идеи. Необходимо поэтому, чтобы евреи и немцы, по внешности более интеллигентные, нежели наш средний солдат, не попадали в канцелярии и бюро, где всегда имеется возможность узнать или подслушать вещи, о которых нельзя говорить.

Именно в этих случаях еврей может проявить свою сообразительность и, так называемую, интеллигентность, которая, однако, не только не окажется полезной для службы, но, наоборот, пагубной. Вместе с тем наш солдат, на вид менее интеллигентный, обладает при врожденной доброй воле и терпении всеми данными для того, чтобы стать порядочным, полезным и верным солдатом и сотрудником, который своей работой будет стараться удовлетворить свое начальство и не стремиться использовать свое положение и работу для личных целей.

В виду этого, приказывается отныне не причислять евреев и немцев к бюро и канцеляриям“.

В другом приказе того же периода (18-го октября 1919 г.), изданном Варшавским военным округом и подписанном ген. Дурским, говорится: „Во избежание накопления нежелательных элементов в отдельных частях, распределение рекрут-евреев

регулируется таким образом, что ни в коем случае их не должно быть более 10%, за исключением радио-телеграфных баталионов, где евреев вовсе не будет".

Низшие военные власти не заставили себя долго просить. Началась чистка канцелярий, войсковых школ и проч. от неблагонадежных элементов. Делалось это без особого стеснения. Таков следующий случай:

„Начальнику запасной авто-колонны № 1. При сем препровождаю: капр. Белого Казимира, ряд. Берлинера Бронислава, ряд. Леви Мечислава, ряд. Бялера Леонида (крещеный), ряд. Дроневича Генриха, ряд. Вильчинского Станислава, Велшна Казимира, как неподходящих для школы".

Подпись: В. Груелль, подпоручик и начальник.

Варшава, 22-го августа 1920 г.

Благодаря этим мерам, образовался обширный кадр евреев солдат, оторванных от своей работы. Кроме того многие евреи записывались добровольцами. Что было делать с ними? Отправить на фронт эти „негосударственно-мыслящие элементы" нельзя было, конечно; давать им работу внутри страны тоже оказывалось невозможным, ибо они были „изменниками". Выход был найден: евреев отправляли в концентрационный лагерь, в Яблонну, приобревшую столь печальную славу. Официально считалось, что в Яблонне формируются еврейские рабочие баталионы. Фактически это был концентрационный лагерь пленных, со всеми ужасами таких лагерей, голодовкой, истязаниями, глумлениями, непосильной работой. О порядках, царивших в польских концентрационных лагерях, свидетельствует следующее красноречивое описание лагеря Стжалково, данное бывшим пленным Столбушинским (из материалов Рос. Общ. Кр. Креста):

„Часовые стоят на расстоянии 50-ти шагов. Они обстреливали лагерь днем и ночью, а потому ежедневно были убитые и раненые. В этом отделе сидят все пленные красноармейцы, несколько сестер милосердия, которые были взяты поляками в городе Вильно, жены красноармейцев с детьми и дети без родителей. Все эти страдальцы худые, черные, пухнут от голода, и многие не могут сами двигаться. Почти все в одном только тельном белье, которое пришло уже в ветхое состояние. Все же хорошее и представляющее собою ценность забирали у пленных — и не только солдаты, но и польские офицеры. Все пленные помещаются в бараках-землянках, сырость в которых

ужасная, а если же идет дождь, то все бараки наполняются водой. Спят все на голых нарах. Пища пленных такова: утром и вечером так называемая „кава“, горькая без сахара, на обед суп из сухих овощей или из репы, причем полное отсутствие жиров, и полфунта хлеба с примесью картофеля, каштановой муки и опилок. Последствия всего этого — массовые заболевания: тифом, дизентерией и другими болезнями. Медицинской же помощи никакой нет, хотя и существует лазарет, но в большинстве случаев оттуда нет возврата. Но мало всего этого. Очень часто польские солдаты охотились на пленных, и были случаи, когда, убив пленного с одного выстрела, солдаты получали в награду от коменданта лагеря капитана Вагнера несколько марок и пару сигар. Кроме того, ежедневно, с утра до вечера, под руководством лагерного офицера (русской службы) поручика Малиновского производилась порка. Пороли всех по очереди, целыми бараками, причем нагайки были сплетены из колючей проволоки или из электрических проводов со свинцовыми наконечниками. Число ударов бидо неограничено. Это была воля палача. Многие под ударами умирали. Тех же, которые от боли осмеливались издавать какие-либо звуки, звуки о пощаде или мести, и которые на вопрос: „будешь ли служить Ленину и Троцкому?“ — смело отвечали: „буду“, — Малиновский убивал в упор выстрелом из браунинга. Эти зверства не миновали также женщин и детей. Все женщины были изнасилованы польскими солдатами, а тех, которые еще осмеливались жаловаться Малиновскому, пороли до потери сознания. У многих, вытерпевших эту кровавую баню, было заражение, ягодичные мышцы отставали от костей, а затем следовала смерть. Это все производилось без всяких причин, равно как без всяких причин арестовывали весь отдел на неделю и на две. Во время ареста обед и хлеб давали через два дня. Выходить из бараков нельзя было, даже для отправления естественных потребностей. В случае же побега из лагеря дежурного и дневального по бараку сначала пороли, а потом расстреливали. Весь же барак снова пороли, а отдел арестовывали. Тех же, коим побег совершить не удавалось, избивали до полусмерти, а иногда и совсем убивали. Виновных же в какихлибо проступках, как, напр.: неотдании чести польскому капралу, в медленном хождении, собирании лебеды, которую ели сырой, наказывали 25 ударами нагайки и ставили под бревно,

весом около трех пудов, на три, четыре часа, при чем, конечно, ни один не мог выстоять назначенного времени. Все наши жалобы разным комиссиям, которые посещали лагерь, были напрасны — нас же за это лишний раз пороли“.

Подпись: Столбушинский.

В такие тяжелые условия попадали как военные пленные красноармейцы, так и лица, принадлежащие к гражданскому населению областей, подпавших под власть поляков, причем аресты производились не только без достаточных оснований, но даже при отсутствии сколько-нибудь веских подозрений, а просто по безответственному усмотрению облеченного малейшей частицей власти лица, как о том свидетельствуют данные доклада, поданного делегацией Российского Общества Красного Креста Международному Комитету Красного Креста в Женеве. „Заключенные находятся в ужасных условиях,—гласит этот доклад,—всюду огромное переполнение, живут в тесноте, грязи и сырости. Эпидемии находят для себя в тюрьмах благоприятную почву; пища отвратительная. В польских тюрьмах политические заключенные подвергаются страшным мучениям, в особенности евреи... Тюремные власти, следуя точным указаниям контр-разведки и жандармерии, ставят заключенных в такие условия, что они неминуемо должны погибнуть медленной смертью.

К заключенным применяется ряд пыток, известных под названием „Гродненской системы“. В самые морозные дни исключительно суровой зимы камеры никогда не отапливались; в разбитые стекла свободно входит ледяной воздух. В углу огромной палаты, вмещающей до 2.000 и даже 3.000 тысяч скученных человеческих тел, столпилась группа человек в 60, обмерзших, посиневших от холода; им предстоит быть направленными в лагерь. Палата совершенно пуста; мебели нет никакой; только пол и потолок; нельзя ни лечь, ни сесть; не на чем есть, ни столов, ни стульев — решительно ничего. Стужа такова, что видеть замерзших на смерть людей становится делом обычным. От времени до времени один из заключенных прислоняется к стенке и застывает в этом положении; другие немедленно начинают его расталкивать, иначе он бы замерз окончательно, тем более, что у большинства заключенных все вещи были отобраны еще на Гродненском пункте помощником коменданта; они остались почти что в одном белье. Подчас,

когда кто-либо из заключенных замерзал на смерть, входила толпа солдат, вооруженных нагайками, палками, винтовками, во главе с сержантом, с криком схватывали труп и бросали его в мертвецкую, а заключенных принимались согревать ударами нагаек, сделанных из колючей проволоки; пороли всех по очереди; происходило это каждый день и по нескольку раз в день.

В пищу давали только немного мутной водицы на обед, четверть фунта хлеба в день и еще стакан жидкого цикория без сахара. Заключенные рады были, когда их отправляли куда бы то ни было, лишь бы не оставаться на этапе. Но дальше их ожидало еще худшее в концентрационных лагерях. Самые страшные из них — Домбе подле Кракова и Стжалково в Познани.

Начальником Стжалковского лагеря был Малиновский [1]), придумавший особую „систему налогов“: каждый коммунист, а также и всякий подозреваемый в большевизме должен был платить ему в определенные дни дань, получая удары плеткой из колючей проволоки: 50 ударов за Троцкого, 25 — за Ленина и 15 — за Луначарского. Малиновский сам стоял подле избиваемого, держа в руке револьвер со взведенным курком; если жертва издавала стон, Малиновский стрелял в упор и убивал несчастного на месте. Еще он любил выстраивать евреев в ряд и расстреливать некоторых из них наудачу; другим он приказывал дать по 50 плетей; еще других он гонял по всему лагерю и натравливал на них познанчиков; над женщинами он производил сплошь и рядом насилия“...

Не многим лучше были порядки и в Яблонне, куда собрали всех евреев как удаленных из армии, так и поступивших добровольцами для защиты польского отечества. Вот что рассказывает один из этих добровольцев:

„Я — инженер-доброволец и две недели служу в армии. В пятницу меня выслали в Яблонну вместе с другими интеллигентами и гимназистами... Всего нас было 2.000 солдат. Хлеба нет, только Академическая организация посылает с‘естные припасы. В понедельник медиков отделили и поселили в рабочий барак. Бывших счетоводов перевели в канцелярию рабочих баталионов; прочих интеллигентов оставили, они отбывают учение, но без оружия... В понедельник явилась новая стража — полицейские, которые стали плохо обходиться с нами; они сняли с нас пояса, били, потом арестовали некоторых за то,

[1]) Фамилия этого палача уже упоминалась в показании Столбушинского.

что они перешли через шоссе" („Большевистское нашествие и евреи", I, стр. 133).

Депутат Гартгляс посетил 8-го сентября лагерь в Яблонне и дал следующий отчет о своей поездке [1]):

„От станции длинной вереницей тянулись сотни родственников интернированных, несущих им продовольствие, ибо питание интернированных недостаточно, иногда вообще ничего не выдают, и солдаты должны питаться, как попало. Приезжих родственников допускают только до линии железной дороги, где стоит шлагбаум, позади которого находится вооруженная стража под начальством поручика. Стража невероятно грубо обходится с приезжающими родственниками. Пройдя шлагбаум, я встретил интернированных, стоящих в очереди; они медленно подвигались к шлагбауму, куда стража пускала их группами на 15 минут для свидания с родственниками и получения посылок. С интернированными обращение крайне грубое. От встречных солдат я узнал, что вчера выехала в неизвестном направлении партия их товарищей, числом 1.000 человек. Эту партию посадили в товарные вагоны, окруженные стражей; в этих вагонах их держали взаперти, как скот или арестантов, в течение нескольких часов, покуда поезд не двинулся.

За два дня до отправки солдатам перестали давать продовольствие, так что кто не имел денег для покупки в кантине, крайне страдал от голода. В бараках для интеллигентов я нашел нары, но сенников не было. Как мне говорили, в этом бараке сенников нет и никогда не было. В бараке я встретил знакомого инженера, человека лет 40, вступившего в армию в момент опасности в качестве добровольца, надеясь, что правительство сумеет использовать его знания и способности; вместо этого ему пришлось работать в качестве рядового-сапера и в конце концов попасть в концентрационный лагерь. Инженер этот изголодался до крайности.

Когда я был в бараке, раздались многочисленные выстрелы. Оказалось, что это стража при шлагбауме давала этим способом знать, что время, назначенное для свиданий, уже окончилось, и залпами отпугивала толпу приезжих родных, избивая их, даже женщин, немилосердно прикладами.

При мне пришел отряд евреев солдат-интеллигентов. Большинство было в частной одежде, в лохмотьях, босых. Они

[1]) Там же, стр. 135.

шли по 8-ми человек, причем каждая группа сопровождалась двумя стражниками христианами, подгонявшими ударами каждого еврея, который от голода и усталости медленнее шел.

Кроме этих солдат стражников, в лагере имеется также множество полицейских. Все они заняты преимущественно избиением евреев. Я осматривал также обе еврейские кантины, очень убогие. В лагере есть также и частные лавочки, но принадлежат они сержантам христианам.

Мне рассказывали, что 3 или 4 сентября стражники из Познани столь немилосердным образом пытали несколько десятков евреев солдат во время работы (перенос рельс и балок), что один из них находится при смерти, у другого повреждены половые органы, остальные иссечены и покрыты ранами. Больших подробностей мне не удалось узнать, так как свидетели боялись репрессий со стороны администрации лагеря, старающейся замять все дело".

ПРИЛОЖЕНИЕ

Срочное предложение,

внесенное в Сейм 24 сентября 1920 г. депутатами Гринбаум, Фарбштейн, Гартглясс о правительственной политике преследования евреев [1]).

„Эксцессы со стороны чинов армии, происходящие почти без перерыва уже в течение полутора лет, начали усиливаться с первых дней июля, когда увеличилась опасность большевистского нашествия. Это усиление эксцессов сопровождалось и усилением антиеврейской пропаганды, в виде обращений к армии, выпускаемых типографией „Польский Солдат", в которых евреи систематически отождествлялись с большевиками. Когда депутат Гартглясс обратил на это внимание генерала Сосновского, ныне военного министра, а тогда вице-министра, то этот последний выразил свое удивление и обещал расследовать дело. Тем не менее эта антисемитская агитация, посредством официальных воззваний, не только не прекратилась, но все усиливалась по мере увеличения большевистской опасности,

[1]) Читателю необходимо иметь в виду, что этот запрос внесен депутатами евреями-националистами из буржуазного лагеря, и соответственно отнестись к их оценке событий.

а расклеиванием и раздачей этих воззваний занималась, что подтверждается депутатами-очевидцами, жандармерия. Ходатайство перед генералом Сосновским имело то единственное последствие, что в Варшаве на воззваниях не указывался издатель; однако, в экземплярах, расклеиваемых в провинции, видна была та же надпись: „Издательство Польского Солдата".

Несмотря на усиливающееся, благодаря этой агитации, антисемитское настроение масс и несмотря на всевозможные эксцессы и грабежи со стороны военных, еврейское население, видя опасность, угрожающую государству, решило нести все жертвы и исполнить свой гражданский долг. Образовался еврейский комитет Обороны Государства; еврейская же молодежь, преимущественно академическая и школьная, в большом числе записывалась в добровольцы, тогда как студенты просили их зачислить в санитарный отдел. Это стремление работать на пользу стране со стороны еврейского общества сразу же натолкнулось на неприязненное отношение властей. Когда еврейский комитет решил оборудовать свой собственный госпиталь для раненых евреев, то военные власти стали чинить ему препятствия и даже поставили под вопросом возможность самого существования такого госпиталя; еврейских сестер милосердия систематически не принимали в Красный Крест; бывали случаи, когда в армию не зачисляли евреев-добровольцев.

Антисемитское настроение, господствующее в столице, передалось и в провинцию. Основываясь на необходимости гарантий государственной безопасности в столь критический момент, провинциальные власти целого ряда городов и местечек произвели аресты еврейских общественных деятелей, независимо от их убеждений; интернированы были не только коммунисты и обыкновенные социалисты, но даже сионисты и беспартийные; распущены были также разные еврейские общества и учреждения, даже культурные и экономические. Такого рода факты имели место на протяжении всей б. Конгрессовой Польши как во Влодаве, так и Насельске, Зеемброве, Млаве, Междуречье и т. д. В Галиции власти перестали легализовать еврейские организации на том основании, что такие организации служат только еврейским интересам (Освенцим, Ранижов, Краков).

Когда неприятель стал приближаться к Модлину, варшавский военый губерннатор ген. Латиник приказал эвакуировать

еврейское население из местечек, близких к крепости: Ново-Двора, Закрочима и Помехувки. Несмотря на то, что еврейским депутатам, внесшим по этому поводу запрос, было сообщено, что это распоряжение касается не только евреев, тем не менее бесспорным представляется факт, что в соответственном распоряжении упоминается еврейское, немецкое и русское население, и что насильно выселяли только евреев. Жилища и все имущество эвакуируемых евреев были тотчас же разграблены солдатами и оставшимися подонками христианского общества.

Одновременно с этим военное министерство категорически приказало всем своим подчиненным органам немедленно исполнить требования циркуляров, до сих пор державшихся в тайне, об удалении всех солдат-евреев из военных канцелярий с тем расчетом, чтобы количество оставшихся евреев не превышало 5% всех лиц, занятых в канцелярии. Одновременно с этим было издано распоряжение о сформировании лагеря для еврейских рабочих батальонов в Яблонне и было приказано всем войсковым частям выделить из своей среды евреев и отправить для интернировки в Яблонну, где из них должны были быть сформированы специальные еврейские рабочие команды. 13 августа было приступлено к исполнению обоих распоряжений. Евреи-солдаты были изъяты из целого ряда частей, за исключением фронтовых; во многих частях с них сорвали мундиры... и их отправили под суровым эскортом в Яблонну, где с ними обращались, как с пленными. Так были сконцентрированы не только мобилизованные евреи, но и многие евреи-добровольцы, даже легионеры, которые в свое время уже побывали в Щипиорне, имели знаки отличия за оборону Львова и т. д. Продовольствие, выдаваемое интернированным солдатам-евреям, было ниже всякой критики, по нескольку дней они не получали пищи-в последний момент своего пребывания в лагере они не получали сенников для спанья, несмотря на то, что официальный отчет утверждал противное. В лагере была поставлена специальная стража из познанчиков, чрезвычайно грубо обращавшаяся с интернированными, и часто происходили случаи тяжелых избиений; кроме того, в лагере находилась и другая стража, а также и полиция, так что один стражник приходился на несколько заключенных. После долгих стараний удалось через четыре недели добиться ликвидации лагеря в Яблонне; однако, для евреев-солдат были изданы все же специальные предписания,

выделяющие их из общего состава армии, в прежние части их не вернули, но переслали в другие военные округа, где с ними обращаются, как с виновными в военных проступках.

Вместе с наступлением большевистской армии начали шириться слухи о мнимой еврейской измене. В сообщениях Главного Штаба было сказано, что в Седлеце был задержан вооруженный отряд евреев, сражавшихся на стороне большевиков; в Белостоке польские войска сражались „с местным еврейским населением, которое заметным образом усиливало ряды большевиков". После проверки на месте оказалось, что в Седлеце не было взято ни одного вооруженного еврея, и что воззвание представителей местного польского общества, выпущенное на следующий день после изгнания большевиков, ни единым словом не упоминает о каком бы то ни было еврейском отряде, но, наоборот, подчеркивает, что, за немногими лишь исключениями, еврейское общество вело себя совершенно лойяльно; в Белостоке, как оказывается, никакого сражения с евреями не было — наоборот, представители польского общества ни в чем не могли обвинить евреев.

Легенда о еврейской измене, распространенная сообщением Главного Штаба, обежала всю Польшу, и везде евреев стали обвинять в измене. Однако, следствие, произведенное на месте, выяснило, что участие еврейства в рядах оккупантов-большевиков было относительно меньшим, нежели польского населения, притом не только польских социалистов, но даже и правых, которые почти всюду принимали у большевиков должности — в Млаве, Белой Подлясской, Ломже, Пултуске и т. д. При большевистском управлении более всего, после крестьянства, потерпели евреи, с которых была взята значительная контрибуция, в виде принудительной продажи товаров за большевистские деньги по искусственно установленному высокому курсу. На ряду с христианами большевики арестовывали и увозили в качестве заложников евреев; во многих местах большевики в сопровождении подонков польского населения грабили имущество евреев. В Высоком Мазовецком же, где польское население пассивно относилось к большевистскому нашествию евреи образовали вооруженный отряд, прогнавший большевиков из города.

На фоне легенды о еврейской измене загадочной кажется деятельность г. председателя Совета Министров. После его

пребывания в Седлеце, где он отказался принять делегацию еврейского населения, было выпущено польское воззвание, пытавшееся ослабить впечатление первоначальной версии о еврейской лойяльности. После его пребывания в Плоцке было выпущено официозное сообщение правительственного Польского Телеграфного Агентства, утверждавшее, что в Плоцке евреи помогали большевикам, обливали польских солдат кипятком и сообщались с неприятелем посредством подземных телефонов, Городской совет города Плоцка опроверг эти сказки, однако, ПТА довело до сведения общества лишь часть этого опровержения. В последних числах августа в Тарнове состоялось собрание, на котором депутат Брыль, партийный товарищ министра-президента, в его же присутствии распространялся о еврейской измене и призывал к отомщению; г. министр-президент не удерживал его и не опровергал. Еще до того, как г. министр-президент занял свой пост, польско-еврейская комиссия постановила обратиться к польскому населению с воззванием, которое должно было быть распространено правительством и в котором должно было быть сказано, что еврейство исполняет свой гражданский долг; однако, это воззвание и до сих пор, не появилось, ибо г. министр-президент отказался его подписать, ссылаясь на факты, подтвержденные в Седлеце и Плоцке.

Нечего удивляться, что войска, возбуждаемые слухами о еврейской измене, о евреях, обливающих кипятком, также правительственными плакатами и воззваниями против евреев, как большевиков, к тому же привыкшие почти к полной безнаказанности за антиеврейские эксцессы в течение полутора лет,— войска почти всюду опозорили свое победоносное шествие убийствами, насилиями, грабежами еврейского населения. В Седлеце евреев забирали, чтобы пасти скот, за городом их грабили и убивали; так, было убито 7 евреев, в том числе 65-тилетний Рихтер, другие же в возрасте 40 и более лет; кроме того, в окрестностях Седлеца, в деревнях и на дорогах убито еще несколько десятков евреев, в числе их 70-тилетний Ягодинский, меламед; в городе ограбили многих евреев, изнасиловали несколько еврейских девушек; в соседней деревне, в Збучине в синагоге порвали тору, а части ее приказано рвать евреям евреям, взятым, чтобы пасти скот и еще не убитым, приказы-; вали взаимно плевать в лицо, слизывать кровь с ран других и т. д. В Мордах убили Штейнберга и изнасиловали несколько

женщин. В Дрогичине евреев вогнали в реку и около 15 застрелили в воде, остальным же дали спастись, но призвали соседних крестьян, чтобы бить евреев. В Лосях было изнасиловано значительное количество еврейских девушек, ограблено большинство жителей евреев, причем грабителей останавливал какой-то офицер, вслух выражавший свое недовольство по поводу того, что грабеж еще продолжается, хотя разрешенные для этого 24 часа истекли; местная полиция издевалась над евреями, обращавшимися к ее помощи. В Вышкове было собрано христианское население для истязания евреев, к которым имелись какие-либо претензии. В Гарволине расстреляли без суда еврея Ротберга, вследствие доноса его конкуррента христианина, участвовавшего в расстреле. В Ласкарове таким же образом застрелили молодую еврейку. В Лонцке под Плоцком убили без суда двух евреев; в Дзевулях солдаты по указанию дорожного сторожа убили местного жителя еврея. В Пултуске, Мордах, Макове, Петрове, Замкове били и издевались над евреями. В Отвоцке вплоть до 12-го сентября солдаты каждый день насиловали еврейских девушек. В Глинянках солдаты в присутствии офицеров без суда расстреляли 12 пожилых евреев и изнасиловали несколькр еврейских женщин. В Комарове (около Острова Ломжинского) повесили одного еврея. В Малкине без суда расстреляли несколько евреев, в том числе 70-тилетнего Лейзера Кагора; еврейских женщин насиловали. В Добром (около Минска Мазовецкого) солдаты застрелили еврейку, отказавшуюся открыть двери двум грабителям. В Скруде без суда расстреляли еврея Платковского. Около Соколова в деревнях и на дорогах убито около 30 евреев. В Бодме под Калушином расстреляли 16 возвращающихся евреев, причем им предварительно приказали вырыть себе могилы; 17-го же убили еврея, пробив ему череп лопатой; поблизости в деревне Микуси то же самое сделали с тремя евреями. В Ружане убили около 30 евреев; над ними издевались, раздев их донага и бросив в ледник. Даже в Высоком Мазовецком, откуда вооруженный еврейский отряд изгнал большевиков, причем он потерял 13 человек, били членов этого отряда и издевались над ними, когда они, попав в большевистский плен, сумели оттуда бежать и возвратиться. Во всех вышеприведенных местностях происходили более или менее обширные грабежи. В этот перечень не вошли все совершенные по отношению

к евреям злодеяния, ибо из многих местностей еще не получены сведения, особенно из Люблина, где безумствовали петлюровцы и солдаты отряда Балаховича; в настоящее время известно лишь, что в Замостье и Новом Посаде грабили евреев, изнасиловали множество женщин, а одной еврейской девушке, защищавшейся от насилия, отрезали пальцы, что во Владове евреев закапывали живыми и т. д. Нет также точных сведений из окрестностей Белостока, где на дорогах и в лесах убиты десятки евреев.

Нет сомнения, что эти ужасы были в значительной степени вызваны нарочно распространяемыми слухами о еврейской измене. Дабы придать хоть какую-нибудь поддержку этим слухам, было арестовано много сотен евреев. Арестуют и содержат в тюрьме возвращающихся евреев-беженцев, обвиняя их в измене; из частей, убегающих из большевистского плена, выделяли евреев и, обвиняя их в том же преступлении, отправляли в тюрьму. Расстреляно было несколько евреев, которые в течение некоторого времени служили в большевистских учреждениях в качестве обыкновенных платных чиновников, подобно тому, как это делали и евреи и поляки во время австрийской и германской оккупации; эти расстрелы были произведены на основании судебных постановлений за государственную измену (напр., расстрел Гриншпана в Седлеце), не считаясь совершенно с тем, поскольку евреи подпадают под действие 1-го пункта распоряжения Совета Обороны Государства от 30-го июля с. г. о военно-полевых судах, опубликованного в Дневнике Законов лишь 9 сентября. Вместе с тем, христиане, которые занимали такие же посты у большевиков, и даже добровольно оставшиеся большевистские комиссары остаются на свободе, а некоторые из них даже получили удостоверения, что соответственные власти признают их службу у большевиков за гражданский поступок, так как этим они содействовали дезорганизации советской власти в Польше. В Плоцке суд приговорил к смерти раввина Шапиро, человека совершенно аполитичного, обвиняя его в том, что он движением руки направлял движения большевиков; присутствующие в зале суда свидетели защиты (христианка и еврейка), которые на предварительном следствии подтвердили неправильность обвинения, судом не были выслушаны. Таким образом, искусственно вскармливаемая легенда об измене евреев становится все более

правдоподобной и подготовляет почву для дальнейших выступлений против еврейства.

Доказывать безосновательность всех этих обвинений против еврейского общества представляется невозможным, так как цензура зажала рот еврейской печати. В то время, как польская печать помещает вымышленные корреспонденции из Плоцка и Белостока о еврейской измене и травит безнаказанно евреев, евреям не позволяют защищаться. Еврейскую печать карают даже за перепечатку из газеты „Народ“ о Яблонне. Этим путем безнаказанно распространяется ложь, а правда должна скрываться, углубляется ненависть польских масс к еврейству, а это последнее ставится вне закона. Все изложенные факты злоупотреблений и преступлений были своевременно сообщены соответствующим министрам вместе с теми доказательствами, которые мы вторично прилагаем.

В виду всего этого, нижеподписавшиеся предлагают:

Высокому сейму да будет угодно постановить:

1) Образуется сеймовая следственная комиссия с участием еврейских депутатов с целью выяснения всех вышеизложенных фактов.

2) Привлекаются к уголовной ответственности лица, виновные в описанных выше незаконных распоряжениях, ложных сообщениях и преступлениях.

ГЛАВА IV

САВИНКОВО-БАЛАХОВЩИНА

1. Польша и русский политический комитет

Стремления Польши расширить свои границы на восток и борьба не на жизнь, а на смерть с Советской Россией заставили польские господствующие силы искать себе союзников среди обломков былых социальных группировок, среди разложившейся русской эмигрантщины... Польша охотно приютила у себя всех врагов Советской России, она дает им возможность организоваться с тем, чтобы всецело использовать их в своих целях.

Уже в начале 1920 г. группа русских эмигрантов в Польше создает особую организацию, ставящую себе целью активную борьбу с Советской Россией. Инициаторами являются журналист Д. Философов, И. Буланов (б. гласный московской думы) и Б. Гершельман (б. товарищ прокурора варшавского окружного суда); к этой же группе примкнул известный русский писатель Д. Мережковский. Задачей группы было об'единение всех сочувствующих идее вооруженной борьбы с советской властью и использование в этих целях как белогвардейских военных чинов, так и пленных красноармейцев. Без материальной поддержки со стороны польского правительства никакая работа, конечно, не была мыслима. Польское правительство вначале относится скептически к названной организации, именующей себя русским эвакуационным комитетом; оно не мешает ей организоваться, но не торопится с субсидиями — слишком жалкий вид имели эти бывшие царские чиновники и эмигрировавшие писатели. Не помогли и личные свидания Д. Мережковского с главой польского государства, Пилсудским, воспетым им в особой брошюре, как одним из величайших героев не только современности, но и мировой истории.

Наступивший для Польши весною 1920 г. тяжелый момент в связи с наступлением красной армии заставляет правительственные сферы обратить больше внимания на русскую

эмигрантскую организацию в целях ее использования. Савинкову удалось убедить Пилсудского и польское верховное командование, что поддержка русской антибольшевистской организации в интересах самой Польши. Военные неудачи поляков, развал польской армии при паническом отступлении ее от Киева, продвижение красной армии — ускорили благоприятное разрешение этого вопроса. В июле 1920 г. председателю организации, переименованной в русский политический комитет, Б. Савинкову разрешается формирование русских военных отрядов на территории Польши, причем эти формирования должны были состоять в политическом подчинении Савинкову; снаряжение и содержание отрядов взяло на себя польское верховное командование, имевшее своих представителей при русском политическом комитете. Последний был приравнен к польским военным учреждениям и получил право на отвод помещения, по реквизиции, как для своих учреждений, так и для служащих — чуть ли не 100 номеров в варшавских гостиницах было занято с этой целью.

Означенное соглашение между польским военным министерством и Б. Савинковым не касалось отряда Булак-Балаховича, действовавшего на польской территории еще в марте 1920 г. Отряд этот прибыл в Польшу из Латвии и Эстонии; он состоял из русских добровольцев, белых поляков и белоруссов — т. е. из разноплеменного и разношерстного сброда. Балахович сумел об'единить этот сброд уголовного характера и подчинить себе довольно простым и верным способом. По правилу, введенному „батькой" в своих отрядах, военная добыча составляла собственность захватившего ее; а под военную добычу „балаховские молодцы" подводили, вообще, всякое награбленное имущество. Репутация балаховских отрядов была совершенно определенная; в Эстонии о них говорили, что там, где они ступали, уже трава не росла. Мародерство это было специальностью отрядов, а вешание и расстрелы — любимым занятием и отдыхом „батьки", придумавшего специальный вид казни — „самоповешение жертвы". Русская и эстонская пресса приводят ужасные детали о самоповешении, когда осужденные — полуголые, избитые, — под гиканье и свист палачей балаховцев принуждались надевать сами на себя петлю, затянуть ее и прыгать вниз... и все это днем, при всех, на глазах у женщин и детей... Расстрелы и виселицы были повседневным занятием штаба Балаховича [1]).

[1]) См. Кирдецов, „У врат Петрограда", стр. 257—260.

Отряд Балаховича оказался находкой для польских властей и был немедленно использован ими на советском фронте; сам „батька“, белорусского происхождения, об‘явил себя польским патриотом, принявшим впоследствии и польское подданство. Отряд был включен в состав польской армии, в полной с ней связи и под управлением польского высшего командования. Специфические подвиги этого отряда, как сплошное мародерство и избиение мирного населения, выделяются даже на фоне польской армии, далеко не отличающейся добродетелями, что заставляет не весьма щепетильный польский генеральный штаб освободиться от него, подчинив его в политическом отношении Савинковскому комитету и перелагая, таким образом, на русский политический комитет ответственность за своего доблестного союзника: громкая слава о подвигах отряда и его батьки была прекрасно известна как польским высшим властям, так и Борису Савинкову, но как первые, так и второй не брезгали никаким союзником, даже Балаховичем и его „народно-добровольческим отрядом“.

27-го августа 1920 года состоялось соглашение между Савинковым и Балаховичем, согласно которому Савинков обязывался провести кандидатуру Балаховича на пост главнокомандующего русскими вооруженными силами на территории Польши, а Балахович соглашался признать политическое руководство Савинкова. Впоследствии Балахович в своем письме к Савинкову от 16-го августа 1921 года (ниже приводимом нами в выдержках) об‘ясняет, что, лишь „руководясь побуждениями общего блага и подчиняясь повелениям свыше“, он согласился на политический контроль, сознавая в то же время, что при его „партизанских убеждениях“ никакого контроля не следовало утверждать. Отряд Балаховича, переименованный в „народно-добровольческую армию“, должен был, согласно плану, выработанному русским политическим комитетом, наступать в глубь Белоруссии на Минск и Калинковичи. Но пока продолжалось снаряжение армий Балаховича и, так называемой, „третьей“ под начальством генерала Перемыкина, которой дано было задание продвинуться на юг России, политическая обстановка изменилась. По условиям перемирия Польша обязывалась не только не поддерживать никаких антибольшевистских русских организаций, но и разоружить все находящиеся на ее территории антисоветские отряды.

Польское высшее командование и не думает выполнять условий перемирия; в октябре 1920 года оно об'являет русским вооруженным частям следующие требования: 1) или эвакуироваться из пределов Польши при содействии польских властей с оружием в руках, 2) или выступить на фронт „за свой страх и риск" (конечно, при всяческой поддержке со стороны генерального штаба)... Булак-Балахович, как преданный сын своей новой родины, направляет свою „народно-добровольческую армию" на Белорусский фронт в Мозырском направлении; Савинков участвует в походе в качестве „добровольца при первом конном полку". Наступление „народно-добровольческой" армии первоначально не встречало почти никакого сопротивления. Орган Савинкова „Свобода", выходящий в Варшаве, восторженно описывал подвиги „армий" и рисовал самые радужные перспективы; не прошло, однако, и трех недель с момента выступления, как в печать начали проникать сведения о погромах, грабежах и разбоях, чинимых „балаховцами". Вскоре с территории, занятой войсками Балаховича, понеслись буквально сплошные вопли и стоны убиваемого и разграбляемого населения. Где только ни показывались „балаховцы"—всюду погромы, насилия, грабежи. Страдали в городах евреи, но и белорусские крестьяне долго не забудут „избавителей" от „большевистского ига".

Описание и характеристику ужасов, учиненных „балаховцами" над беззащитным еврейским населением Белоруссии по обе стороны польской границы, читатель найдет ниже. Здесь же будет уместным поставить вопрос: кто же виноват в происшедших ужасах? Впоследствии все соучастники старались взвалить вину друг на друга. Основная вина падает, помимо непосредственных деятелей батьки Балаховича и его клевретов, в первую очередь, на польское высшее командование. Отряд Балаховича, находившийся на польском фронте с марта 1920 года, уже сумел и здесь показаться во всей своей красе; прошлая слава его также была хорошо известна. Отправляя балаховскую „банду", как точнее можно назвать „народно-добровольческую армию", под видом выполнения перемирия на белорусский фронт, польский генеральный штаб прекрасно сознавал, что это будет означать для несчастного белорусского еврейства; но это же ему было на руку, ибо всякое разрушение края терроризировало население и делало его более покорным в отношении

к завоевателям. Формально же наступление велось за „страх и риск“ русского политического комитета, а поэтому высшая польская власть могла, как Пилат, умыть руки. А русский политический комитет и Савинков? В воззвании своем от 2-го декабря 1920 г. (напечатано в „Свободе“, № 117 за 1921 г.) о еврейских погромах Савинков излагает свой взгляд по этому вопросу в связи с реабилитацией Булак-Балаховича. В виду крайней характерности этой статьи, приводим ее почти целиком:

„Наступление армии ген. Булак-Балаховича ознаменовалось печальными и позорными фактами убийств, насилий и грабежей, имевших место сначала в Пинске и потом Мозыре и в окрестных местечках.

От убийств, насилий и грабежей этих пострадало почти исключительно еврейское население. В них принимали участие не только солдаты Народной Добровольческой Армии, но и дезертиры-красноармейцы, скрывающиеся в лесах, и даже крестьяне.

Чем об‘яснить, что Народная Добровольческая Армия, возвещая свободу и утверждая права человека и гражданина, принесла с собой евреям не мир, а войну, не спокойствие, а тревогу?

20-го сего октября ген. Булак-Балаховичем был отдан приказ, единственный в своем роде за все время трехлетней междуусобной войны в России. Приказ этот гласит:

„Приказываю Начальников, части которых занимаются погромами и грабежами, отрешать от должностей и предавать военному суду для осуждения по законам военного времени, ибо начальник отвечает за свою часть. Приказываю солдат, виновных в погромах и грабежах, тоже предавать военному суду для суждения по законам военного времени, а застигнутых на месте грабежа как солдат, так и офицеров расстреливать тут же“.

Того же 20-го октября ген. Булак-Балаховичем был отдан другой приказ, гласящий:

„Разрешаю прапорщику Цейтлину формировать при штабе Народной Добровольческой Армии Отдельную Еврейскую Дружину“.

14-го сего ноября ген. Булак-Балаховичем был отдан третий приказ следующего содержания:

„Мною уже неоднократно указывалось, что грабежи, кем бы они ни производились, могут погубить наше святое дело освобождения Белоруссии и России от большевиков, ибо грабежи эти подрывают доверие к Русской Народной Добровольческой Армии, заслужившей доверие в боях. Приказываю: при оставлении города, местечка или села, в местностях, где еще не установлена законная белорусская власть, начальник части должен предписать письменно городскому голове, волостному старшине или сельскому старосте немедленно приступить к организации милиции из местных жителей для охраны спокойствия, порядка, жизни и имущества населения“.

Итак, Высшим Командованием были приняты троякого рода меры к ограждению мирного еврейского населения:

1. Виновные в убийствах, насилиях, грабежах подлежат военно-полевому суду и смертной казни через расстреливание.

2. Евреям было разрешено формирование Еврейской Дружины с целью охранения ею спокойствия и порядка в местечках и городах.

3. С этой же целью было предписано соответствующим городским и сельским властям организовать милицию из местных жителей без различия национальности и вероисповедания.

Были ли осуществлены эти меры?

Приказ от 20-го октября о прекращении убийств, насилий и грабежей был исполнен в нескольких случаях в точности. Во многих случаях он не мог быть исполнен, ибо виновные не были найдены, так как пострадавшие не могли указать не только лиц, но даже принадлежности их к воинской части.

Приказ от 20-го октября о разрешении прапорщику Цейтлину формировать еврейскую дружину исполнен не был, хотя были отпущены средства на это формирование.

Приказ от 14-го ноября был исполнен во многих местечках и селах. Во многих он не был исполнен за недостатком оружия.

Такова истина. Если бы указанные выше меры не были своевременно приняты, вероятно, убийства, насилия и грабежи, производившиеся, повторяю, не только солдатами, но и беглыми красноармейцами и крестьянами, во много раз превзошли бы действительность. И, наоборот, если бы еврейская молодежь сформировалась, как это было ей разрешено, в еврейскую дружину прапорщика Цейтлина и, сформировавшись, взяла бы на себя, как это предполагалось, несение полицейской службы в занимаемых местностях, убийств, насилий и грабежей было бы несомненно меньше, и виновные в них не могли бы уклониться от законной ответственности.

Были ли приняты меры к расследованию беспорядков, к наказанию виновных и к возмещению убытков потерпевшим?

Такие меры приняты были. В Пинске, в Турове и в окрестностях функционировал Военно-Судный Отдел Р. П. К., собравший значительный судебно-следственный материал. Отступление частей Народной Добровольческой Армии из района Турова не дало возможности материал этот использовать в надлежащих размерах. В Мозыре была организована по соглашению председателя Р. П. К. с председателем Б. П. К. особая комиссия для такого же беспристрастного расследования. Собранный ею материал по той же причине остался неиспользованным. К этому следует прибавить, что, вообще, убийства, насилия и грабежи имели место лишь непосредственно после занятия местечек и городов, и что в самые ближайшие дни устанавливался порядок, и все граждане ограждались законом"...

Такова статья Савинкова.

Из описаний погромов, составленных по об'ективным и аутентичным источникам, читатель убедится, насколько ложно утверждение Савинкова, что „убийства, насилия и грабежи имели место лишь непосредственно после занятия местечек и городов, и что в самые ближайшие дни устанавливался порядок, и все граждане ограждались законом". Савинково-Балаховщина (как исторически правильно следует назвать эту позорную эпопею) была перманентным погоомом как в первой своей стадии —

наступления народно-добровольческой армии, так и во второй фазе, чисто партизанской. Приказы, изданные Балаховичем „в защиту евреев“, показывают лишний раз, что все позорной памяти громилы от „верховного атамана“ Петлюры до „генерал-подпоручика польской службы“ Булак-Балаховича, переходя через „начальника вооруженных сил юга России“ генерала Деникина, имеют в своих архивах, на всякий случай, „приказы“, их обеляющие в истреблении еврейства; они же все „демократы“ и, следовательно, должны быть готовы доказать демократической Антанте, от которой они в конечном итоге зависят, что они чисты и неповинны, как агнцы, в пролитой ими еврейской крови. Приказы Балаховича (составленные Савинковым, по его же заявлению представителям прессы) сводились: 1) к наказанию виновных смертной казнью, 2) к организации еврейской дружины с целью охранения ею спокойствия и порядка в местечках и городах и 3) к организации милиции без различия национальности и вероисповедания. Что касается пункта первого, угрозы громилам смертной казнью, то, как видно из приведенной статьи Савинкова, составленный материал в Мозыре, Турове и проч. не был использован, „в виду отступления частей народно-добровольческой армии“; что это только фарисейское измышление, видно хотя бы из того обстоятельства, что отступление произошло на польскую территорию, где части были интернированы. Следствие и наказание виновных могло бы и там последовать, если бы... кто-либо думал, вообще, бороться с погромами; и мыслима ли, вообще, была такая борьба, когда „народно-добровольческая армия“ была „насквозь“ погромна, где высший командный состав армии не отставал в грабежах от простых рядовых. Достаточно указать, что у одного из полковников армии Балаховича при обыске было найдено кольцо с оборванным пальцем; впоследствии при ликвидации армии был привлечен к ответственности за грабежи не кто другой, как начальник военно-судной части армии Балаховича полковник Добжанский.

Что касается пункта второго приказов, организации еврейской дружины, то эта мера представляет из себя не что иное, как провокацию белорусского еврейства, стремление втянуть его в орбиту погромного русского комитета посредством негодяя еврея-офицера Цейтлина. Интересно, что орган Бурцева, защищающий всех погромщиков „патриотов“, не изменяет себе и в этом случае. В статье „Б. Савинков и ген. Балахович“

(„Общее Дело“ от 6-го октября 1921 г.) даже утверждается, что еврейская дружина *была организована* под командой еврея-прапорщика Цейтлина, „в чем нельзя не видеть радикальной перемены в точке зрения на еврейский вопрос, по крайней мере, самого ген. Булак-Балаховича и Высшего Командного состава армии; после сформирования Еврейской Дружины желающие из еврейского населения получили возможность сражаться с большевиками в рядах своих соотечественников, ограждая неприкосновенность еврейских жилищ и граждан со стороны порочного элемента армии“... Савинков в своей выше цитированной статье сознается, что дружина сформирована не была. Возникает вопрос: почему? На это дает правильный ответ один из сподвижников Балаховича, ныне „кающийся“ атаман Искра (И. А. Лохвицкий): „После практических уроков гражданского равноправия, преподанных еврейскому населению во Влодаве, Камень-Каширске, Ковеле, Турове, Пинске и т. д., евреи не обнаружили ни малейшего желания служить под Савинковско-Балаховическими знаменами, и прапорщику Цейтлину не удалось собрать и десяти человек... В самой же армии Балаховича за все время ее существования состояло четыре еврея: капитан Елин, поручик Цейтлин, поручик Шик и врач, фамилию которого не помню“... [1])

В гражданскую милицию евреи пытались поступить. Результат для них был довольно печальный. Согласно отчету уполномоченного ОЗЕ (Еврейского Общества Здравоохранения) Лифшица, в местечке Житковичах во время безвластия была организована гражданская милиция. „Балаховичу было доложено какими-то местными черносотенцами, что милиция разоружала отступавших вразброд солдат его армии, и им было приказано в течение получаса собрать всех местных евреев и расстрелять их из пулеметов. Только благодаря заступничеству и ходатайству местного священника, приказ был отменен“...

Такова об‘ективная ценность приказов; не больше и их суб‘ективная ценность. Выше названный атаман Искра сообщает по этому вопросу интересный эпизод... „После возвращения из Каменец-Каширска, куда я прибыл через несколько дней после произведенного там соединенными польско-балаховическими войсками погрома, я подготовил проект воззвания к еврейскому населению... В этом воззвании указывалось, что высшее

[1]) Атаман Искра, „То, что было“, стр. 33.

Командование Народно-Добровольческой Армии гарантирует еврейскому населению полное равноправие и защиту и призывает евреев к совместной работе. Балахович это воззвание подписал, но Русский Политический Комитет отказался его напечатать. Два дня спустя я доложил об этом ген. Балаховичу. Передаю ответ Балаховича со стенографической точностью: „Бросьте, генерал; как бил жидов, так и буду бить; Борис Викторович Савинков тоже недоволен этим воззванием, находя, что еврейское население не заслужило такой широкой автономии".— Полагаю, что ген. Балахович не откажется подтвердить вышеизложенное" (стр. 35).

Что касается действий и выступлений во время погромного похода „добровольца"-Савинкова, то мы на них остановимся ниже при характеристике его. Здесь только отметим, что оба доблестные союзника, Савинков и Балахович, принимают в Пинске депутацию местного еврейства, принесшую им жалобы на непрекращающиеся, несмотря на все обещания, насилия и грабежи еврейского населения со стороны их солдат. Савинков берет под свою защиту грабителей и убийц и, как некогда убитый при его же содействии царский министр Плеве, об'ясняет действия бандитов „влиянием мстительного чувства за перенесенные обиды и мучения от комиссаров-евреев"[1]).

К счастью для белорусского еврейства, первая волна Савинково-Балаховической эпопеи продолжалась недолго. Мародерство и подвиги над еврейским населением продолжались лишь 5—6 недель фронтовой деятельности. Наступлением красной армии оба российские военные образования (народно-добровольческая и третья армии) были вынуждены отступить в паническом беспорядке к польской границе, где они были интернированы.

Интернирование было учинено весьма „либеральное". Условия интернирования были выработаны польскими военными властями совместно с русским комитетом. Нижние чины размещены были в казармах; офицерам предоставлялось право селиться на частных квартирах, лишь для выезда требовалось разрешение польского коменданта. Польское командование принимало на себя довольствие всех интернированных и ввело для них такой же паек, какой был установлен в польских войсках. Перед обоими контрагентами, польским генеральным штабом

[1]) „Голос России"—20-го ноября 1920 года.

и русским политическим комитетом, встал вопрос, как лучше использовать наличную боевую силу, принимая во внимание, с одной стороны, перемирие и грядущее заключение мира с Советской Россией, а с другой — полнейшую деморализацию армии. Ликвидация похода раскрыла, помимо мародерства и погромов, также и чудовищную панаму: выступление обеих армий было рядом хищений, растрат и злоупотреблений, которыми в особенности отличалась народно-добровольческая армия. В первые горячие минуты гнева по поводу военных неудач руководитель русского политического комитета Борис Савинков вздумал произвести надлежащее расследование внутренних хищений (расследовать произведенные погромы и мародерство в прифронтовой полосе ни у кого не было охоты), — но тут пришлось наткнуться на бесконтрольное распоряжение огромными суммами лицами, близкими к Савинкову, и наиболее важные дела были замяты. Да, по существу, не до расследований было: требовалось скорее приспособить организацию для продолжения военных действий, в той или иной форме, против Советской России и дезорганизации ее пограничных областей, в первую очередь Белоруссии, и использовать для этого подходящие силы из интернированных офицеров и нижних чинов, т. е. наиболее опытных громил. Приказом по русскому политическому комитету от 15 декабря 1920 года Савинков об'явил, что комитет со всеми отделами упраздняется, и с того же числа учреждается русский эвакуационный комитет в составе: председателя Савинкова, заместителя его Философова, членов Д. Одынца, Н. Ульяницкого, А. Деренталя и А. Смолдовского. При русском эвакуационном комитете оставлены были те же отделы, которые были при русском политическом комитете, т. е., в сущности, перемена коснулась лишь названия организации, которое придавало ей более безобидный вид. Польское правительство всецело предоставило интернированных, под видом „беженцев", на попечение эвакуационного комитета. Последний и не думал заботиться о них — выдвинутый Булановым проект найма интернированных на работу через посредство товарищества „Инженер" был отвергнут, как нецелесообразный; большинство русского эвакуационного комитета стало на точку зрения Одынца, что комитету не следует связываться с коммерческими предприятиями. Интернированные разлагались окончательно — награбленный ими фонд иссяк окончательно, и они из себя вскоре представляли

голодную дикую орду людей, готовых на все. Подготовленная таким образом бандитская масса была надлежащим образом использована польскими властями в союзе с Савинковской организацией.

С начала 1921 года деятельность эвакуационного комитета вступает на конспиративный путь; жизненным нервом организации является его „информационное бюро“, задачей коего является: организация разведки на территории Советской России, вызывание повстанчества крестьян на местах, соответствующая агитация среди населения и формирование боевых отрядов, высылавшихся в Белоруссию. Посылка отрядов производится под непосредственным контролем польского генерального штаба при пользовании его же аппаратом и субсидией польского правительства. Эта деятельность не прерывается и с подписанием Рижского мира 18-го марта 1921 г.; меняется только наименование комитета — из „эвакуационного“ он превращается в „ликвидационный“, дабы удовлетворить приезжающих в Варшаву представителей Советской репарационной комиссии.

Ликвидационный комитет старается подвести широкий „общественный“ фундамент под свою непрекращающуюся партизанскую деятельность. В середине июня (13 до 16-го) 1921 г. в г. Варшаве происходит тайный с'езд новой организации, подготовленный информационным бюро эвакуационно-ликвидационного комитета — под пышным наименованием „Народного союза защиты родины и свободы“. Согласно показанию арестованного представителя Саратовского комитета Анатолия Ремезникова [1]), „на с'езде присутствовали нижеследующие представители: от военно-политического центра Белоруссии—Злоцский, от северо-западной области—полковник Эрдман, от мозырской военной группы–полковник Данилов, от западной области—поручик Костин, от Гомеля должен был быть Опперпут, главный руководитель западной области, который на с'езд не прибыл, от украинской военной миссии в Варшаве был полковник Данильчук, от повстанческих войск Украины — атаман Тютюник; от об'единенного казачества был полковник Гнилорыбов; от Польши были представители полковник Девойно-Сологуб, по одному от министерств внутренних и военных дел, фамилии

---

[1]) Красная Книга „Советская Россия и Польша“, издание Народного Комиссариата Иностр. Дел, Москва, сентябрь 1921 г., стр. 86 – 89.

коих не помню, от французской военной миссии был капитан Марино, от английской военной миссии два представителя, фамилий коих не помню...“ Ближайшие задачи союза защиты родины и свободы следующие: „немедленная организация террористических актов по всей России против выдающихся коммунистов и советских работников, в частности против чрезвычайных комиссий. Савинковым рекомендовалось умерщвлять советских работников посредством отравления кокаином, морфием, опиумом и т. д.; взрывать железнодорожные мосты, склады с боевыми припасами, портить дороги, поджигать здания коммунистических партий, усилить пропаганду и агитацию, главным образом, среди красной армии и железнодорожников, расхищать продовольственные склады и раздавать продовольствие населению, составлять секретные запасы для снабжения частей военного восстания, назначенного в конце сентября 1921 года. Момент восстания во всероссийском масштабе должен быть указан центральным комитетом союза из Варшавы...“ Был выработан план выступления. По показаниям главного руководителя западной области Опперпут-Упелинца (он же Селянинов-Опперпут)[1]), предварительными шагами для выступления должны были служить: „Вывоз интернированных под видом перевода их на работы; они концентрируются к русско-польской государственной границе — русские и белорусские части к Лунинцу, Слуцку и Рубежевичам, Столбцам; украинские и казачьи части — к границе Украины. К крупным центральным железнодорожным узлам, для захвата которых не хватает местных сил, подтягиваются из Польши кадры свободных партизанских отрядов, которые по прибытии к пунктам назначения поступают в распоряжение местных организаций; к этим пунктам подтягиваются и местные партизанские отряды и банды“.

У Ремезникова отобран вид на жительство от 10 июня 1921 г. за № 23.418, выданный вторым отделом польского генерального штаба[2]). Согласно показаниям арестованного, „такие документы выдаются вторым отделом генерального, штаба лишь агентам Савинкова. Лиц, обладающих такими документами, никакая власть в Варшаве или других местах, кроме генерального штаба, не имеет права арестовать“.

---

[1]) Красная Книга, стр. 79—83.

[2]) Вид воспроизведен в Красной Книге, стр. 89.

Данные Ремезникова подтверждаются показаниями других арестованных агентов Савинкова, как Опперпута[1]), Ковальского[2]), Кушельницкого и других. Последний показывает: „Переправка Савинковских агентов происходит при помощи польской контр-разведки, с которой организация Савинкова имеет теснейший контакт. Так, я получил документ от оффензивы командования 12-й дивизии в городе Тарнополе, шефом которой состоит поручик Белявский“[3]). Какими способами действовал „комитет защиты родины и свободы“, показывает тоже Опперпут-Упелинец[4]): „Во время последнего моего и Карповича пребывания в Варшаве всероссийским комитетом защиты родины и свободы (арестованный состоял членом центрального комитета организации) мне было выдано 2 килограмма ядов — 1 килограмм цианистого кали и 1 килограмм неизвестного мне яда — на предмет отравления перед восстанием пищи надежных войсковых частей красной армии, баталионов чека, частей особого назначения и т. д. *Документы на провоз были выданы вторым отделом польского военного министерства*“.

Вопрос восстания, да еще во „всероссийском масштабе“ — это, конечно, Zukunftsmusik. Пока что усиливается отправка бандитских групп в Белоруссию. Скрывающийся под инициалами Н. А., хорошо знакомый с деятельностью Савинковской организации, в статье „Русские политические организации в Польше“, в антибольшевистском берлинском органе „Голос России“, заявляет: „Немедленно по окончании работ с‘езда началось формирование отрядов из числа интернированных, особо верных частей. Отряды формировались человек по 60 — 80 под руководством и начальством специальных инструкторов-агитаторов. В задачи этих отрядов входило поддержать и расширить повстанческие движения, проводить усиленную агитацию среди населения, а где удастся, организовывать террористические акты“. Характеризуя деятельность Савинковской организации, этот же автор замечает: „Комитет во все время своей деятельности преследовал не гуманитарные, а боевые цели. Что это так, легко убедиться из финансовой стороны деятельности комитета. С апреля по июнь было израсходовано всего около 44 миллионов

[1]) Помимо Красной Книги, см. его брошюру „Народный Союз защиты родины и свободы“, Берлин, 1922 г.

[2]) Красная Книга, стр. 86.

[3]) Красная Книга, стр. 91.

[4]) Красная Книга, стр. 82—83.

марок. Из этой суммы на содержание почти 9.000 интернированных было выдано всего 13 миллионов марок; в то же время на специальные цели (т. е. на организацию активной борьбы) было израсходовано 21 миллион марок[1]).

Партизанские отряды в Белоруссию направляет, помимо Савинковской организации, также и генерал-подпоручик польской службы Булак-Балахович. Прежние союзники враждуют между собой — между ними идет борьба „за влияние" на польские правительственные круги и за вытекающую отсюда субсидию. В этом отношении б. террорист и министр Савинков ближе начальнику Польской Республики Пилсудскому и больше импонирует высшим властям, чем простой „вояка-бандит" Балахович. Интернированные предоставляются в монопольное распоряжение Савинковского комитета; однако, Балахович, пользуясь влиянием на свои банды, завязывает с ними сношения и, пользуясь авторитетом „батьки", сманивает интернированных у их „законного начальства"; производит из них такие же партизанские формирования, как и Савинков, направляя отряды в ту же злосчастную Белоруссию. В Красной Книге фотографически воспроизведены два интересных документа на польском языке:

1) „Удостоверение[2]).

Настоящим удостоверяю, что капитан М. Короткевич имеет поручение завязать сношения с моими отделами и организациями в районе Бобруйского уезда и по собрании на месте сведений представить отчет II-му Отделу 18-й дивизии.

20-го марта 1921 года.

Булак-Балахович (подпись)
ген.-подпор."

2) „Начальнику II-го Отдела при IV-й Армии[3]).

В виду того, что все мои партизанские отряды после перехода демаркационной линии подчинены II-му Отделу IV-й Армии, я пересылаю Вам для сведения копию письма начальника рабочих дружин и мой ответ.

22. IV. 1921.

Булак-Балахович (подпись)
ген.-подпор."

---

[1]) „Голос России" от 28-го сентября 1921 г.
[2]) Снимок „Красная Книга", стр. 118.
[3]) Снимок „Красная Книга", стр. 107.

Из обоих документов видно, что сепаратные формирования Булак-Балаховича, незаконные с точки зрения Савинковской организации, поддерживаются польским генеральным штабом, допускающим благородное соревнование в деле разрушения Белоруссии, руководясь старым мудрым правилом—divide et impera.

Польское правительство, нарушая всеми означенными действиями самым грубым образом постановления Рижского договора, в ответ на уличающие его ноты советского правительства весьма дипломатично отрицает все пред'являемые ему факты, обстоятельно доказанные. Уже через две недели после заключения мирного договора с Польшей советское правительство в ноте Чичерина от 11 апреля 1921 г. констатирует, что „среди элементов, имеющих целью нападение на Россию и Белоруссию, можно найти Булак-Балаховича, Перемыкина, а также их многочисленных приверженцев. Сформированные ими в Польше отряды принимали участие в многочисленных нападениях, которые были предприняты против населения советских республик. Польские военные власти не только предоставляют им возможность действовать, но иногда прямо поддерживают их деятельность, снабжая их оружием и снаряжением“. На эту ноту, в которой также упоминалось о существующем в Несвиже белорусском контр-революционном комитете и о том, что в Барановичах и Лунинце сформированы банды, предназначенные для действий против Белорусской советской республики, польский министр иностранных дел Сапега радио-телеграммой на имя народного комиссара иностранных дел от 19 апреля 1921 г. „поясняет“: „Белорусский контр-революционный комитет, о котором сообщает нота, не существует в Несвиже, Барановичах и Лунинце... Что касается намерений и чувств генерала Перемыкина, то польское правительство полагает, что они не могут быть предметом обмена дипломатических нот...“ В мае 1921 г. русскому правительству неизвестна еще тесная связь между Савинковско-Балаховическими организациями и польским генеральным штабом. В ноте Чичерина на имя польского министра иностранных дел Сапеги от 3-го мая 1921 г., в которой указывается на целый ряд действий балаховцев, в том числе и нападение на поезд с ранеными, добавляется: „Российское правительство искренне убеждено в том, что польское правительство не замешано в этих поступках, представляющих собой

тяжкое нарушение мирного договора, и что они являются только преступными деяниями подчиненных агентов польской гражданской и военной власти“. На это польский министр храбро отвечает (нота от 23-го мая), „что хотя инциденты, указанные в русской ноте, якобы имевшие место на польской территории, носят слишком общий характер, тем не менее, польское правительство, желая убедиться в справедливости этих обвинений, нарядило следствие; но при всем своем добром желании не могло найти ничего, что подтвердило бы основательность формулированных на этот счет жалоб“...

Что эти дипломатические заявления польского правительства абсолютно неправильны, показывают выше приведенные документы и показания. Из многочисленных материалов Красной Книги выберем еще несколько документов.

1. На стр. 100—101 воспроизведены два удостоверения, выданные поручику Якову Наваеву, „состоящему в партизанском отряде полковника Васильева“, одно—всероссийским комитетом народного союза защиты родины и свободы, а другое — польскими военными властями; тесная связь и подчиненность союза генеральному штабу установлена и этим документом.

2. На стр. 99 приводится копия весьма секретного отношения Савинкова на имя начальника польского генерального штаба. Документ гласит:

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
Ликвидационной Комиссии
Русского Эвакуационного Комитета
в Польше.
25-го мая 1921.
№ 3.090
Варшава.

Копия.
Сов. секретно.

Начальнику Генерального Штаба
Господину Генералу Сикорскому.

Уважаемый Господин Генерал!

Имею честь представить при сем копию рапорта, переведенного на польский язык, начальника Ликвидационной комиссии Русского Эвакуационного Комитета от 25/5 № 891 и разрешаю себе просить Вас, господин генерал, не отказать в любезном сообщении, не встречается ли с Вашей стороны препятствий к дальнейшему сотрудничеству Информационного Бюро с Бюро De Reuseignements при Французской Военной миссии, и не найдете ли возможным, господин генерал, отпустить некоторую сумму в распоряжение начальника указанного Бюро, моего брата, есаула Савинкова, для поддержания организаций в Совдепии, доставляющих сведения военно-разведывательного характера.

С такой же просьбой брат мой, есаул Савинков, уже обратился к господину майору Беку.

В заключение считаю нужным добавить, что по имеющимся теперь у меня сведениям упомянутый в рапорте Пененко уволен начальником VI отдела II-й армии.

В ожидании Вашего ответа, прошу, господин генерал, принять уверение в моем глубоком к Вам уважении.

Б. Савинков.

С подлинным верно (подпись).

3. На стр. 103—104 воспроизведен мандат от 24 марта 1921 г. за № 427 на имя полковника Суевского:

24-го марта
№ 427.

Полковнику Суевскому.

С получением сего предлагаю Вам выехать в Рубежевичи с целью:

1) Об'единить под Вашим руководством все отряды и организации, находящиеся на участке Радошковичи, Раков, Рубежевичи, Несвиж, Семежево включительно. Все начальники отрядов, организаций и пунктов связи поступают в подчинение Вам.

2) Об'единить под Вашим руководством все противобольшевистские организации, находящиеся на Советской территории от Бобруйска по линии Радошковичи — Борисов — Орша.

3) Войти в связь с организациями, имеющимися между Березиной и Днепром по линии Рогачев — Могилев — Орша.

Всех несоответствующих своему назначению начальствующих лиц сменить и удалить, заменив их по Вашему усмотрению.

Председатель Р. Э. К. Б. Савинков.
Начальник Информационного Бюро есаул Савинков.
Начальник Канцелярии Рудин.

Если даже откинуть все показания арестованных агентов русского комитета и документы Красной Книги, то достаточно бегло посмотреть несколько номеров Савинковской газеты „Свобода“, чтобы констатировать определенную связь между генеральным штабом и его органами на местах и организацией Савинкова, под каким именем она ни выступает. В любом номере означенной газеты, выходившей в Варшаве, имеются сообщения о заговорческой и партизанской деятельности союза защиты родины и свободы.

Настоящая роль всех соучастников кошмарного ужаса, залившего еврейской кровью Белоруссию, резко и выпукло выступает также с несомненной очевидностью: а) из секретной переписки между Балаховичем и официальными польскими властями, б) из публичных интервью, данных представителю варшавской газеты „Der naier Haint“ Савинковым и Балаховичем, и в) из письма Балаховича к Савинкову.

Как и следовало ожидать, доблестные союзники Савинков и Балахович начинают свою вражду, соперничая из-за польских денежных субсидий.

22-го февраля 1921 г. Булак-Балахович обращается в отдел IV штаба военного министерства с отношением (№ 142), в котором сообщает, что он 19-го февраля того же года получил письмо от русского эвакуационного комитета от 18 февраля с требованием представить оправдательные документы на будто бы полученные им 32 миллиона 200 тысяч польских марок. Так как армия его получала в течение ряда месяцев деньги непосредственно от министерства иностранных дел, то он туда и обращается с просьбой назначить контрольную комиссию. В то же время он сообщает, что „русский эвакуационный комитет устраивал финансовые операции с капитаном Елиным, которому выплачивал значительные суммы“, и что „недостаток контроля и честного освещения израсходованных русскими отрядами или комитетами сумм, взятых в военном министерстве, превышающих несколько сот миллионов, снова может вызвать среди русских эмигрантов ряд комментариев“. Копия отношения направлена также прокурору и генералу Развадовскому.

5-го мая 1921 года Балахович пишет шефу генерального штаба, генерал-поручику Сикорскому (№ 171). Балахович „тем легче обращается“ к ген. Сикорскому, „что некогда бился под его предводительством...“ Главное содержание письма — это жалобы на русский политический комитет, который „провоцирует его армию на открытое выступление“. К этому автор письма добавляет: „Тут я позволю себе заметить, что правительство польской республики слишком неосторожно выдает сотни миллионов организациям, которые не только уже не приносят больше пользы, но, наоборот, приносят пользу лишь большевистско-немецким интригам...“ Русский политический комитет развращает армию Балаховича, подговаривая начальников частей к вооруженному выступлению, давая им, помимо него, деньги; с русским комитетом он связался, так как в начале лета 1920 года он получил от военного министерства указ о том, что „Верховный вождь желает, чтобы он в политическом отношении подчинился русскому политическому комитету“... Балахович жалуется на материальное положение и просит субсидию, отказ в коей поставит его в безвыходное положение. „А, ведь, Вам известно, сколько автомобилей и военного

материала я отдал на большевистских тылах польской армии...“ „Разве я опять буду вынужден взяться за саблю, чтобы спасти от голодной смерти тех, кто еще может принести пользу в борьбе с большевиками“. А в заключение Балахович пишет: „В конце я хотел бы, господин генерал, поговорить с Вами о моей будущей деятельности. Полагаю, *что, принимая во внимание нынешние обстоятельства, она должна была бы быть строго конспиративной;* впрочем, на деталях этой борьбы сейчас я останавливаться не буду, я буду ожидать Ваш ответ и указания“ (курсив мой). Подписал С. Булак-Балахович, генерал-подпоручик.

Интересна переписка Балаховича с депутатом Сейма Свидой, который выступил в Сейме против Балаховича, указав, между прочим, на денежную панаму, имевшую место при организации и выступлениях его „народно-добровольческой армии“. 15-го июля 1921 года Балахович пишет Свиде, что, в виду того, что он заявил в Сейме, что Балахович „наравне с Петлюрой брал от польского правительства деньги полными горстями, не отчитываясь в них“, то он вызывает его на дуэль. В ответ на это Свида пишет Балаховичу (25—VI), что „господин генерал должен же согласиться с тем, что расходы на армию, выданные миллиардами, не могут не интересовать депутата, когда он видит беспорядки в военном министерстве“... Что касается дуэли, то депутату „было бы приятно перед дуэлью показать с сеймовской трибуны отчет Балаховича о суммах, им полученных от польского правительства“...

Одновременно с обвинениями в растратах растут и обвинения Балаховича в погромных действиях; появляется брошюра полковника Лихачева, сотрудника Балаховича, „Не могу молчать“ с кошмарными разоблачениями. Ища поддержки, наш бравый генерал обращается к своему бывшему сотруднику и соучастнику, русскому политическому комитету, надеясь, что тот его поддержит, ибо разоблачения и ему ведь невыгодны. В ответ он получает сообщение от юридического отдела „ликвидационной комиссии русского эвакуационного комитета“ (так называлась в этот момент Савинковская организация)— от 21 июня 1921 года за № 832—о том, что „по сведениям Комитета весьма значительная часть деяний, инкриминируемых частям Народной Добровольческой Армии, имела место до того времени, когда между Вами и Вашей армией с одной стороны

и Русским Эвакуационным Комитетом — с другой создалась связь". Подписали: начальник юридического отдела Ивановский и помощник начальника отдела Лонгинов.

Желая окончательно придушить своего кровного врага и в то же время „реабилитироваться" от обвинений в учинении и содействии погромам, Савинков обращается к редакции „Naier Haint" с предложением дать интервью по этому вопросу. В запальчивости и раздражении, также в тщетном стремлении оправдать себя и свою организацию, Савинков не щадит и „прекрасной дамы" — Польши, на иждивении коей он сам находится, разоблачая во всеуслышание поддержку ею Балаховической партизанщины в нарушение условий Рижского мира. В виду важности интервью, приводим его почти целиком так же, как и ответ Балаховича. Савинков заявил журналисту следующее:

„Прибыв в Польшу осенью прошлого года, я застал уже здесь генерала Балаховича и его армию. С 25-го октября 1917 года я решил бороться с большевиками всеми мерами, а так как нашел уже готовую организацию, то пришлось либо присоединиться к ней, либо отказаться от борьбы с большевиками. Ознакомившись с личным составом армии Балаховича, мне очень тяжело было присоединиться к ней. Однако, я обещал заранее представителям еврейской печати, что приму все меры для борьбы против еврейских погромов. Мною были подписаны самые суровые приказы, исходившие из штаба Балаховича и направленные против погромов и насилий. Однако, между изданием приказа и приведением его в исполнение лежит целая пропасть... Но я не виновен в совершившемся, ибо не в силах был бороться, а мог лишь вместе с евреями скорбеть по поводу случившегося. Я готов даже предстать перед судом авторитетной еврейской организации, дабы раз навсегда покончить с ложным мнением обо мне еврейского общества.

Из имеющихся у меня документальных данных можно убедиться, что благодаря моей интервенции расстреляны некоторые солдаты, принимавшие деятельное участие в погромах.

Когда в Сейм был внесен запрос по поводу погромов, совершенных войсками Балаховича, то лишь благодаря моему вмешательству был составлен полный список погромщиков, которые по моему мнению должны быть наказаны; по моему настоянию 300 обвиненных предано военному суду. Ныне я прервал всякую связь с Балаховичем. Однако, должен констатировать, что Балахович есть демократ в полном смысле слова, но в то же время человек безвольный и слабохарактерный, легко поддающийся влияниям. Я ни в коем случае не могу сотрудничать с таким человеком.

К сожалению, я не могу опубликовать в печати все документы, которые могли бы окончательно рассеять легендарные сказания о моем „антисемитизме".

Однако, я намерен в ближайшем будущем издать особую книгу, куда войдут все эти документы, а тогда лишь возможно будет убедиться в том, что я не антисемит, и в том, какую роль я играл в армии Балаховича. Я не счел бы нужным оправдываться по поводу смешного обвинения меня

в антисемитизме, если бы не то обстоятельство, что такие слухи распространяются не только большевиками, но и эсэрами. Но если того же мнения придерживается еврейское общество, то оно введено в заблуждение.

В связи с погромными эксцессами в Белоруссии, я категорически заявляю, что в составе воинских отрядов нашей организации („союза защиты родины и свободы") нет преступного элемента, а, напротив, им вменена в обязанность энергичная борьба с погромными бандами. За действие этих отрядов я всецело принимаю на себя нравственную ответственность. Эти отряды находятся в тесном единении с еврейскими дружинами, ведущими борьбу с погромщиками. Дружины эти помогают нам бороться с большевиками, а мы в свою очередь всячески их поддерживаем.

Однако, положение в Белоруссии весьма тяжелое, главным образом, из-за того, что и Балаховичу разрешено формировать там воинские отряды. Последние в высшей степени опасны для евреев. Мы понимаем, что наш успех зависит от евреев, а поэтому решили идти рука об руку против большевиков. На нашей совести не будет крови и слез евреев" („Naier Haint", № 181—9-го августа 1921 года).

В ответ на заявление г. Савинкова Булак-Балахович прислал в редакцию „Naier Haint'a" следующее письмо (№ 183—11-го августа 1921 года):

„Вы хотели бы беседовать со мной в связи с интервью Савинкова с сотрудником „Haint'a". Содержание интервью мне известно. Является весьма характерным, что именно в настоящий момент, когда конфликт между мною и Савинковым дозревает, когда я потребовал выделения моей армии вследствие провокационной политики Савинкова и его приближенных, когда я разоблачил весь план и основную линию его работы — тогда, когда я представил польским властям даже преступников, поддерживаемых материально Савинковым для устройства партизанщины с определенной погромной целью, в такой именно момент появляется интервью с Савинковым.

Стоя всегда на страже интересов польского государства, как его гражданин, в защиту которого я проливал свою кровь, а также имея в виду добро родственного мне белорусского народа и исполняя точно и лойяльно обязательства, принятые в отношении польского правительства, — я был удивлен, что Савинков „под секретом" об'являет в своем интервью urbi et orbi, что я, Балахович, тоже получил разрешение от польского правительства на организацию партизанщины в Белоруссии. Заявляю, что не только разрешений я не получал, но, напротив, я обязался абсолютно отказаться от всех партизанских выступлений, что я точно исполнял и соблюдаю. Узнав же, что над некоторыми моими людьми, среди которых, как мне известно, имеются действительно виновные, тяготеют обвинения, и что эти люди материально субсидируются Савинковым и эксплоатируются и поддерживаются для целей его политики, я запротестовал перед соответствующими властями о последствиях вредной и преступной политики Б. В. Савинкова. О моих протестах Савинков осведомлен.

Я сомневаюсь, чтобы Савинков получал какие-либо разрешения от польского правительства на организацию брожений. А если он действует, то делает на собственный риск и, как полагаю, без ведома польского правительства.

Опубликование в печати этого рода сообщений значит по моему мнению—поставить польское правительство в затруднительное положение перед Советами, и свидетельствует или о злой воле Савинкова, или об его политической недоразвитости.

А теперь несколько слов об антисемитизме Савинкова.

Неужели г. Савинков мог рассчитывать на наивность еврейского общественного мнения, которое аргумент об его одном сыне, рожденном от еврейки, приняло серьезно, когда действительность, во время его совместной работы со мной или в настоящее время, давала неопровержимые доказательства его отрицательной деятельности в этом направлении. Я вполне согласен с г. Савинковым, что писать — это одно, а делать — другое. Почему, однако, г. Савинков одно пишет, а иначе делает.

Впрочем, все дело выяснится перед судом, о котором я просил и которого я ожидаю. Я интернировал свою армию для очищения ее от разбойников и разоблачения преступников с целью снятия пятна позора с действительных героев, а также для реабилитации своего имени и близкой родни — опозоренного моими врагами.

Своих прегрешений я совершенно не намерен сваливать на чужие плечи, как привык делать Савинков. Я был бы счастлив, если бы во имя правды мое дело было бы выяснено.

В своем интервью Савинков сам признается, что его организации работают на Белоруссии,— а также пишет об офицерах, якобы противодействующих этим погромам, и что таковые перешли к нему от меня.

Поэтому заявляю. Следовало бы задержать офицеров: Павловского, Войцеховского, Сувалова, Павлова и других, субсидируемых и обрабатываемых политически русским комитетом, которые, находясь под следствием еще в моей армии, в настоящее время освобождены Савинковым из-за проволоки и продолжают работу Савинкова в Белоруссии.

Их именно работа приносит последние жертвы устроенных ими погромов, — которые Савинков старается как будто защищать и сваливает на мои плечи.

Вследствие того, что, как утверждает Савинков, я без характера и слабовольный, поэтому я обратился к польским властям с требованием арестовать тех помощников г. Савинкова, которые, по всей вероятности, имеют более сильный характер и поэтому более ангажировались в партизанские авантюры для „сильной" политики Савинкова.

Савинков вспомнил о моем демократизме. Три года, как сын народа, борюсь за защиту демократических лозунгов, с узурпаторами власти — за дело того же народа, не злоупотребляя своей властью, а также к ней не стремясь. Мой демократизм доказан действием, а эрзатц-демократизм Савинкова будет в конце концов разоблачен на основе фактов.

Если произойдут какие-либо недоразумения или осложнения, я всегда готов служить раз'яснениями, так как не думаю ничего скрывать, что было бы преступлением в отношении той геройской горсточки моих добровольцев, лишенных чести и свободы вследствие вступления в армию провокаторов и нескольких индивидуумов с темным прошлым и низкими инстинктами.

Ген.-подпоруч. Станислав
Булак-Балахович".

Не довольствуясь сообщением в газете, Балахович немедленно вслед за этим пишет „открытое письмо“ Савинкову, в котором совершенно приподымается завеса над всем происшедшим в Белоруссии, и ясно выступают роли всех соучастников данной трагедии.

В виду обширности письма и многих повторений, мы приводим из него довольно обширные выдержки. В моем распоряжении имеется копия его на польском языке, так что прилагаемый текст представляет собой перевод на русский язык.

Открытое письмо.

№ 385 от 16-го августа 1921 г.

Бывшему председателю Русского Политического Комитета в Варшаве Борису Савинкову.

Борис Викторович!

Ваша деятельность в качестве морального и правового опекуна моей б. армии теперь окончательно обнаружена.

Мое дальнейшее молчание могло бы иметь последствия, за которые я нес бы ответственность как перед историей, где мое имя уже вписано, так и перед обществом и страной, которую я защищал и сыном которой я являюсь. Много времени и крови я отдал в борьбе за свободу народов — все это я доказал на деле, а не публицистическими статьями... Руководясь побуждениями общего блага и подчиняясь повелениям свыше, я во второй половине прошлого года подчинился Вашему руководству, Борис Викторович, как председателю русского политического комитета в Польше, потому что в моем войске было много русских, фактических и истинных демократов — и в будущем Вы должны были еще больше таких людей мне доставить.

Я передал Вам как независимость политического направления, так и контроль и судебную часть моей армии...

Я долго молчал, несмотря на все политические ошибки, которые Вы совершили по отношению к моей армии и ко мне. Впоследствии, после всех Ваших выходок по отношению ко мне, я с братом решили прервать с Вами всякие отношения, ибо не хотели нести ответственность за Ваши милитаристические попытки, в то время как я, стремясь доказать свою лойяльность в отношении польского государства, согласился даже на интернирование моей армии, дабы, таким образом, исключить из нее все преступные элементы и раскрыть всех провокаторов...

Я, сын народа и подданный Польши, для защиты которой я привел в целях общей борьбы с большевиками отряд войск, имею право требовать на основании договора, заключенного мной с польским правительством 23-го февраля 1920 года, чтобы мою армию освободили от Вашего воздействия... Моя армия имела свою собственную политическую линию, так называемую „программу народной добровольческой армии“, она представляла собой „антибольшевистскую корпорацию“, к которой я примыкал как член таковой, и по программе коей моя армия действовала...

Затем Балахович пишет, что он не брал денег у польского правительства. „В то же время отделы, которые организовались

под вашим предводительством, в продолжение целого ряда месяцев получали деньги от польского правительства..., с тем, что когда они приступили к деятельности, часть из них перешла к большевикам, внеся дезорганизацию и учиняя погромы и грабежи за мой счет, а другая половина с вами во главе оставила меня одного на фронте и спаслась бегством...“

Пересчитывая вины Савинкова, Балахович между прочим замечает, что, с момента перенятия политического руководства над его армией русским политическим комитетом, была совершена деморализация армии, в виде ассигнований миллионных сумм его подчиненным, без его ведома, как, напр., случай в Люблине с полковником Микошой, полковником Духопильниковым и т. д. Кроме того, бездействие русского политического комитета повело к вредным последствиям для его армии... „После интернировки моей армии я был уверен, что каждая из сторон исправит свои прегрешения во имя общего дела; теперь же имеет место следующий замечательный факт: вместо того, чтобы наказать виновных, вы не упоминаете главных виновников погромов и грабежей, которым вы даете субсидии, помогаете переехать в Белоруссию, а оттуда обратно в Варшаву, где они подолгу живут. Партизанская война, которую они ведут, сопряжена для Польши с потерями и недоразумениями с советским правительством...“

Балахович жалуется, что его армия терпит невинно в лагерях в то время, как из лагерей выпускают определенных преступников, благодаря помощи Савинкова, и помогают им деньгами; это делается в целях устраивания погромов и преступлений, которые подхватываются французской прессой и приписываются ему, Балаховичу. „К числу этих преступников принадлежат бывшие полковники Павловский, Павлов, Войцеховский, Андреев, Эртман. Из их числа Павловский, Павлов и Войцеховский должны быть преданы суду за совершенные ими преступления, а вместо этого они под вашей эгидой и благодаря вашей материальной помощи продолжают свою „работу...“ „Все перечисленные лица по учинении ими погромов, как обычно, за мой счет, находятся ныне в Варшаве. Павловский под именем Суевского находится в отеле „Спорт“, Павлов— в „Ковенском отеле“, а Войцеховский после погромов, совершенных им в районе Копаткевичей, взят вами для выступлений в Варшаве... Коршунов, которого я хотел расстрелять за его

преступные действия, выехал благодаря вашему содействию в Вильно; однако, его там арестовали и предали суду"...

„Дело ясно — вам, для ваших целей нужны бандиты. Возьмите их всех".

Балахович жалуется, что люди, которые потеряли свое здоровье при защите Польши, все время получают отказ в денежных суммах на лечение..., в то время как „деньги находятся для разных разбойников и политических авантюристов"...

„Много раз я думал о том, кто вы такой, человек ли с ограниченным кругозором или преступник. И, к сожалению, я должен признаться, что я остался при втором определении". „Кого вы вначале поддерживали и финансировали в Польше? Глазенаппа, графа Палена, Ельвенгрена, генерала Бобошко и других... В канцелярских бумагах застряло много имен лиц, осужденных и скомпрометированных. Но, удивительная вещь, никого из виновников не наказали, наоборот, все фактические преступники успели уйти и во-время скрыться... Вообще вы держитесь такой тактики, что чем более люди скомпрометированы, тем они выгоднее, ибо можно их лучше держать в руках... Я был всегда осторожен в выдаче денежных авансов; вы же бросались миллионами, как это имело место с Войцеховским—он даже не выплатил жалованья солдатам. Вы же ему помогли освободиться и дали средства на жизнь в Варшаве. Разве вы не знаете, что он уже мной был осужден и разжалован?"...

„Да, Борис Викторович, настоящее письмо не предназначено для сенсации; оно должно осветить вашу деятельность, как стратога, политика и как политически-вредного суб'екта. Я пишу это не с целью „отличиться"... Польское правительство до сих пор рассматривало наши недоразумения, как наше внутреннее дело. Теперь же, когда дело дошло до того, что депутаты Сейма об этом говорят, представители иностранных миссий ко мне обращаются с вопросами о положении моей армии и об инкриминируемых мне погромах, дело принимает другой характер — оно привлекает к себе интерес внешнего мира. Некоторые детали нашего спора касаются и польского правительства, а потому он должен быть рассмотрен судом... Об'являю: раньше всего я служил своей родине Польше и родственному мне белорусскому народу. Савинкову я никогда не служил"... „Вы, может быть, сами не знаете результатов вашей деятельности. Ликвидация „союза защиты родины и свободы" коммунистами вызвала много репрессий на местное население... Вы создали в Европе мнение, что русский политический комитет организует погромы; и это не в форме слухов, а в виде определенных суждений, скрепляемых документами, фотографиями, отчетами о происшедших погромах. А разве вы думаете, что все это не использовывается немцами с целью понизить курс польской марки"... „Не подумали ли вы, Борис Викторович, почему Балахович имел такой успех в борьбе с большевиками, и почему он пользуется такой народной любовью: во-первых, потому, что он является всецело сыном народа — он служит не народу, а народному делу... Три года подряд я веду войну с большевиками. Я боролся за независимость Эстонии и Латвии... Я первый организовал польский военный отряд на русской территории, во Пскове, который сражался за вашу и нашу

свободу. Я внес в Польшу русское знамя, как представитель русских демократов, и был с энтузиазмом принят польским обществом. У Днепра я боролся за Белоруссию; вам я обязан тем, что я принужден был бежать, так как я видел, что вы меня предаете в руки врага. Могу смело заявить, что с 1914 года я не имел ни одной неудачи; таковой я не считаю вынужденное бегство из Белоруссии"... „Борис Викторович, я констатирую, что вы лжец, что мной доказано фактами"... „Есть еще один факт, который следует отметить для истории. Известный русский политик, пишущий антипогромные воззвания, не только сам принимает участие в событиях, деморализующих мое войско, поощряя их лично к насилию, но и отказывается принять скромную белорусскую свитку, а предпочел ей ограбленную у еврея шубу; так как низшие берут пример свыше, то войско стало следовать преподанному вами примеру. Означенный демократ имел интимные отношения к подозрительным личностям, которыми он пользовался в своих политических интересах. И эта персона есть не кто иной, как сам Савинков"... Подполковник Сосло-Лошненко и полковник Линднер об'явили без всяких обиняков, что Балахович является погромщиком и бандитом, что, желая освободиться от нескольких русских офицеров, он их послал совершать погром; когда же последние были учинены, он прибыл на место погромов и распорядился о расстреле офицеров. Лишь благодаря русскому политическому комитету, преступление было приостановлено... „Я требую поэтому, чтобы означенные господа показали на суде место, время и имена; если же они не докажут, то они должны быть наказаны, как провокаторы"... „И такими средствами борются за истинное русское дело"... „Вы субсидировали Дзергача, доктора Павлукевича, Мацелина, Орлова и толкали их на путь военных выступлений. И теперь еще русский политический комитет толкает моих людей на такие действия. Тот же Муравьев, который уговаривал солдат идти за генералом Глазенаппом, ныне вербует людей для транспортировки их по ту сторону границы под предводительством Павловского; единственной целью являются грабежи. Этот же Муравьев работает тайно в Варшаве вместе с Павловским и Войцеховским. Происходят и худшие вещи. Была задержана группа моих людей, отправлявшихся на работу; произошло это по приказу капитана Андреева, донесшего, что я хотел со своими людьми перейти границу и придти на помощь белорусским повстанцам. Но это не все—туда вместо моих людей были высланы другие, скомпрометированные... С целью дискредитирования „кооператива об'единенных белых", который стоял в стороне и не вмешивался в политику русского политического комитета, последний выслал свою организационную „пятерку" для агитации за оставление кооперативной работы и за участие в бандах, направляемых в Белоруссию. Престиж „пятерки" ясен из того обстоятельства, что один из ее членов сидел в цитадели за шантаж и провокацию, учиненные на моей квартире; по освобождении оттуда он был вами субсидирован и использован для означенной цели".

„И вся ваша провокаторская тактика преследует лишь одну цель— дискредитирование меня в глазах польской власти. И как вы можете приступить к созданию так наз. „третьей России", когда ваши способности исключительно разрушительного характера. Наоборот, ваши способности могут быть использованы вами в советской России... За все время вашей деятельности вы старались всех убедить в том, что у вас много приверженцев

среди крестьянства, что у вас прочная организации внутри России, что у вас обширные связи среди европейской демократии, что вам подчинены все партизанские отряды, и что вы боретесь с погромами; вы уверили, что ваша деятельность направлена как против большевиков, так и против немцев, и что вообще вы идеальный человек... Боясь оказаться дискредитированным, вы обращаетесь к газете „Haint“ за интервью... и ваша симпатия к евреям идет так далеко, что вы ссылаетесь на еврея свидетеля, который является якобы вашим собственным сыном („Haint“ № 181, от 9-го августа 1921 г.). Если ваши симпатии пойдут еще дальше, то можно будет ожидать, что вы примете еврейскую веру,— но и этим вы не скроете правды... Вы хотите напречь все ваши силы, чтобы оправдаться, и при этом вы валите все на других... Вам хорошо известно, что я намерен честно ликвидировать мою армию, и, несмотря на это, вы меня выставляете бандитом перед общественным мнением“.

Ссылаясь на отзыв в интервью Савинкова о нем, как о человеке слабовольном, Балахович предлагает ему подвергнуться обоим суду интернированных.

„Если я буду осужден, я готов подвергнуться смерти, ибо предпочитаю ее, чем жить с репутацией, которую Вы мне создали... Если Вы будете осуждены, Вы должны будете подвергнуться той же участи... Это единственный путь положить конец всем интригам“.

„Вы меня обвинили, теперь я обвиняю Вас. Погромы, в совершении коих Вы меня обвиняете, учинены были Вами же.

Вашим обвинением Вы запятнали мою честь, честь моей армии и моей родины. Я требую суда во имя справедливости“.

Собственноручное добавление Балаховича:

„Так как г. Савинков до сих пор не ответил на мой явный вызов, я посылаю копии письма всем заинтересованным лицам“.

Подпись: Станислав Булак-Балахович
Генерал-подпоручик.

24-го августа
1921 г.

Данная официальная переписка и полемика вполне подтверждает достоверность приведенных выше показаний и документов Красной Книги: Балахович воткрытую называет имена погромщиков Павлова, Эрдмана, Суевского и других, на которых указывают и арестованные савинковские агенты, как на организаторов партизанских отрядов под эгидой польского Генерального Штаба.

Вторая волна Савинково-Балаховической эпопеи, где оба героя выступают уже не союзниками, как в первой стадии, а соперниками, а впоследствии и кровавыми врагами, знаменует собой для еврейства Белоруссии огромную полосу кошмарного ужаса, детально нами рассматриваемого ниже. Полуголодные

банды Савинкова и Балаховича, с огромным опытом в погромном деле, проявленным уже в первой фазе их деятельности, творят свое безумно-жестокое дело еще в более грандиозных и страшных размерах. Уничтожение деревенского и местечкового еврейства, сплошные садические насилия над женщинами, огромные грабежи заполняют собой всю территорию Белоруссии. В орбиту бандитизма втягивается и местное крестьянство.

Народный союз защиты родины и свободы (Н. С. З. Р. С.) публикует воззвание к „евреям“:

„Граждане евреи.

Народный Союз защиты Родины и Свободы подтверждает свой боевой приказ о расстреле погромщиков.

Но он подтверждает также свой приказ о расстреле коммунистов и их добровольных пособников.

Народный Союз не может принять на себя ответственность за действия повстанческих отрядов, ему не подчиненных; но в отношении тех из них, которые позволяют себе громить еврейское население, он будет принимать такие же меры, какие он принимает в отношении враждебных ему войск.

Еврейские коммунистические отряды, а также национальные еврейские отряды, которые по каким бы то ни было побуждениям окажут поддержку коммунистам в борьбе против Народного Союза, будут расстреливаться. В этом отношении евреи разделят участь русских, латышей, украинцев, китайцев и других.

Еврейские вооруженные отряды, которые ставят своей задачей борьбу против грабителей и погромщиков, не имея в виду помогать коммунистам, будут в своей деятельности поддержаны отрядами Народного Союза.

Н. С. З. Р. С. Июль 1921 г.

(„Свобода“ 172/311
от 24 июля 1921 г.)

Это фарисейское и жалкое воззвание никого не пугает и никого не успокаивает — Савинково-Балаховщина стремится оккупировать Белоруссию для своих польских господ и для этого готова шагать через еврейские трупы; когда им не удается достигнуть своей цели, они на еврействе же проявляют свою кровавую мстительность.

Прежде, чем перейти к рассмотрению погромной деятельности Савинково-Балаховщины в обеих ее фазах, рассмотрим характеристики и личные подвиги обоих действующих героев.

2. Савинков и Балахович

Выступающий в Польше в качестве активного погромщика Борис Викторович Савинков — в прошлом видный террорист

и борец с царским самодержавием. Он выделяется в период, предшествовавший первой русской революции 1905 года, когда при его содействии были убиты целый ряд крупных представителей царской России, как Сипягин, Плеве, великий князь Сергей и другие. Уже к началу периода реакции (1908—1912) он раз'еден рефлексиями; он одинокий интеллигент, одинокий даже в своей партии социалистов-революционеров. В его нашумевших произведениях, как „Конь бледный" и „То, чего не было", чувствуется интеллигент, вытолкнутый самодержавием из всякого социального уклада, не находящий себе места в террористической организации, раз'едаемый вопросом, „можно ли убивать", не имеющий связей в широких массах, чуждый им так же, как они чужды ему. Доминирующая его черта, „авантюризм", находит себе почву в конкретно-реальной подпольной почве русского самодержавия. Эта же черта его отличает и во времена Керенского; Савинков—сторонник антантовского империализма—ему нужна война, он хочет военной славы России. Керенский нерешителен, он отражает назревающие в крестьянстве колебания, он чувствует, что масса войны не хочет, но, будучи связанным с союзниками, этот „рыцарь на час" вынужден наступать. Толкает его на этот путь Савинков; но в то же время он видит нерешительность Керенского, сознает рост социальной бури в стране, а потому он сдает революцию в первой ее фазе. Савинков изменяет Керенскому, он политический вдохновитель генерала Корнилова; авантюра этого политически неразвитого генерала немыслима без участия Савинкова. Но в то же время Савинков боится диктатуры генерала, она душна для его интеллигентской души, он оказывается предателем и авантюристом и в отношении к Корнилову. Октябрьская революция толкает его в лагерь активных противников советской власти; для авантюристической натуры Савинкова, выросшей и взлелеянной в подпольной атмосфере, вдруг оказалось раздолье—та же возможность террора опять стала реальной. После целого ряда неудачных заговоров и террористических актов Савинков оказывается в Польше. Здесь его судьба сталкивает с бывшим другом, таким же, как он, бывшим террористом, ныне маршалом и начальником польского государства Пилсудским—их обоих об'единяет ненависть к советской России. Пилсудский не боится банкрота Савинкова, не пугается его поражений, его политического одиночества,

он для него нужный человек в борьбе с Россией, исход каковой борьбы должен явиться решающим для политической карьеры Пилсудского. Савинков в руках Пилсудского то же, что последний в руках вождя военно-реакционной партии Европы, французского премьера Пуанкаре. Методы деятельности не смущают обоих — они в прошлом шли к своим целям, не стесняясь средствами; они привыкли служить империалистическим силам, думая, что используют эти силы для своих надобностей. Для Пилсудского союз с Савинковым означает видимый союз с „третьей Россией", для восстановления и освобождения коей от „большевистского ига" он идет рука об руку с русскими „либеральными силами". Для Савинкова это последний шаг банкрота, ва-банк, отделяющий его от полной политической смерти. Он идет на службу Польше, ибо надеется, что в случае успеха он сможет предать своего союзника так же, как он это уже много раз делал с своими союзниками и друзьями. Савинкову нужна ведь великая единая неделимая Россия, которой великодержавная Польша стоит на пути. Пока что Савинков союзник Пилсудского, советник его в русских делах: он толкает его по пути „освобождения" Украины и захвата Киева. Когда же план этот рушится, когда Польша заключает с советской Россией перемирие, а затем и мир, Савинков остается в Варшаве, причем вся его деятельность в Польше только и сводилась к тому, чтобы спровоцировать новую войну между Польшей и Россией, сохранить на этот случай в целости остатки интернированных армий, заручиться поддержкой Франции, подготовить к новому походу эмигрантщину. И он проводит последовательно и определенно эту идею интервенции; всюду, где он действует: при выступлениях в концентрационных лагерях, или когда он принимает представителей интернированных у себя в кабинете, когда он ездит в Париж, для переговоров с европейской демократией, когда он бывает у маршала Пилсудского, в иностранных миссиях, в польском генеральном штабе, — он резкий и ярый апологет „интервенции", по его фразеологии — „освобождения третьей России". Эта третья Россия должна быть „новой, не царской и не хамской, а истинно-народной, демократической, крестьянской".

Савинков не останавливается ни перед какими средствами борьбы; он потерял всякую почву под ногами, его ничто не сдерживает больше — от него отреклась его партия, правые

социалисты-революционеры. Его связь с генералами-громилами, в роде Булак-Балаховича, его участие в еврейских погромах, грубом русско-офицерском антисемитизме вполне естественны, они обусловлены его связью с французскими правыми кругами, разрабатывающими план русской монархической реставрации со всеми ее аксессуарами, белым террором, национальной травлей и проч.,—связью не на жизнь, а на смерть. Без всякого смущения Савинков лично участвует в Балаховических походах „в качестве добровольца"; он участвует во всем, что сопровождает эти походы,—в том числе отвечает и за то, что залиты еврейской кровью города и местечки Белоруссии...

На словах же он радикален; „радикализм"—это его единственный капитал, оставшийся от прошлого, капитал, необходимый Пилсудскому для его наступательных целей и им учитываемый. Савинков часто поэтому подчеркивает свое прошлое, чтобы оправдать этим свое печальное настоящее и своих „бесславных" союзников: „Я был в Петрограде, когда был убит великий князь Сергей, в Севастополе, когда был убит Чухнин, в Рыбинске, когда дрался Первухов, в Казани, когда дрался Каппель, в Мозыре, когда дрался Балахович,—и я был еще в других многих потрясенных революцией городах... Я боролся против Николая Второго, и я боролся против большевиков. Против Николая II-го я начал бороться юношей 18-ти лет. Против большевиков я начал бороться в первый же день большевистского переворота 25-го октября 1917 года. Против Николая II-го я боролся в союзе со всеми, кто вел с ним борьбу,—с Милюковым, с Пешехоновым, с Мартовым, с Мазуриным. Против большевиков я тоже боролся в союзе со всеми, кто вел с ними борьбу,—с Колчаком, с Деникиным, с Врангелем—и даже, страшно сказать, с Петлюрой" („Свобода", № 43 (181) от 24 февраля 1921 года)...

Во имя кредита, оказываемого Савинкову французскими и польскими империалистами, ему необходимо доказать свою связь с широкими народными массами. Для этой цели составляются в „Свободе" статьи с вымышленной информацией, печатаются „обращения" к Савинкову разных групп русского населения с призывом о спасении...

Чтобы понять всю глубину падения Савинкова, достаточно просмотреть жалкие статьи в „Свободе", эти аляповато, грубо

и безвкусно сочиненные „мандаты“ от имени „белорусского народа“ [1]), составленные в народном стиле „мужичка“ доброго старого времени.

Дорожа своим радикализмом, Савинков старается очиститься перед общественным мнением от обвинений в участии в погромах; он пишет покойному Ан-скому (Рапопорту), просит общественного суда, дает интервью представителям еврейской прессы... Все это последние шаги зарвавшегося авантюриста.

В отношении к евреям Савинков не менее двуличен, чем к Керенскому, Корнилову, Врангелю. В печати он радикал и демократ, для него национальность или вероисповедный вопрос не играет роли; он печатает воззвания против погромов, рассылает их не только в редакции еврейских газет, но и еврейскими общественным деятелям; он распинается в своих симпатиях к евреям и даже указывает, что у него сын — еврей.

Совсем иначе его поведение по отношению к евреям на местах погрома. В Пинске Савинков говорит с еврейской депутацией фразами, которыми в свое время из‘яснялся после Кишиневского погрома царский министр Плеве.

Интересно его поведение в Мозыре, где был учинен жестокий и кровавый погром [2]). „Савинков созвал митинг, на который еврейское население не явилось, ибо оно сидело в погребах. Савинков отложил митинг назавтра и приказал привести всех евреев. Их привели под оружием, он выразил радость, что видит еврейское население живым, ибо он не надеялся их видеть, так как армия Балаховича имела в виду вырезать все еврейское население в Мозыре, как коммунистическое гнездо; он, бывший министр Керенского, этого допустить не мог. Он просил евреев не разглашать в западно-европейской прессе про жертвы первой ночи (20 человек) и принять это, как должное, с открытой душой, ибо это война, а война требует жертв. От разглашения в прессе не будет легче ни евреям, ни Балаховичу, и указал на пример Пинска, где было вырезано 35 человек, и когда евреи разгласили в прессе, что было, 90 человек Пинска за это здорово заплатили“... [3]) Пуще всего Савинков боится гласности... „При каждом случае Савинков уверял, что не в интересах евреев разглашать в прессе про погромы,

[1]) Письмо Б. В. Савинкову („Свобода“, № 46 (185) от 27 февраля 1921 г.).

[2]) Отчет уполномоченного Евобщесткома (еврейского общественного комитета в Москве) по Гомельскому району Злотника.

[3]) Там же.

и, чтобы еще более убедить, что они не хотят погромов, и что он, Савинков, не антисемит, он заявил, что он женат на еврейке, и что в их армии еврейский отдел, на обязанности которого лежит следить за тем, чтобы не было погромов. Погромы же учиняются примазавшимися к ним красноармейцами".

Совсем иным бывает Савинков, когда он распоясывается в своей же компании монархистов-антисемитов; здесь он подлаживается вполне под их настроение и психологию.

Производя в Турове смотр Владимиро-Волынскому полку крестьянской бригады в присутствии начальника штаба полковника Лавочникова, поручика Шуньянца, командира полка и др. офицеров, Савинков закончил свою речь такими словами: „Наш славный батька Балахович, непобедимый, бесстрашный, сейчас где-то в тылу у большевиков взял много пленных, и к нему стекаются тысячами зеленые. Несмотря на наше отступление, мы победим. Наши неудачи происходят не от слабости, а от измены некоторых частей, продавшихся жидам. Я теперь убедился, что жиды являются нашими злыми гениями, большевики им милей. Когда пойдем вперед, то жида, пойманного в стане большевиков, не щадите. Помните, что где рубят лес, щепок не жалеют. А теперь прокричим „ура" нашему любимому батьке Балаховичу" [1]). А вот еще одно показание близкого соратника [2]): „В своем кабинете в Брюле Савинков советует в „союз" жидов не принимать. На заседании русского эвакуационного комитета, делая доклады о своей поездке в Париж, он говорит: „Против нас был яро настроен республиканский блок за осенние погромы, но мне удалось убедить, что я был противником погромов, после чего обещали травлю на нас в печати прекратить. Этому блоку я лично значения не придавал, потому что в нем нет даже ни одного человека христианского вероисповедания"...

В своей же грабительской компании Савинков умеет задавать тон и показать, что он не прочь поживиться за счет чужого добра. В письме Балаховича к Савинкову упоминается о шубе, взятой им у еврея. А вот и протокол о „шубе господина Савинкова"... Присутствующие: генерал Балахович, ад'ютант Шобловский и полковой ад'ютант: „Около 10—12 ноября

---

1) Атаман Искра (И. А. Лохвицкий), „То, что было", стр. 35.

2) П. Селянинов-Опперпут, „Народный Союз защиты родины и свободы", стр. 43, Берлин. 1922 г.

1920 года Савинков, бывший добровольцем в кавалерийском полку, получил вместе с другими рядовыми в Мозыре бараньи тулупы. Савинкову тулуп не понравился, и он обратился к Павловскому, чтобы тот достал ему порядочную шубу у „жида“. Когда ему принесли шубу из лисиц с бобровым воротником, он велел еврею бросить эту шубу на поддевку, и носит ее до сих пор. За его примером последовал Павловский и другие рядовые того же кавалерийского полка“ (идут подписи свидетелей солдат).

Есть еще показания хозяев евреев, у которых Савинков остановился в Мозыре, что он делился со своим денщиком награбленными вещами (отчет Гомельского уполн. Евобщесткома Злотника).

Савинков оказался битым и в Польше — его же „старый друг“ Пилсудский вынужден был выслать его из пределов Польши. Такова бывает ирония истории.

Правой рукой Савинкова в проведении его плана оккупации Белоруссии осенью 1920 г. был батька Булак-Балахович. Доброволец в начале войны 1914 года на восточно-прусском фронте, поручик во время наступления Керенского, Балахович становится „генералом“ во время гражданской войны, являясь ее характерным порождением.

Балахович типичный головорез, главарь шайки, наймит, переходящий от одного сюзерена к другому. Банду он привлекает и соединяет воедино тем, что он дает ей возможность грабить и насиловать, освобождая ее от какой бы то ни было ответственности. В своей газете „Верный Путь“, издаваемой во время его подвигов в Эстонии, он пишет: „Попадались ли среди чинов моих отрядов и штаба лица, виноватые в преступных деяниях? Да, попадались. В рядах моих солдат есть люди, заклеймившие себя перед законом... Виновные или нет, они мои боевые товарищи. Пусть это были разбойники“...

Деятельность его в Эстонии и Латвии ознаменовалась рядом кошмарных ужасов. Батька „изобретает“ особый вид смертной казни, „самоповешение“, когда осужденные полуголые под гиканье и свист толпы сами надевали на себя петлю, затягивали ее на своей шее и прыгали вниз. В своем органе Балахович об‘ясняет идеологически свое „изобретение“ тем, что он заметил, что „при этом чаще всего можно было угадать невинность осужденного“.

Личность этого садиста-разбойника и некоторые из его личных польских подвигов ярко выступают в брошюре одного из его сподвижников, полк. Лихачева, „Не могу молчать“, из которой приводим следующую выдержку (в изложении виленской „Unser Freund“ от 31-го января 1921 г.):

„Генерал Булак-Балахович! Обвиняю вас в следующих преступлениях:

1) 11-го августа Вы прибыли в специальном поезде на станцию Талка и потребовали от начальника мастерских, чтобы Ваш вагон, нуждающийся в починке, был исправлен в два часа. В ответ на слова инженера, что починка вагона потребует не менее 12 часов, так как в Талке нет запасных рессор, Вы вынули Ваш выложенный золотом браунинг и выстрелили в голову инженера, который пал мертвым к Вашим ногам. Убитый был отец многочисленного семейства, убит без всякого повода.

2) 13-го августа Вы застрелили на станции Верейки надсмотрщика водокачки за то, что локомотив Вашего поезда не мог набрать воды. Не помогли ни слезы старика, ни его уверения, что насос испорчен, и что он сам не в состоянии его исправить. Вашим солдатам Вы позволили ограбить дом надсмотрщика, что те тотчас же исполнили.

3) 16-го августа Ваши солдаты ограбили в дер. Дорогонове два еврейских дома (больше еврейских домов не было), а когда ограбленные евреи (Симха Лудков и Ицка Мулер) обратились к Вам с просьбой о помощи, Вы приказали хорунжему Дубинскому прекратить эти „жидовские крики“. Хорунжий Дубинский исполнил Ваш приказ, и оба еврея были расстреляны на Ваших глазах.

4) 18-го августа Вы собственноручно застрелили еврея Воска Надельмана, 79-тилетнего старика, который обратился к Вам за помощью для своей 14-тилетней внучки, которую солдаты насиловали почти целый день. Вы застрелили старика в тот момент, когда он лежал у Ваших ног и целовал Ваши сапоги.

5) В тот же день (18-го августа) Вы застрелили заведующего полустанком („Раз‘езд“ № 5) Михаила Волосова за то, что он позволил себе вызвать для себя с соседней станции запасный паровоз, что вызвало получасовую остановку Вашего поезда на полустанке. Когда же жена заведующего прибежала и стала Вас умолять сжалиться над ее мужем, отцом нескольких детей, Вы разрешили своей свите сделать с молодой и красивой женщиной что им угодно,—что свитой, конечно, было исполнено.

6) 20 августа Вы застрелили прапорщика Конельмана, когда он обратился к Вам с просьбой положить предел еврейскому погрому, учиненному хорунжим Дубинским и добровольцем Мураковым в дер. Слакены. Своей свите Вы заявили: уберите эту жидовскую собаку.

7) 22-го августа по дороге из Доргокова на раз‘езде № 8 Ваш поезд остановился посреди дороги. Вы лично в сопровождении Вашей свиты взошли на паровоз и спросили машиниста о причине задержки поезда. Он ответил, что в котле слишком мало пара, „так как дерево, употребляемое для отопления, состоит из старых балок; а так как путь здесь идет в гору, то надо приготовить больше пара“. Вы закричали: „сейчас будет больше пара“ и, открывши

дверцу паровоза, приказали солдатам бросить машиниста в топку. Приказ был исполнен, и бедный машинист на Ваших глазах был заживо сожжен.

8) В деревне Ковали Вы без суда и следствия застрелили около 20 крестьян, когда они обратились к Вам за платой за фураж, который солдаты взяли у них. Вместе с тем Вы заявили оставшимся жителям деревни, что если они не исполнят всех желаний солдат, то Вы окружите деревню солдатами и подожжете ее со всех сторон.

Генерал Булак-Балахович! Я публично обвиняю Вас в совершении изложенных выше преступлений, недостойных человека, заявлявшего, что он „борется за демократию и освобождение русского народа от большевистского ига". Я пробыл с Вами только десять дней, и в течение этого времени Вы совершили столько злодеяний, превзойдя Стеньку Разина.

Я покинул Вас, убедившись, что Вы подлый преступник. Оправдайтесь".

Аналогичные обвинения лично против Балаховича выставляются и другими многочисленными свидетелями. Приводим показание Р. Зоммер об убийстве Комаровского (Материалы клуба еврейских депутатов, вып. II, стр. 12):

„Генерал Балахович открыл окно и спросил: „что он кричит?" Солдаты ответили, что он не хотел слушаться. Тогда генерал спросил еврея: „что ты кричишь?" Тот ответил, что у него хотели снять сапоги. На это генерал Балахович сказал: „повесить его". Еврея повесили перед окнами. Через полчаса Балахович вышел на балкон и сказал солдатам, что если только какой-либо еврей закричит „гевалт", то его надлежит немедленно повесить.

На общебандитском фоне разложения белых частей, на фоне отдельных „батек" и „атаманов", которыми так богата гражданская война, личность „рыжего генерала" Балаховича выделяется особо своим циничным садизмом, своей гипертрофической кошмарной жестокостью, чисто патологического свойства.

Тем не менее, Балахович оказывается воспетым Д. Мережковским, плененным его „детскими глазами", и лондонский „Таймс" не считает для себя унизительным поместить посвященную Балаховичу статью, где в трогательных выражениях описываются патриархальные отношения между батькой-генералом и его солдатами, которых он называет „сынками"...

Савинков, даже в момент вражды с Балаховичем, в оправдание их связи квалифицирует его, как „демократа"... „Разбойник-демократ"—это поистине новое сочетание, честь изобретения которого принадлежит автору „Коня бледного".

3. Погромная деятельность Савинково-Балаховщины

Как ни ужасны погромы новейшего времени, все же злодеяния савинково-балаховцев ярко выделяются и на этом кровавом фоне. Во всех фазах существования этих отрядов— при успешном наступлении, затем при поспешном отступлении вместе с поляками, также в периоде партизанщины—всюду и всегда мы встречаемся с их дикой жестокостью, садическим глумлением, зверской жадностью. О погромах, учиненных ими в периоде русско-польской войны на территории Польши, собран огромный материал народным клубом еврейских сеймовых депутатов (Jnwazja bolszewicka a Zydzy, II); приведенные ниже протоколы, показания очевидцев и потерпевших и т. д. заимствованы из этого источника.

Один из самых ужасных и продолжительных погромов произошел во Влодаве [1]), где уже в конце июля происходили грабежи, ловля евреев для принудительных работ и прочие предвестники предстоящего отступления поляков. 8-го августа в город явились балаховцы и тотчас же наложили на город контрибуцию в 250.000 марок и 250.000 царских рублей. „В субботу 7-го августа рано утром балаховцы прибыли в Доброе Поле, расположенное в трех верстах от Влодавы. Там было несколько еврейских семейств, убежавших из города и скрывшихся у знакомого христианина. Балаховцы загнали всех женщин в сарай, заперли их там и начали издеваться над мужчинами, требуя от них денег. Их запугивали, стреляя над их головами, сдирали с них кожу, стягивали шею веревками и вешали их на деревьях, причем тех, кто хватался за веревку, рубили шашками по рукам и по всему телу; эти пытки повторялись несколько раз, пока не были отобраны все деньги. После этого они принялись за изнасилование женщин, в числе которых были и 14-летние девочки. Мойшу Фишмана застрелили, так как он вступился на защиту своей невесты...

В субботу и воскресенье еврейское население пекло хлеб из муки, полученной еврейскими детскими кухнями, готовило чай со сгущенным молоком и раздавало все это на улицах. Из окрестных местечек и деревень приходили ужасные вести о множестве убитых и повешенных евреев.

В понедельник утром в город вошли большевики. Они прежде всего устроили на рыночной площади митинг, на котором

[1]) Jbid. II, стран. 59—84.

они об'яснили цель своей борьбы. После этого они каждый день на рынке устраивали митинги и концерты на специально устроенной эстраде. Они вызвали несколько местных граждан и дали им пропуск для поездки за Буг, чтобы привезти трупы евреев, лежащие в лесах... Большевики приказали открыть все магазины, ничего, однако, не реквизировали; в общем, они вели себя очень хорошо... В понедельник 16-го августа большевики внезапно покинули город, а в полночь прибыли польские части, состоящие из познанчиков. Никто не выходил из домов, но слышно было, как они вламывались в лавки. Во вторник ловили евреев для работ, как-то: ношения воды, чистки лошадей, причем им обрезывали бороды... Во вторник вечером прибыли балаховцы и тотчас же приступили к грабежу лавок и домов и изнасилованию женщин. Многих женщин они увели с собой. Ночью два поручика вместе с солдатами вошли в квартиру Лейбы Лихтенберга и приказали подать еды. Поев, они потребовали 60.000 марок, грозясь вырезать не только семейство Лихтенберга, но и весь город. От Шаи Лихтенберга они потребовали указания места, где закопано золото и другие вещи. Егошуа и Мендель Лихтенберг отправились вместе с ними и собственноручно выкопали сундук с вещами. Они забрали вещи, затем положили в сундук Егошуа Лихтенберга и закопали его. Когда его тесть попытался звать на помощь, то к его темени приложили револьвер и пригрозили убить его, если он осмелится кричать. Через 8—10 минут Лихтенберга выкопали и держали под арестом до тех пор, пока отец его не принес 36.000 марок.

В среду утром балаховцы вошли в синагогу, с нескольких присутствующих сняли сапоги, а одного, который начал кричать, повели с собой. В это время проезжал батько Балахович и спросил, почему он кричит; узнав, в чем дело, он приказал его повесить. В течение ближайших четырех недель[1]) во всем городе грабили, насиловали женщин, издевались над свитками торы. Грабежи отличались диким вандализмом: из перин выпускали перья, в квартирах били стекла. На принудительные работы брали молодых и старых. Герша Шафирштейна, 60 лет, расстреляли на улице, так как он хотел уклониться от работы, для которой его поймали. Вечером, когда работа кончалась,

[1]) Это ярко характеризует справедливость утверждения Савинкова, что эксцессы происходили лишь в первый момент, а затем наступало успокоение

пленным не говорили, чтобы они шли домой, но всех били палками; это было знаком, что они могут уходить. На праздник Рош-Гашоно (новый год) на работу повели раввина и других граждан, а затем им отрезали бороды. Многих евреев брали, чтобы гонять скот".

Протокол подписали:

Абрам Борштейн

Яков Нусбаум.

Из отчета депутата Гартгляса о Влодавском погроме мы заимствуем нижеследующие выдержки:

„В Верещине балаховцы, отступая, изнасиловали много женщин, в том числе 12-летнюю девочку; убита была 22-летняя Сорка Грин, защищавшаяся от изнасилования; ограбили и убили двух евреев, а в Воле Верещинской — трех, прочих ограбили... В Кремне балаховцы убили 8 евреев, в том числе Ингберга, защищавшего свою дочь от изнасилования, выкололи ему глаза, подожгли дом и бросили его в огонь... Как только после отступления большевиков пришли балаховцы, началась „гульба". Прежде всего они потребовали от евреев овса, угрожая в противном случае повесить 100 евреев... Балахович лично приказал учинить „собачью смерть" над евреем, просившим оградить его от грабежа; вследствие этого приказа, еврей был зверски убит, причем ему предварительно отрезали уши и порезали лицо. В присутствии Ледермана Балахович сказал своим солдатам: „утром всех жидов вырежем".

Не без греха и атаман Искра (Лохвицкий). Хотя о нем говорят, что он лучше Балаховича, но все же и он любит деньги: когда Кацу был устроен шантаж (его обвинили в мнимом сочувствии большевикам), то Лохвицкий сам послал солдат к евреям, чтобы они собрали выкуп, и приказал выдать квитанцию, что это добровольный сбор в благодарность за борьбу с большевиками. В общем, в течение тех нескольких недель, что балаховцы провели во Влодаве, они ограбили почти все еврейское население, изнасиловали несколько десятков женщин и убили в самом городе 9 евреев (в окрестностях было еще убито около 40 человек)... В Шацке ограбили всех евреев, изнасиловали почти всех еврейских женщин, не исключая ни 12-летних девочек, ни 60-летних старух, и убили 158 евреев... В Кремне убили 56 евреев".

В конце своего отчета, составленного 28-го октября, депутат Гартгляс говорит, что „еврейское население теперь спокойно“. Каково это спокойствие, свидетельствуют последние строки отчета: „Бойкот еще более усиливает нужду евреев. Население жалуется на принудительные работы, падающие преимущественно на евреев, а также на злоупотребления со стороны отдельных солдат при незаконных реквизициях“.

Для иллюстрации отдельных моментов Влодавского погрома приведем некоторые из протоколов очевидцев.

Генрих Фишман, отец Мойши Фишмана, убитого за защиту своей невесты, показывает: „Комендант полиции Кочаровский (поляк) знает об убийстве моего сына Мойши. Он даже задержал убийц и разоружил их, но протокола не составил, говоря, что протокол будет написан самими балаховцами“ [1]).

„Я, Хаим Гданский, и я, Мендель Блюменкранц, показываем: через месяц [2]) после ухода большевиков балаховцы взяли нас на работу. Сперва от нас требовали денег, а потом повели в сад около монастыря. По дороге нас встретил капитан балаховец и спросил: „Кого ведут?“ — „Жидов“. — „Застрелить их“. В саду нас били, работы не дали никакой, зато нам велели (с нами был еще один еврей Маршалкович) спустить брюки и лизать друг другу седалищные части. Затем нам приказали друг другу мочиться в уши и танцовать; подожгли халат Блюменкранца и подозвали крестьян с повозок любоваться этим зрелищем. Наконец, они потребовали, чтобы мы привели им девушек или сами отдались им вместо девушек. Затем нам приказали держать пасущуюся там корову и совершать с ней половой акт“ [3]).

Месяц гуляли балаховические кондотьеры, месяц бездельничали (работали на них евреи), от'едались (кормили их евреи), насиловали женщин (еврейских), а для забавы всегда находили еврея, над которым всегда можно было вволю поглумиться. Мы здесь встречаемся с тем же сексуально-патологическим садизмом, который столь характерен для бесчинствующих и бездельничающих офицерских шаек, держащих в своей власти Венгрию.

„Когда стемнело, вошли несколько офицеров и около 20 солдат и, требуя денег, избивали всех присутствующих.

[1]) Ibid., стр. 72.

[2]) Когда, по словам Савинкова, „законная власть уже ограждала всех граждан“.

[3]) Ibid., стр. 72.

Всех обыскали, а женщин отделили. Одной из них, дочери убитого впоследствии Иоселя Ш., один из офицеров сказал: „поди-ка сюда". Когда она подошла, ей приказали сбросить платок, отвели в альков и там ее изнасиловали 20 человек, так что она почти не могла подняться. Потом выбрали внучку Нусина У., замужнюю, повели в альков и также изнасиловали. Затем другой внучке того же У., державшей на руках полуторагодовалого ребенка, приказали отдать ребенка другой старой женщине и спросили ее, не больна ли она. Она отвечала, что да. Тогда балаховец приказал ей пойти с ним на кухню, где он удостоверится, больна ли она. Там ее изнасиловали. Потом взяли Фельцю Х., 38 лет, отвели в погреб и там изнасиловали" (из показаний Абрама Грюнблатта)[1].

Мы подробнее остановились на погроме, или, вернее, на периоде погромов во Влодаве, так как то же самое повторялось в каждом городе, местечке, деревне, куда попадали балаховцы. Мы приведем ряд показаний из материалов еврейских депутатов.

Лощов. „Солдат-балаховец хотел изнасиловать 21-летнюю дочь Фейвеля Гамерклапа; так как она сопротивлялась, то он задушил ее, а потом застрелил. Во время погрома в город принесли труп годовалого ребенка, которому балаховец отрубил голову. Это был ребенок Леи Кригер из Воли Городецкой, о которой говорят, что она была обесчещена балаховцами" (II, стр. 93).

Комаров. „27-го августа убито 15 человек, ранено 75 чел., в том числе несколько детей 12—14 лет. Давид Зисман и его жена погибли при следующих обстоятельствах: балаховцы поймали в его квартире его 12—13-летнюю дочь, и несколько человек ее изнасиловало. Когда Давид стал защищать свою дочь, его застрелили. Его жена закричала: „Вы убили моего мужа, убейте и меня". После этого и она была застрелена. Дочь через два дня после изнасилования умерла. Ицхок, зять Цагера, был буквально изрезан в куски" (II, стр. 164).

Томашов. „Среди изнасилованных женщин находится девяностолетняя старуха; это теща резника Сруля Моисея Боцка, жена которого (свыше 60 лет) и дочь (19 лет) также изнасилованы" (II, стр. 108).

„Отряд балаховцев остановился на ночь в местечке; они тотчас обратились к раввину и потребовали от него контрибуцию

[1]) Ibid., стр. 77.

в 10.000 марок и два полштофа спирта. Местные обыватели собрали тогда 10.000 марок и передали офицеру. Офицер пересчитал деньги, иронически заметил: „великолепно“ и заявил: „До утра вы должны собрать еще 10.000 марок“. Когда Вейнберг спросил: „За что вы на нас накладываете контрибуцию?“, то офицер ответил: „Вы, жиды, всюду приветствуете большевиков, и я с вами завтра еще поговорю, чтобы была вам памятка, что сюда пришла русская власть“. Через 2—3 часа начались грабежи в еврейских квартирах“ (II, стр. 111).

Каменец-Каширский. „14-го августа город был занят войском Балаховича. В 3 часа ночи полковник велел позвать старосту и потребовал у него контрибуцию в 700.000 марок. Солдаты врывались в дома, грабили и изнасиловали несколько женщин. Когда евреи принесли полковнику собранные ими 48.000 марок, то он принял деньги, сказав евреям: „Несите— не несите, все равно резать будем“, а солдатам заявил: „Теперь идите гулять“. Один из офицеров вошел в квартиру Лейзера Айзенберга, потребовал денег и хотел изнасиловать его дочь. Когда она стала сопротивляться, то офицер отрубил ей ноги, вырезал язык и, наконец, застрелил. Равным образом он застрелил ее 51-летнего отца и 14-летнего брата, после чего он поджег дом вместе с ними. Штейнброта из Варшавы, работающего у лесопромышленника Голдыка, хотели повесить, так как у него не было 100.000 марок, которые требовали от него; его хозяин должен был за него заплатить 15.000, чтобы его освободить. На следующий день тот же офицер вновь его арестовал и повел к полковнику. Там он показал свои документы, а также удостоверения, что он является кандидатом в Сейм. Офицер приказал отвести его во двор, где его застрелили. У двух братьев Пинкуса и Менделя Малик отобрали 39.000 марок, а затем застрелили их; их жен принудили указать, где находятся спрятанные деньги, а затем их изнасиловали. Солдата Бокольчука бросили в реку, а когда он выплыл, его связали и опять бросили в воду. 70-летнюю Симу Бар облили керосином и хотели сжечь, однако, ей удалось спастись. 65-летнего Лейзера Цукермана и двух его сыновей положили на землю лицом вниз и застрелили. В квартире Бенциона Карша и Абрама Ицхока Эндина собрали 40 еврейских девушек и глумились над ними целый день“ (II, стр. 129). Всего в Каменец-Каширском было убито 63 человека.

Видронице. „У 35-летнего Шлоймы Фукса потребовали 20 тысяч рублей; этих денег у него не было; его тогда вывели из деревни и жестоко истязали: вырвали зубы, выкололи глаза, отрезали уши и в конце концов засыпали горло песком, так что он задохся. Эстер Малку Фукс, 70 лет, поймали и, забросив ей веревку на шею, требовали у нее денег. Она отвела их на еврейскую квартиру, надеясь, что она сумеет достать денег, чтобы откупиться. Однако, там они никого не застали, так как все скрылись; солдаты, видя, что она не дает денег, еще раз забросили ей веревку на шею, повесили на дереве, а затем отрубили голову шашкой. Майеру Исааку Тасля тупым ножом резали шею; он притворился мертвым, и его оставили в покое“ (II, стр. 146).

Дер. Бирка. „Прибыв в деревню, балаховцы встретили Зиса Марина и застрелили его. Через два часа прибыл другой отряд солдат и, застав Эльку Марин, оплакивающую смерть своего мужа, застрелили и ее. Искали еще евреев, но никого не нашли. Они тогда обещали награду какому-то крестьянскому подростку, если он укажет им евреев. Он указал госпожу Крайн, 70 лет, и ее сына Бориса Крайна; им распороли животы, затем застрелили“ (II, стр. 148).

Дер. Яревич. „Пинкуса Хинезона, 16 лет, Боруха Хинезона, 28 лет, его жену Лею, 22 лет, их двухлетнего ребенка, служанку Двойру Анель, 13 л., Хану Хинезон, 22 л., и Абрама Фридмана, 30 лет, сперва немилосердно избили, а затем расстреляли. Некоторые из них имели золотые зубы, которые им вырвали перед расстрелом“ (стр. 150).

Дер. Любайра. „Айзика Айзенберга, 68—70 лет, связали, бросили в колодец и стреляли в него; думая, что он уже мертв, балаховцы вытащили его; так как он еще жил, то его вновь бросили в колодец и стреляли... В дер. Мохро балаховцы увели 18-летнюю дочь Зискинда Рубинштейна, а когда отец и брат пошли отыскивать ее, то забрали и их. Долгое время ничего не было известно о судьбе семьи, и лишь потом узнали, что девочку балаховцы завели в дер. Куцки, там ее заставляли танцовать, прыгать через огонь и т. п., после чего ее изнасиловало 30 солдат. После изнасилования ей отрубили голову; тело нашли на дороге из Куцка в Мохры, а голова валялась в нескольких стах шагах дальше. Отца ее и брата нашли лишь впоследствии убитыми в яме между Куцком и Яновом“ (стр. 158)

Депутат Н. Прилуцкий дает в Варшавском „Moment'е" целый ряд материалов о действиях савинково-балаховцев; остановимся здесь лишь на некоторых эпизодах.

„Отступая из Пинска, армия Балаховича оставила чудовищные следы грабежей, убийств, пыток невинных людей, изнасилования женщин, в том числе 12-тилетних девочек, во всех местечках и деревнях, через которые прошла „добровольческая народная русская армия".

Мне сообщено лишь о небольшой части всех зверских преступлений, но и от нее кровь стынет в жилах.

В дер. Пнево, на границе Пинского и Ковенского уездов, „добровольцы" Балаховича ограбили еврея, вернувшегося из Америки. Местные крестьяне указали на него, как на богатого человека. У него отобрали 25.000 марок. Затем его обмотали колючей проволокой и катали по земле. Растерзанного и окровавленного его размотали, обложили соломой, солому балаховцы то поджигали, то тушили. Поиграв таким образом некоторое время, убийцы вымазали жертву свою смолой, которую они то поджигали, то тушили. Еврей сошел с ума от перенесенных пыток. Убийцы пристрелили его.

То же самое они проделали еще с одним евреем из этой деревни. В конце они его пристрелили. У остальных евреев этой деревни бандиты увели коров, а их домашний скарб они поделили между крестьянами.

Погром в Плотнице. Отряд Балаховича прибыл в Плотницу 2-го октября. Группа офицеров согнала в сарай все мужское население без различия возраста и об'явила, что все будут заживо сожжены, если немедленно не внесут 100.000 р. Так как денег у них не оказалось, забраны были все коровы у евреев этого местечка.

После ухода офицеров явились солдаты. Они рассыпались по всему местечку, требуя денег и вымогая их чисто инквизиторским путем.

Вот некоторые факты:

Лавочник Гутерман выдал солдатам все свои драгоценности и деньги в размере 140 рублей золотом и нескольких тысяч рублей царскими билетами.

По получении драгоценностей и денег солдаты изрубили Гутермана шашками, а его тещу, 80-тилетнюю старушку, зверски избили. От побоев она умерла через несколько дней.

Старик Плотник, у которого солдаты требовали денег, попытался бежать, но был пойман. Его подвергли пыткам, ему отрезали нос, а затем повесили. Его зятя Ошера Канат солдаты забрали с собою, якобы для того, чтобы он гнал забранных коров. По дороге он был расстрелян.

Его однофамильца лавочника Гирша Плотника ограбили. Солдаты, однако, настаивали, что награбленного недостаточно. Плотник и его 90-летний дядя Беньямин Левин были расстреляны, а жена его ранена.

Сын и брат Плотника были по возвращении с похорон убитых захвачены солдатами, которые подвергли их долгим пыткам, заставив их прыгать и лаять, а затем пристрелили.

Шестидесятилетнему старику Поляку отрубили руки, затем с него содрали кожу и прикололи.

Шестидесятилетнему торговцу Готлибу отрезали руку. Затем он был повешен. Но он оборвался. Тогда он был изрублен шашками. Лавочника Перльмутера душили веревкой, затем пристрелили. Портной Пивовоз был повешен в молельне. Лодочника Финкельштейна сожгли живьем на костре. Старушка Шифман была подвергнута неимоверным пыткам. Затем ее пристрелили. Другой, по фамилии Бренман, изрубили лицо, отрубили обе руки, затем ее прикололи. Третью, по фамилии Молочник, били прикладами, затем пристрелили. Затем убиты 7 человек, в том числе 10-летний мальчик Сапожник и 5-летняя девочка Туркенич. Есть еще очень много убитых, имена которых не установлены. Много людей бежало в леса и болота, где погибли от холода и голода.

Но самая страшная судьба постигла женщин и девушек. Насиловали и 9-летних девочек. В изнасилованиях участвовали, кроме солдат, также офицеры и врачи. Всех ужасов невозможно описать. Для иллюстрации приводим один факт. В одной квартире солдаты застигли трех сестер. Солдаты поочередно насиловали старшую, пока она не сошла с ума. Вечером на квартиру явились двое врачей из Красного Креста. Все спрятались. На квартире остались лишь старушка и 9-летняя девочка. Врачи угрозой расстрела принудили девочку указать место спрятавшихся. Последние были сведены с чердака. Врачи потребовали денег. Полученные сто рублей в пятирублевых билетах они поделили между собою. Затем они заявили одной из сестер, 17-летней девочке: если она не исполнит их требования, они

немедленно вызовут пятьдесят солдат, которые поочередно будут ее насиловать, а затем пристрелят... На третий день явились новые бандиты и изнасиловали третью сестру и 9-тилетнюю девочку. Последняя лежит в ужасном состоянии в Пинской больнице. Подавляющую часть изнасилованных заразили венерическими болезнями".

Приводим список погромленных городов, местечек и деревень за период действий народно-добровольческой армии (список неполный):

Влодава, Грубешов, Вербковицы, Тышовец, Комаров, Красноброд, Томашов, Кремец, Лашов, Тучан, Воля Городецкая, Телятин, Каменец-Каширский, Линива, Петриков, Давидгродск, Смидин, Турск, Городятин, Житковичи, Курмичи, Дрогичин, Пинск, Любомиро, Плотница, Линисевичи, Зомбчицы, Хволенская, Любашов, Стахов, Городно, Столип, Гудель, Туров, Ратно, Видроницы, Лучицы, Лун, Постуфли, Замшицы, Бирка, Датын, Дубечно, Синава, Видрич, Здамысль, Яревич, Нино, Велке Глуше, Велумче, Качин, Забрыдье, Речице, Хатишов, Ковель.

Погромные подвиги народно-добровольческой армии на территории Белоруссии характеризует доклад уполномоченного ОЗЕ Лифшица, ниже прилагаемый.

Перейдем теперь к рассмотрению партизанской фазы Савинково-Балаховщины.

Войска Савинкова-Балаховича после того, как они были разбиты в 1920 году красной армией, отступили на польскую территорию за Мозырь и как будто совершенно исчезли. Но в действительности они почти все время не переставали оперировать на территории Советской России в виде разрозненных отдельных банд из бывшего состава народно-добровольческой армии, к которому прибавляются местные дезертиры и бандиты; участвует в бандах и польский элемент, играющий предводительскую роль. Свидетельница Копаткевичского погрома сестра милосердия Карпова показывает, что „бандиты говорили по-русски, у них было много кокаина и морфия, среди них были и офицеры"; с двумя из них свидетельница говорила, они сообщили, что они—„балаховцы". Обследователь погрома в Реванческой слободе—13-го ноября 1921 г. (доклад уполномоченного Евобщесткома по Борисовскому уезду) показывает, что „первыми появились 9 бандитов, вооруженных с ног до головы; говорили они на польском языке, с польским акцентом, чины

их равнялись польским „хорунжам"... При погроме в Пуховичах среди бандитов несколько было одето в польскую военную форму, один русский поручик, остальные были одеты, как красноармейцы, несколько были замаскированы и обуты в лапти, из чего можно заключить, что среди бандитов были крестьяне окрестных деревень, которые потому были замаскированы, чтобы не выдать себя. Это доказывается еще тем, что местечко было бандитам хорошо знакомо, и им не приходилось разыскивать людей, которые у них были указаны в списках (информация Евобщесткома). Целый ряд свидетелей ужасов Копаткевичского погрома указывают на участие в погроме польских офицеров, также и на то, что некоторые бандиты были одеты в желтые польские мундиры.

Как мы выше видели, эти якобы разрозненные банды были организованы русским политическим комитетом при активном участии и содействии польского генерального штаба; отдельные формации были образованы Балаховичем также при содействии польских властей. Деятельность партизанских отрядов охвачена была общим стратегическим планом.

Между Мозырским и Бобруйским районом тянутся на расстоянии десятков верст леса и болота — и вот эту местность бандиты использовали, как базу, чтобы овладеть всем районом от границы за Мозырем до границы за Слуцком. По существу проводится тот же стратегический план, что и при народно-добровольческой армии, но уже другими методами действий. „Армия" заменяется „партизанщиной" под руководством пришлых с польского кордона польских офицеров и отдельных бандитских „батек", субсидируемых польскими деньгами. Для проведения своего плана в жизнь бандитам-партизанам необходимо было прежде всего заручиться симпатиями крестьян: без такого сочувствия, хотя бы в скрытой форме, никакая банда долго продержаться не могла бы.

В описываемое время (весна 1921 года) в Белоруссии замечалось определенное недовольство крестьянства советской властью. Экономическая политика советской республики по отношению к крестьянству зиждилась на продовольственной разверстке, при которой все излишки хлеба, за исключением самого необходимого для питания, отбирались на прокормление городов и красной армии по твердым ценам, во много раз низшим рыночных; крестьянин не мог распоряжаться свободно

этими излишками — они у него отбирались вооруженными продовольственными отрядами. К этому прибавляются суровые меры наказания за умышленное уклонение от означенной обязанности, нередкие злоупотребления при взимании продовольственной разверстки, некоторые виды натуральных повинностей, связанных с военными условиями, принудительные мобилизации и проч. Все это делало „коммуну“ ненавистным словом не только для „ку́лака“, но и для среднего крестьянина. Это недовольство и учитывалось при организации бандитизма, который должен был всячески привлечь крестьянство на свою сторону, — часть награбленного и отнятого у еврейства *обязательно* раздается крестьянству; таким образом, крестьянство в массе вовлекается в орбиту бандитизма. Кроме того, местная часть бандитов является родственниками и друзьями окружающего крестьянства, их связывают часто кровные узы — а потому неудивительно, что крестьяне укрывают бандитов, что они предупреждают их о приближении красной армии, что крестьянство образует для бандитизма надежный тыл. Насколько тонка, умна и политична была игра с крестьянством, показывает и то обстоятельство, что даже крестьянские советские власти, как сельские и волостные исполкомы, их председатели, мельничные контролеры и проч., встречают лойяльное отношение со стороны бандитов; истребляются лишь красноармейцы, да и то не всегда. А потому низшие крестьянские власти часто „нейтральны“ в этой борьбе. Положение этих властей в районе с еще не упрочившейся советской организацией не из легких: тут и симпатии кулацкой части крестьянства к партизанам, при неопределенном положении края, при неуверенности низших ячеек власти в прочности советского строя, тут и наличность среди сельских властей и т. н. „шкурников“, т. е. примазавшихся к советской власти во имя своих личных интересов кулацкого характера; такие элементы активно помогают близкому им по духу бандитизму.

Бандитизм находил себе, кроме того, активную поддержку у польской мелкопоместной шляхты, находящейся в изобилии в пограничных местах Белоруссии с Польшей. Руководящий польский элемент бандитизма им близок и родственен по духу, если не по плоти. Шляхта занимается, по преимуществу, информационной работой, давая нужные указания бандам и вводя часто в заблуждение деревенских и местечковых евреев.

Представители пострадавших граждан местечка Петище, Бобруйского уезда, Фарбер и Фрейнлах в докладе о погроме сообщают следующий любопытный факт: „Прибежал шляхтич и пустил слух по местечку, что в ближайшем хуторе находится 300 человек кавалерии Балаховича; целью это слуха было толкнуть евреев к немедленному оставлению местечка. Шляхтичу удалось-таки вызвать панику. Прибывший красноармейский отряд из Калинковичей установил, что всего на хуторе было 8 бандитов, а не 300, как выразился шляхтич, наш сосед“.

Первым этапом действий бандитизма в крае было „изгнание евреев из деревень“—это явилось определенным программным действием, начатым еще армией Балаховича. Это изгнание проводилось огнем и мечом. Начинается с убийства отдельных евреев в окрестных к местечку селах и деревнях, что вызывает естественное волнение еврейского населения, наученного горьким опытом действий Балаховической армии, и повальное бегство их. Возьмем картину Копаткевичского погрома. Началось с целого ряда убийств евреев в окрестностях местечка. Еврейское население окрестностей заволновалось, евреи, жившие в деревнях Копаткевичской волости, начали эвакуироваться, большинство из них переезжало в местечко Копаткевичи, как самый населенный пункт...

За деревнями последовали и местечки. Занимая любое поселение, банды наряду с истреблением евреев старались привести еврейские жилища в абсолютно негодный вид. Д-р Амдурский описывает действия бандитов следующим образом: „Бандиты сейчас же по вступлении бросились выискивать еврейское население; еврейские дома они разрушали, оконные стекла и рамы выбивались, все, что только поддавалось ломке, ломали, из перин и подушек выпускали пух, так что к моему приезду (18 часов после погрома) все улицы были завалены пухом. Самих же евреев они беспощадно убивали“. План разрушения до основания еврейских жилищ, дабы беженцам некуда было возвращаться, проводился в жизнь самым *определенным* и *точным* образом, куда бандиты ни вступали.

Лозунгом бандитов было „истребление всех евреев, дабы они не мешали христианскому населению свободно организоваться против советской власти для спасения России“; убивая, грабители кричали: „Долой коммунистов, смерть евреям“ (из отчета уполномоченного Евобщесткома Бобруйского уезда).

Погром в Любани, Бобруйского уезда, проходит под лозунгом избиения евреев, свержения советской власти, спасения России... В Копаткевичском погроме офицеры деникинцы сообщают свидетельнице Карповой, что „они ныне балаховцы, и что их задачей является вырезать еврейское население и коммунистов, чтобы в местечках и деревнях никого из них не осталось. Пусть остатки их концентрируются в городах, мы потом пойдем на города и расправимся с ними“. Лозунги эти, выявляющие действительную сущность бандитского движения, для которого грабежи являются сопутствующим, а не основным мотивом, всецело проводились в жизнь.

В отчетах о погромах мы читаем: „Откупаться от бандитов не удавалось: Нохум, беженец, пытался откупиться, но это ему не удалось; ему выкололи глаза и зверски убили. Лишь один случай, как исключительный, отмечается в отчете: женщина Эпельман отдала все драгоценности, когда стали резать саблей ей шею (доклад о погроме в деревне Реванческой Слободе 13-го июля 1922 г.). При Копаткевичском погроме Гольда Урецкая предлагает, как выкуп за мужа, деньги, вещи — но грабители ничего не берут, утверждая: „нам душа нужна“... Физическое истребление евреев проводится в этой второй фазе Савинково-Балаховщины, как и в ее первой фазе“...

Все описываемое проводится однообразно и планомерно по всей пограничной Белорусско-польской полосе. Таким образом, оказывается к весне 1921 г., что местечки Любань и Назарычь, расположенные в двух различных направлениях (Любань-Уречье около Слуцка; Назарычь-Петичь около Бобруйска), переполнены беженцами из окрестных поселений; они являются как бы обложенными бандами, которые рыскают по всей округе и готовятся к дальнейшему наступлению. Переезд из местечка в деревню или в соседнее местечко был сопряжен со смертельной опасностью, и кто рисковал предпринять подобное путешествие, платился-таки очень часто жизнью за подобную смелость (сообщение Самуила Штейнбука, местечко Давидовки, Карповической вол., Речицкого уезда, об убийстве его брата и других евреев—из материалов Евобщесткома).

Бандитизм рос и укреплялся, вследствие чего усиливался престиж его среди кулацкой части крестьянства. Методы привлечения кулацкого крестьянства на сторону партизанщины, как соучастника его в грабежах и дележах награбленного,

вырыли пропасть между крестьянством Белоруссии и населяющим ее еврейством. Еврейство в селах и местечках Белоруссии издавна жило в самых добрососедских отношениях с крестьянским населением. Как показывают все отчеты с мест, эти отношения всегда были нормальными добрососедскими; национальных трений Белоруссия не знала. Евреи, по преимуществу ремесленники, обслуживали, главным образом, крестьянское население. Крестьянин, как местечковый мещанин, имел своего сапожника, портного, кузнеца, плотника, как и своего лавочника, и относился к нему с уважением за честность, аккуратность и трезвый образ жизни... Физиономия еврейского местечка мало изменилась с установлением советской власти: ремесленники продолжали заниматься своим ремеслом, работая на крестьянство окружных сел. Торговый элемент местечка, естественно, потерял почву, но кое-как и он приспособился. Кроме того, в Белоруссии имеется еще с 50-х годов прошлого века целый ряд еврейских земледельческих колоний; часть еврейских колонистов занимается и ремеслами; отношения между колонистами и окружающими деревнями не оставляют желать ничего лучшего. Появление евреев, как элемента власти, совпало с эпохой советской власти, при установлении тяжелого для крестьян режима продразверстки. „Нетактичное, неумелое, а иногда и преступное выступление отдельных евреев — агентов власти вызвало, конечно, в том или ином случае раздражение крестьянства не только по отношению к власти, но и к евреям" (отчет Любанского учителя И. Коптича). По сведениям же из целого ряда мест участие евреев в власти не вызвало на них нареканий. Так, доклад из дер. Реванческой Слободы сообщает, что „евреев советских служащих (не ответственных работников) в этой деревне около 12, но никто из них не сталкивается с интересами крестьян при реквизициях, взысканиях. Польское население деревни пассивно антисемитское; в ближайших хуторах (3—4 верст.) население состоит в большинстве случаев из поляков, явно высказывающих свою враждебность к евреям. В деревне евреи составляют до 25% населения".

Предшествовавшая и сопутствовавшая Савинково-Булаховщине агитация среди темного населения Белорусского края старалась выставить евреев, как главных врагов христиан, а советскую власть, как власть еврейскую, стремящуюся к угнетению и подавлению православного крестьянства. Определенно

обострились отношения между крестьянством и евреями с началом Балаховических погромов; часть местного крестьянства, настроенная сочувственно к бандитизму, то пассивно получает часть добычи, то активно участвует в погромах. Роль местного крестьянства чисто грабительская. Ему не нужна „душа“, а имущество, и не только золото, драгоценности и николаевские деньги, как офицерам-предводителям, но и всякое движимое местечковое имущество, до которого так жаден бедный белорусский мужик.

Такой типично крестьянский погром произошел в местечках Котловичи и Петище. „Бандиты в‘ехали сюда на подводах и среди бела дня начали грабить имущество евреев и класть награбленное на подводы. Их подвод было для них недостаточно, и они забрали много подвод у местных жителей. Никого они не избивали, но их лозунг был уже другой: „Мы убивать никого не хотим, а берем лишь то, что нам необходимо. Мы только желаем, чтобы все к нам присоединились для борьбы с советской властью“ (материал по обследованию погромов Озарического района; информация Евобщесткома). Мало принимает участия крестьянство в убийствах и насилиях над женщинами. Последнее обстоятельство, подтверждаемое многими наблюдателями (по существу и понятное), давало часто руководящую нить при расследовании погромов — незначительное число изнасилованных женщин указывало на преобладание оседлого крестьянского элемента в погроме. В то же время крестьяне часто с риском для собственной жизни укрывают евреев во время погрома. Так, в Копаткевичах многие евреи спаслись лишь благодаря тому обстоятельству, что они находили убежище у крестьян. Крестьянка Евфимия Лазарчик сама предлагает еврею Мовше Кветну укрыться у нее на чердаке. К ней приходили бандиты, угрожали убийством за укрывательство еврея, но она твердо отвечала, что у нее евреев нет... Чуткость ее доходит до того, что она несколько раз посылает своего шестилетнего сына на чердак, чтобы успокоить укрывающегося (показание Кветны). Крестьянка укрывает сбежавшую от начальника банды „капитана“ молодую 18-летнюю девушку-еврейку; она переодевает ее в крестьянское платье и сажает в кружок с крестьянскими девушками (показание Симы Люлевой). Еврей Фальк Голод прячется у священника. В Любани во время погрома бандиты хотят сжечь синагогу с находящимися в ней евреями; местному священнику удалось упросить местного предводителя

банды не учинять пожара, „от которого могут пострадать и христиане“. Синагога с находившимися там евреями оказалась спасенной.

Волна бандитских погромов высоко вздымается весной 1921 года. В апреле, мае, июне этого года бандитами совершается целый ряд погромов в местечках и деревнях края. Много убитых, сплошные изнасилования женщин, полное уничтожение всего еврейского добра. Жестокостью хотят терроризовать все еврейское население края. При погроме дер. Убыбатьки, Кокоровической волости, Бобруйского уезда, разыгрывается следующая трагическая сцена: „Нас собралось 40 человек. Трое вооруженных, которых шайка называла балаховцами, приказали нам идти к реке. Не доходя до реки, один старик Сроель Берко, замедливший следовать за нами, был расстрелян. С нас остальных сняли обувь и верхнюю одежду, вогнали в реку с целью утопить нас. Но один из нас—Тевель Лившиц—был расстрелян, находясь в реке. Нас таким образом продержали в реке до вечера, и банда отправилась обратно“ (показание пострадавшего Эли Лившица). При погроме в Копаткевичах начальник банды отрезал парикмахеру (он же и музыкант) все пять пальцев руки, а потом убил ударом сабли по черепу (показание Симы Люлевой). Там же бандиты истязают евреев, заставляют их пить серную кислоту; когда один из евреев не стал пить, ему разрезали горло в трех местах и выбросили за окно (показание Овсея Гурвича). Наряду с жестокостью бандиты глумятся над беззащитными жертвами в их предсмертные минуты; типическая черта польских погромов и эксцессов—издевательство и глумление—проявляется и здесь при комбинации польских и русских бандитских элементов. При погроме в Стареве (июль 1921 г.) бандиты располагают бомбами, ружьями, штыками, револьверами и тесаками, убивали же, тем не менее, топорами, кольями, дубинами и толкачем; мучили и издевались над своими жертвами, вспаривали животы, насиловали и вырезывали груди женщин, пробивали черепа, с гиканьем и свистом наслаждались муками, хрипом и агонией недорезанных людей (дело о погроме в Стареве, газета „Звезда“, 203/887, 1921 г.)

Терроризованное еврейство края бросает теперь местечки, перекочевывает в большие города, Бобруйск, Слуцк. А бандиты совершают их бесчеловечно-дикое дело в очень близком, сравнительно, расстоянии от этих окружных городов и даже

всего 50 верст от Минска, как Пуховичах, где они взяли в плен 12 человек и требовали выкупа. Требуемые деньги они получили, а взятых в плен расстреляли. Погромная волна достигает кульминационного пункта в июне 1921 года. Тогда же разыгрывается и Копаткевичский погром, один из самых ужасных эпизодов в рассматриваемой нами белорусской трагедии.

Во всех проявлениях бандитских групп и шаек чувствуется общий план, координированность и однородность действий, что указывает на прочную непрекращающуюся связь с закулисной организующей их силой в Варшаве.

Как реагировало белорусское еврейство на описываемые ужасы?

Все еврейские поселения в охваченной партизанщиной и бандами области проявили упорное и настойчивое стремление к самообороне. Депутации еврейских местечек уже с начала 1921 года стали направляться в уездные исполкомы и ревкомы, в Бобруйск и Слуцк, с просьбой выдать оружие для нужд самообороны и защиты против бандитов. Эти делегации успеха не имели. Им было заявлено соответствующими властями, что оружия нет, но что они могут быть совершенно спокойны, власти предпримут самые строгие меры, чтобы покончить с бандитизмом. Некоторые делегации добрались до самого Минска. Самооборону и там считали излишней, главным образом, потому, что центральная Белорусская власть, как и уездные власти были настроены очень оптимистически, что вот-вот окончательно прикончат с бандитизмом. Нужно признать, что власти в центре, основываясь отчасти на тенденциозных сообщениях с мест, были абсолютно не в курсе дела—они считали, что они имеют дело со случайным неорганизованным бандитизмом, разбитыми остатками армии Балаховича, с которыми легко и просто можно будет справиться. Лишь значительно позже выяснилось, что тут имеются не разрозненные шайки, а организованная в границах края партизанщина, руководство и содержание коей находится за польскими кулисами, пользующаяся вдобавок симпатиями и поддержкой местного крестьянского населения. Шайки вырастали как-бы из-под земли, исчезали, опять появлялись с тем, чтобы вновь скрыться при появлении красной армии. Обычные предпринимаемые против грабительских шаек меры оказались недостаточными; необходимо было выдвинуть против бандитов регулярные силы и притом в большом количестве.

Когда весной 1921 года дикая вакханалия савинково-балаховских банд стала принимать огромные размеры, делегации угрожаемых местностей опять двинулись в ближайшие города, а затем и в Минск за оружием. С большим упорством добивались возможности самообороны представители еврейских колоний — им, связанным с землей, казалось безумием бросить все и уйти с кормилицы-землицы, в которую вложено так много упорного труда, коим воспользуются грабители и чужаки. Глубокой страстностью звучит голос представителя еврейских колоний Ковшиц и Козловичей Гольцмана: „Я, как представитель этих двух несчастных еврейских колоний, приблизительно 800—900 душ, уже два месяца оторванных от своих личных работ, обращаюсь с ходатайством. Время не терпит, каждая минута дорога, спасайте нас, пока не поздно. Делайте все немедленно, не ожидая формальностей. Жизни сотен человек честных граждан грозит смертельная опасность. Как передают, шайки бандитов пока небольшие, всего по 10—15 человек. Гнездо их в хуторах Качай-Болото, Черненской волости, в 5 верстах от Кошиц. Единственным спасением для нас является вооружение евреев-земледельцев наших колоний. Если бы в каждой из наших колоний было хотя по 10—15 винтовок, то мы защитили бы сами себя и честь наших жен и дочерей и могли бы продолжать нашу трудовую жизнь на насиженных местах, теперь же мы не можем выходить на поле и сенокос... В данное время, когда мы являемся беззащитными, у окружающих крестьян создается мнение, что нападения на евреев и погромы делаются с ведома советской власти, что дает повод к увеличению числа бандитов“.

Характерно обращение представителей Осиновичской Еврейской Общины, составленное в виде прошения:

Председателю Совета Народных Комиссаров Белоруссии. Копия в Белорусскую комиссию Евобкома.

Копия.

Представителей Осиновичской Евр. Общины Духовного Раввина В. Г. Цвика и З. Айзиковича

ПРОШЕНИЕ.

Наша Община послала нас сюда, чтобы передать Центральной власти обо всех ужасах, которые разразились почти над всем еврейским населением Бобруйского уезда. Грабежи и зверства свирепствующих здесь многочисленных бандитских шаек достигли огромных размеров. Ярость негодяев единственно

изливается на многострадальное еврейское население беднейших местечек, которое местами поголовно вырезывается. Проходит волна погромов со всеми их ужасающими атрибутами, дикими грабежами, изнасилованиями женщин, невероятными жестокостями над стариками и детьми и зверскими убийствами. Обо всем этом мало известно широким массам Центра только потому, что жертвою злодеев становится беззащитное население заброшенных захолустьев, лишенных каких бы то ни было войсковых частей, не имеющих сил для организации самообороны, а потому идущих под нож убийц, как агнцы на заклание.

Приведем наиболее яркие из многочисленных случаев:

В ночь с прошлой среды на четверг подверглось нападению м-ко Любань, причем вырезано, насколько известно, свыше ста человек евреев мужчин и женщин. Приблизительно в то же время сделан налет на станцию Фаличи, где, к счастью, дело ограничилось только повальным грабежом и жестокими избиениями. Около станции Тальки бандиты повесили 70-летнего еврея и зверски убили двух молодых людей. С 29-го мая до 30 с. м. около ста бандитов произвели настоящий погром в самой Тальке, где, между прочим, много раненых; остальная же часть населения спаслась бегством.

Таких случаев было очень много около м-чек: Гвоздянки, Уборок, Дараганого, Старой Дороги. Спасти еврейское население от поголовного истребления возможно лишь путем расквартирования в местечках хотя бы самых мелких войсковых отрядов. Опыт показал, что десяток — другой солдат легко отражает самые сильные нападения бандитов (пример — местечко Шацк).

В виду вышеизложенного, убедительнейше просим оказать нашему району защиту от банд присылкой воинских отрядов, а если это почему-либо невозможно, то хотя бы снабжением населения оружием для организации самообороны.

2/6—21. Подпись: Венициан Цвик.

Нужно констатировать, что положение создалось трагическое для еврейского населения Белоруссии. Борьба с организованным бандитизмом могла вестись лишь регулярными военными силами по правилам военной стратегии. Стратегический же план часто требует переброски военной силы из одного места в другое, не считаясь с защитой того или иного пункта, что для несчастных жителей оставляемого пункта означало часто мученическую смерть. Недопустимо было также с точки зрения целесообразности, т. е. скорейшего искоренения бандитизма, распыление армии на отдельные отряды, предназначенные для охраны отдельных пунктов. Не говоря уже об опасности такой меры, которая могла бы повлечь за собой постепенное вырезывание отдельных частей красной армии и вместе с ними и беззащитного еврейского населения, — оставление для охраны еврейского населения красноармейских рот должно было вести к их ослаблению.

Вопрос о вооружении еврейского населения был весьма сложен в его конкретной обстановке: вооружать население за счет армии, конечно, было нецелесообразно, ибо в его руках оно не достигало бы должной цели. Практически самооборона понималась, как „задание не пускать бандитов в охраняемый самообороной пункт“. По мнению идеологов самообороны, ограничением последней одним только этим заданием достигается полный успех во всей работе. „Между тем, среди губернских властей района намечается тенденция пользоваться самообороной с целью преследования бандитов по пути их бегства. Самооборона, выходя за пределы города, теряет свое основное значение и, оставляя город без защиты, подвергает его опасности нападения“ (доклад 2-го сводного санитарно-эпидемического отряда Народного Комиссариата Здравоохранения. Гомель. 1-го июня 1921 г.). Так же понимали задачи самообороны и все делегации, хлопотавшие об оружии. Очевидно, что при такой постановке дела бандитизм остался бы вечной угрозой, и мало-по-малу, перегруппировавшись, он покончил бы с самообороной, воспользовавшись ее же оружием. Помимо того, самооборона может дать положительные результаты лишь в случае, если противник плохо вооружен или если его мало. Самооборона оказалась действительным средством противодействия при дореволюционных царских погромах, когда полиция и войска соблюдали декорум нейтральности. Трусливой, неуверенной в своей безопасности толпе громил, полупьяной, а отчасти и совсем пьяной, нетрудно было противостоять — она разбегалась при первых выстрелах. Технически погромы царского периода происходили таким образом, что громилы делились на группы, сравнительно незначительные, и каждая направлялась по отдельной улице. Самооборона при организованной разведке загораживала им путь, давала выстрелы, иногда в воздух, иногда в громил, и разгоняла их. Так было при Гомельском погроме, когда бундовская самооборона сыграла весьма крупную роль. Уже пореволюционные царские погромы 1905 — 1906 г. делают роль самообороны призрачной; погромы эти производятся при активном участии полиции и войск; для противодействия нужна была уже не „самооборона“ в техническом смысле, а организация военных частей, которых, конечно, за исключением областей со специфическими условиями, где происходили открытые вооруженные восстания, как в Прибалтийском крае,

быть не могло. Крайне поучителен вопрос самообороны в украинских погромах новейшего времени: как мной уже показано в моей книге об украинских погромах (глава VI), все попытки организации самообороны и национальных отрядов кончились весьма печально для евреев. Хорошо вооруженному противнику, обладающему маузерами и пулеметами, владеющему оружием в совершенстве, действующему по правилам военной стратегии, можно противопоставить воинскую и только воинскую силу; самооборона в ее примитивно-технической форме оказывается совершенно бессильной. Это подтверждается и в Белоруссии. Конечно, тот или иной пункт может отбиться от незначительной шайки, но стоит этой банде увеличиться присоединением соседних банд или притоком сил из местного крестьянства,— и самооборона оказывается бессильной. Автор выше цитированного доклада о Любанском погроме учитель, Илья Коптич, является апологетом самообороны. Он несколько раз ездит хлопотать в Бобруйск о вооружении для самообороны, причем признает, что результаты были неудачны. Самооборона, тем не менее, была организована; оружие ее состояло из 2—3 ружей, десятка револьверов; многие имели самодельные прутья, штыки. Развитие погрома в Любани произошло, по сообщению Коптича, следующим образом: 25-го мая после полудня в Любань прибыла разведка 7-ой роты 21-ой пограничной бригады. Она ехала в Плюсню (где бандиты 22-го мая уничтожили роту красноармейцев). В Любани они должны были встретиться с отрядом пехоты в 60 человек при одном пулемете. Но этот отряд до ночи не прибыл, и разведка осталась ночевать в местечке... Крестьяне из окрестных деревень передавали втайне своим знакомым евреям, что бандиты уже находятся вблизи Любани, и что готовится вскорости нападение. Паника в местечке все возрастала. „Самооборона“ не спала и была на страже в Большой синагоге. Кавалерийская разведка об‘единилась с самообороной. Они еще не успели лечь, как бандиты стали стрелять по местечку. Завязалась перестрелка между ними и красноармейцами, в результате которой последние принуждены были ускакать... „Евреи стали прятаться во ржи. Старики и лица средних лет ушли в синагогу. Самооборона разослала верховых по всем дорогам, но никто из них ничего не заметил. Была холодная ночь, на всех дорогах кругом было очень тихо. Тишина и спокойствие кругом всех нас успокоило;

во многих домах уже и дети начали приходить в себя. Многие женщины опять улеглись спать, одетые, по обыкновению. Посты самообороны, расставленные по всем углам местечка, сообщили, что кругом нет никаких признаков какого бы то ни было движения... Самооборона в течение всей ночи, как и многие предыдущие ночи, не спала, бегала туда и обратно, искала, исследовала, но решительно ничего угрожающего не заметила... К утру совершенно неожиданно целый град пуль и прямо над синагогой,—стреляют, видно, из большого количества ружей, стучит и пулемет. *Против такого огня самообороне немыслимо было устоять, и все разбежались*"... Да иначе и быть не могло: поскольку противником являлась организованная партизанщина, которую можно выследить с большим трудом, которая вырастает в виде грозной вооруженной силы как бы из-под земли, постольку самооборона является совершенно бессильной: перед ней дилемма—или разбежаться или быть вырезанной.

Политически, вооружение еврейского населения, как такового, могло бы оказаться для него роковым. Как мы выше показали, крестьянство в массе далеко не было враждебным по отношению к евреям, скорее оно было дружелюбным. Правда, некоторая часть местного крестьянства участвовала в грабежах, но к убийствам и половым насилиям крестьянство почти отношения не имело. В противоположность украинскому крестьянину, в общем антисемитски настроенному, белорусский крестьянин миролюбив и к еврею хорошо расположен; с опасностью для жизни он укрывает евреев во время погромов, предупреждает об опасности, психологически ему еврей близок—еврейство в своей массе в Белоруссии трудовое. Организация самообороны, т. е. вооружение советской властью евреев против „православных" бандитов, могло быть воспринято крестьянином, как тождественность евреев и коммунистов; еврейство вбивалось бы клином между крестьянами и партизанами, сходными по происхождению, вере и традициям, социальному положению, часто родственными и близкими. Такое вооружение евреев, хорошо использованное удачно поставленной контрреволюционной агитацией, толкнуло бы крестьянство широко в об'ятия партизанщины и создало бы единый крестьянский фронт с роковыми последствиями для белорусских евреев.

Однако, дабы в отчаявшихся еврейских массах, терроризованных бандитизмом, не создалось впечатления, что советская

власть для них ничего не делает, что она их выдает головой бандитизму (борьба с последним велась упорная, но она была сложна, и, вследствие специфического характера противника, результаты не сразу могли обнаружиться), Белорусский Евобщестком устроил в Минске совещание по этому вопросу (август 1921 г.). Совещание пришло к выводу о рациональности вооружения членов профсоюзов (евреев и христиан), которые могли бы взять на себя защиту отдельных пунктов от нападений бандитов. Приглашенный на совещание представитель комиссии для борьбы с бандитизмом, бывший все время противником самообороны, тоже признал целесообразность этой меры „при настоящем положении вещей“ (доклад Белорусской комиссии Евобщесткома).

Но в общей борьбе советской власти с бандитизмом вооружение профессиональных союзов сыграло сравнительно незначительную роль: вооруженная борьба красной армии и отрядов особого назначения, установленная советской властью круговая порука низших органов власти, сельских советов и сельских исполкомов, за информацию о приближении бандитов, аресты сельских властей в случае погрома — дали положительные результаты.

Укрепление советской власти в международном положении и вынужденное прекращение поляками субсидирования Савинковской организации повело к прекращению этой кровавой Польско-Савинково-Балаховической авантюры, так дорого обошедшейся еврейскому населению Белоруссии. Организованная партизанщина окончилась с уничтожением ее организующей силы в Варшаве; разбитая к тому же вооруженными советскими силами, она распалась на ряд мелких разбойничьих шаек, с единой целью грабежа, безразлично, еврея или крестьянина. Крестьянство совершенно меняет свое отношение к бандитизму — оно отрезвлено провалом польской авантюры; новая фаза партизанщины опасна для крестьянства, ибо оно уже само является об‘ектом нападений; к тому же новая хозяйственная политика советской власти меняет отношение крестьянства к этой власти, защищающей его от вожделений польских помещиков на его землю. Крестьянство стало активной силой в борьбе с бандитизмом; в целом ряде пунктов появляются крестьянские отряды со специальным назначением борьбы с бандитизмом, давшие прекрасные результаты.

Лишившись опоры в местном населении, бандитизм должен был бы вымереть при активной борьбе с ним вооруженных сил советской республики, что фактически и случилось. Обследователь бандитизма в Белоруссии в 1922 г. уполномоченный Евобщесткома Пайкин („Aufbau“, № 5—6, стран. 31—35) на основании сведений, собранных на местах, констатирует следующее:

„В Минской губ., сильно пострадавшей от бандитизма и погромов, ныне о них ничего не слыхать; некоторые нападения на мирных граждан, имевшие место в последнее время в некоторых пунктах Белоруссии, носят характер обычных убийств с целью грабежа и не имеют никакого отношения к организованному бандитизму. Ликвидация бандитизма в Белоруссии и успокоение населения лучше всего доказываются массовыми возвращениями евреев в местечки, оставленные ими год тому назад из-за погромов. Бандитизм, как организованное явление, в частности, направленное специально против евреев, не существует больше. Евреи свободно передвигаются даже в районах, далеко отстоящих от городов; они уверенно едут по деревням ради торговли и других целей. Процветают ныне и еврейские колонии и в Бобруйском уезде (Зайцы, Котловичи и т. п.), которые еще год тому назад страдали от бандитизма... Оперировавшие банды, более или менее организованные, ликвидированы, или сами исчезли. А те, которые остались, как, напр., банда „Красный Столб“, об‘явили, что хотят сдаться“...

Подводя итоги, автор приходит к следующим выводам относительно 1922 года:

1. Политический бандитизм недавнего прошлого совершенно ликвидирован на всей территории западного фронта... Активный ныне бандитизм носит исключительно уголовно-разбойничий характер; по существу и последний бандитизм искореняется благодаря энергичным мерам советской власти.

2. Нынешний бандитизм нигде не носит специфического антиеврейского характера.

3. Отношения крестьянства к нынешнему бандитизму определенно отрицательны. Прежнее пассивное и временами сочувствующее отношение к бандитизму превратилось во враждебное и принимает характер активных выступлений против бандитизма. С особой ясностью это вытекает из добровольных крестьянских отрядов Витебской губ., направленных против бандитов,

и активных крестьянских выступлений во многих местах, как в Климовичском, Бобруйском и других уездах.

4. Медленность борьбы с бандитизмом об'ясняется исключительно стратегическими условиями... Малое число бандитов скрывается в густых лесах, в болотах, где воинским отрядам трудно пройти; однако, борьба ведется интенсивная; остатки разбитых банд постепенно уничтожаются".

При сем таблица погромленных пунктов Белоруссии за период 1920—1921 г.; нечего и упоминать, что таблица неполная и страдает недочетами, в частности действительное число изнасилованных женщин и девушек во много раз превышает число зарегистрированных; по вполне понятным побуждениям многие скрывают свой „позор". Что касается материального ущерба, то нет никакой возможности его оценить — сотни еврейских поселений в местечках разгромлены окончательно, то, что накопилось веками, во что вложена энергия поколений,—было снесено до тла ураганным огнем „освободителей Белоруссии".

ГЛАВА V

ПОЛЬСКАЯ ПЕТЛЮРОВЩИНА

Многогранность польской погромной деятельности об‘ясняется тем обстоятельством, что для проведения своих империалистических целей Польша периода 1921—1922 годов стремится использовать политически разложившиеся элементы как Великороссии, так и Украины. Польша кропит живой водой субсидий эти мертвые элементы, дает им возможность организоваться и втянуть в свою орбиту голодающую эмигрантскую военщину, а затем она толкает их на путь наступления на их же родину. Силы эти, как Савинково-Балаховщина, так и Петлюровщина, еще в периоде борьбы за свое существование в России и в Украине проявили себя, как истинно бандитские и разбойничьи. Однако, методы их действий, террористически-погромные и мародерские, являются не только приемлемыми, они прямо желанны их союзнице, так как они наносят значительный вред ее врагам—Советской России и Украине, с которыми она в тот период борется не на живот, а на смерть.

Связь Польши с российскими контр-революционными силами рассмотрена нами выше; в данной главе рассмотрим ее связь с Петлюровщиной и погромную деятельность данного синтеза сил.

Вытесненное окончательно из пределов Украины, прославившееся кровавыми погромами над беззащитным еврейским населением, правительство „Украинской народной республики“, вместе с его главой „верховным атаманом“ Симоном Петлюрой, ищет покровительства и находит его у исконного врага Украины, у панской Польши, стремящейся к округлению своих владений до границ 1772 года и колониальному использованию Украины. Зато компенсацией со стороны Польши является возвращение трона директории и верховному атаману.

Наилучшим освещением создавшихся отношений между обоими контрагентами является заключенное между ними тайное соглашение. В виду его характерности и исторического значения, приводим его целиком:

„Правительство Украинской Народной Республики, с одной стороны, и Правительство Польской Республики с другой — в глубоком убеждении, что каждый народ обладает прирожденным правом на самоопределение и установление своих отношений с соседями, и исходя из желания упрочить основы для согласного и приязненного сожительства на благо и развитие обоих народов,— сошлись на следующих постановлениях:

§ 1.

Признавая право Украины на независимое государственное существование на территории и в границах на север, восток и юг, поскольку границы эти будут определены договорами Украинской Народной Республики с ее пограничными соседями,— Польская Республика признает Директорию Независимой Украинской Народной Республики, с Генеральным Атаманом Симоном Петлюрой во главе, в качестве Верховной власти Украинской Народной Республики (У. Н. Р.).

§ 2.

Граница между Украинской Народной Республикой и Польской Республикой устанавливается следующая: на север от реки Днестра вдоль реки Збруча, а дальше вдоль бывшей границы между Австро-Венгрией и Россией до Вышегрудка, от Вышегрудка на север мимо Збилье-Кременецкого, далее по линии на Здолбуново, затем вдоль восточной административной границы Ровенского уезда, дальше на север вдоль административной границы бывшей Минской губернии, вплоть до пересечения ее с рекой Припятью, а затем вдоль Припяти до устья ее.

Что касается уездов Кривинского, Дубенского и части Кременецкого, которые сейчас отходят к Польской Республике, вопрос будет решен детально впоследствии.

Подробное очерчение пограничной линии имеет быть выполнено особой Украинско-Польской комиссией, состоящей из подлежащих специалистов.

§ 3.

Польское Правительство признает за Украиной территории на восток от границы, указанной во втором параграфе настоящего соглашения, вплоть до границ Польши в 1772 г. (перед разделением), которыми Польша уже владеет, или же получит от России при помощи оружия или дипломатических переговоров.

§ 4.

Польское Правительство обязуется не заключать никаких международных соглашений, направленных против Украины; Правительство У. Н. Р. принимает на себя такое же обязательство относительно Польской Республики.

§ 5.

Права национально-культурные, которые Правительство У. Н. Р. обеспечит гражданам польской национальности на территории У. Н. Р., будут в такой же мере обеспечены гражданам украинской национальности в границах Польской Республики, и наоборот.

§ 6.

Заключается особое экономическое и торговое соглашение между У. Н. Р. и Польской Республикой.

Земельный вопрос на Украине будет решен Учредительным Собранием. До момента созыва его юридическое положение землевладельцев польской национальности на Украине определяется особыми соглашениями между Польской Республикой и У. Н. Р.

§ 7.

Заключается военное соглашение, составляющее интегрирующую часть настоящего соглашения.

§ 8.

Соглашение это остается тайным. Оно не может быть сообщено третьей стороне или быть оглашенным целиком или частично иначе, чем с обоюдного согласия обеих договаривающихся сторон, за исключением § 1, который будет оглашен после подписания настоящего соглашения.

§ 9.

Соглашение сие вступает в силу немедленно по подписании его договаривающимися сторонами.

Подписано в Варшаве 21 апреля 1920 г. в двух экземплярах, один на украинском языке, другой на польском языке, причем оговорено, что в случае сомнений польский текст будет сочтен решающим".

В виду явной ненадежности и политической смехотворности своего контрагента, директории, Польша для пущей верности хотела иметь на договоре печать „украинской общественности", что дало бы ей видимость морального оправдания своего наступления на Украину, план коего уже обсуждался в польском генеральном штабе.

Для этого потребовалось, чтобы проект соглашения, или, точнее, запродажной и купчей крепости, повергающей Украину под ноги Белому Орлу, был предварительно одобрен теми украинскими общественными группами, которые нашли свой приют в Польше. Представительство Украинской Народной Республики в Варшаве созвало в конце февраля 1920 года совещание из общественных деятелей, которому был пред'явлен для обсуждения проект договора с Польшей. Из протокола этого совещания выясняется, что, кроме пресловутых

„хлеборобов“, т. е. попросту украинских помещиков польской национальности, здесь присутствуют также представители давно уже поблекших и сошедших на нет украинских социал-демократов и социалистов-революционеров; сюда же были приглашены несколько лиц беспартийных, известных своей прошлой деятельностью, как, напр., работница по народному образованию С. Русова, очевидно, с целью придать совещанию не только „партийный“, но и „общественный“ оттенок. Произнесенные речи и выдвигавшиеся доводы настолько характерны для выяснения картины украинской общественности в Польше, что некоторые выдержки из них следует здесь привести. Подобно своему „правительству“ — „общественность“ готова на все, на союз с врагом родины, на отказ от Галиции (несмотря на то, что лозунг единства украинского народа: „Галичина — захидна Украина“ — является основным в украинской интеллигентской идеологии), лишь бы скорее вернуться к власти, хотя бы под сенью польской державы.

Общественная деятельница Русова ставит все точки над и, подходя совершенно просто к щекотливым пунктам договора:

„Положение Украины нынче таково, что для спасения ее необходимо идти даже на тягчайшие условия. Таким спасением была бы для нее военная помощь со стороны Польши, что может произойти в результате переговоров на основании предложенной декларации. Никакой более благоприятный договор для нас нынче невозможен, поэтому, какие бы тяжелые условия нам ни пришлось подписать, мы должны это сделать. В конце концов те или иные последствия договора всегда зависят от взаимоотношения реальных сил. От нас самих, от нашей национально-государственной работы зависит сделать в будущем эти условия возможно лучшими. Народ, верящий в свои силы, никаких условий не побоится. Поэтому мы смело идем навстречу будущему. Собственно говоря, в предложении декларации есть два щекотливых вопроса. Первый из них — вопрос о Галиции. Здесь в выражениях декларации не содержится ничего, что могло бы быть оскорбительным или вредным для Галиции. Правда, после происшедших событий навряд ли украинское правительство может иметь формальные права на Галицию. Галиция оккупирована польскими войсками, а политической основой ее дальнейшего существования является статут, выработанный в Париже Антантою. Таким образом, раз Галиция гарантирована международным актом, то и декларация повредить ей не может. Второй вопрос — земельный, относительно которого все, кто смотрит на дело с точки зрения действительности, должны признать, что единственным компетентным органом, могущим его разрешить, является всеукраинский парламент. Именно это и указано в декларации относительно земель помещиков-поляков. Так что нарушения интересов народных масс здесь совсем нет. Мы стоим за подписание всяких условий, так как убеждены, что только соглашение с наименьшим врагом может спасти дело“.

Таким образом, даже „хранительница общественных заветов“ кривит душой, утверждая, что „нарушения интересов народных масс нет“, лишь бы добиться военной помощи от Польши. Нашелся все же человек, открыто сказавший, что „король голый“. То был **Мшанецкий** (украинская партия социалистов-революционеров):

„Мне тяжело будет говорит оттого, что я единственный из членов миссии Днепровской Украины, который не соглашается на подписание декларации. Речь моя будет лишь пересказом мыслей, уже ранее выраженных мною в более тесном кругу. Необходимость подписания декларации мотивировалась тем, что нам необходимо получить от Польши реальную помощь. Возможности такой реальной помощи, могущей спасти дело, я не вижу. Про искреннее отношение к нам со стороны поляков и говорить не приходится, отношение же большей части прессы и общества к нам — определенно враждебное. Само же польское правительство хотя и ведет с нами переговоры, — доброжелательного отношения к нам не проявляет. Во всяком деле мы со стороны поляков видели одно только враждебное отношение, одно только несоблюдение условий... Верить в политическую честность поляков невозможно. В чем гарантия, что и на этот раз, после подписания столь тяжкой для нас декларации, поляки с своей стороны сдержат слово? Предыдущие ораторы много говорили про измену со стороны галицийской диктатуры и тем как бы старались оправдать тот вред, который может произойти для галицийской Украины от подписания декларации. Однако, солидарны с изменниками были лишь немногочисленные круги, близкие к диктатуре и высшему командованию, а между тем кару за измену должен нести весь галицийский народ. Декларация выроет пропасть между Галицией и Днепровской Украиной... Уступка западно-украинских земель Польше так же, как и пункт декларации, касающийся земельного вопроса, дает крупный козырь в руки враждебной нам агитации со стороны как большевиков, так и деникинцев. Эти уступки окончательно скомпрометируют в глазах украинского населения украинское правительство и вместе с тем и идею украинской государственности, утрата же симпатий широких масс может окончательно погубить все дело украинского возрождения. Таковы результаты, каких мы можем ожидать от декларации. Подписать ее можно, лишь закрывши глаза на факты действительности. Тут было сказано, что поляки могут ликвидировать нашу государственность, но это нам не страшно. То был бы лишь временный перерыв государственности, ибо если мы пойдем (реплика кого-то из присутствующих: „к Махно“)... не к Махно, как здесь кто-то сказал, — Махно сам к нам придет — не к Махно, а к тем широким украинским массам, которые являются почвой и основой национально-государственного возрождения, то посредством работы среди них, завоеванием их симпатий к истинно-национальной политике мы построим величие Украины. Подписывая декларацию, мы совершаем злодейство“.

В ответ на искреннюю речь Мшанецкого выступил с возражением, насыщенным лицемерием вплоть до ссылок на „интернационализм“, член центрального комитета украинской социал-демократической партии — Еремеев.

Еремеев: „Хотя говорить тут от имени У. С.-Д. Р. П. я официально не уполномочен, однако, как член центрального комитета партии, беру на себя задачу высказать взгляд партии на вопросы, затронутые в декларации. Итак: У. С.-Д. Р. П. всегда стояла на той точке зрения, что политика Украины должна идти путем широких, мирных международных отношений, поэтому принципиально У. С-Д. Р. П. стоит за соглашение также и с поляками Декларация подводит фундамент под такое соглашение... На вооруженную поддержку со стороны поляков У. С.-Д. Р. П. согласиться не может. Однако, без помощи в виде амуниций, одежды, лекарства Украина не может обойтись. В смысле проведения в жизнь вышеуказанного наше Правительство встретит со стороны У. С.-Д. Р. П. полную поддержку"...

Еремеев предложил проект резолюции:

„Представители украинских партий и правительства, рассмотревши декларацию, предложенную украинской дипломатической миссией в Польше, полагают просить миссию немедленно ее подписать".

Политический советник миссии Ржепецкий предложил никаких резолюций тут не принимать, миссия же, принявши во внимание высказанные мысли, декларацию подпишет.

Андрей Левицкий (председатель миссии), закрывая собрание, высказал удовлетворение и благодарность по поводу единства партий в вопросе о декларации. „Это единство будет служить моральной поддержкой членам миссии, которые будут сознавать, что они не одни решились принять столь радикальные меры".

Декларация была принята, соглашение подписано, польские легионы, сопровождаемые петлюровскими отрядами, вторглись на Украину с гордым заданием осуществить высказанные в нижеследующей прокламации И. Пилсудского лозунги:

„Ко всем жителям Украины.

По моему приказу армия Польской Республики двинулась вперед и проникла глубоко в Украину. Сообщаю населению этих областей, что польская армия, вторгаясь в области, принадлежащие украинским гражданам, останется в Украине столько времени, сколько понадобится для того, чтобы эти области были приняты в управление регулярным украинским правительством. Когда же национальное правительство Украинской Республики установит другую власть, когда на границах нашей страны войска украинского народа смогут охранять свою страну от новых вторжений, когда свободный народ будет в состоянии сам определить свою судьбу,—тогда польские солдаты вернутся на фронт свободной Польской Республики, закончив славную борьбу за свободу народов. Вместе с польскими войсками вернутся на Украину под предводительством атамана генерала Симона Петлюры легионы, которые в дни самых тяжелых для украинского народа испытаний нашли поддержку со стороны Польской Республики. Я убежден в том, что украинский

народ употребит все усилия к тому, чтобы добиться оружием с помощью Польской Республики своей собственной свободы и обеспечить плодородным землям своей родины счастье и благоденствие, которые дадут ей труд и спокойствие, когда будет восстановлен мир. Всем жителям Украины без различия класса, происхождения, вероисповедания армия Польской Республики гарантирует защиту и покровительство.

Верховный вождь польской армии И. Пилсудский".

Варшава, 26 апреля 1920 г. Генеральный штаб.

Стремительным натиском польские легионы ворвались на Украину и захватили Волынь, часть Подолии и Киевщину, дойдя о линии Днепра и взяв 6-го мая Киев.

Живую картину осуществившегося польско-украинского союза представляет собой парад, устроенный 8-го мая 1920 г. в г. Киеве польским военным командованием по случаю своей победы [1]).

„По улицам Киева, с Бибиковского бульвара на Крещатик, к городской думе и обратно в том же направлении продефилировала целая дивизия (а кто говорил — корпус) войск всех родов оружия. Это было немножко декоративно-оперная, но импозантная картина. Прежде всего Киев давно не видел такого количества хорошо вымытых, чисто, даже щегольски одетых людей. Польские солдаты, видимо, готовились к этому оперному параду, как к спектаклю, и где-нибудь под Киевом долго и усердно мылись, чистились, брились. Они шли нескончаемой лентой — пешие, конные, на орудиях, на броневиках — и все, как один, блестя новенькими, с иголочки, платьями, в чистеньких лакированных шлемах, в превосходно вычищенных, совсем не запыленных башмаках, с полным набором оружия, тоже новенького, чистенького, еще ни разу не бывшего в употреблении. Три года нечищенный, небритый, износившийся и неряшливый Киев, разинув рот, смотрел на эту строго вымуштрованную уйму чистоты и воинского изящества; за поляками следовало выступление украинского отряда. Украинцев было немного, сотни две, все пешие. Они терпеливо дожидались своей очереди, лежа вповалку на мостовой Терещенковской улицы. И когда прошли последние франты и щеголи, прогрохотали броневики и грузовые автомобили, потянулся жалкий хвостик этого блестящего шествия. Лениво и понуро шла в нестройных рядах кучка украинцев. На них были такие же, как и у поляков, французского происхождения френчи, штаны, башмаки, но все несвежее, поддержанное, явно с чужого плеча, не подогнанное к росту и фигуре. И были они не бриты и не стрижены, и, увы, грязноваты. И болтались за спинами сумки различного цвета и вида. Офицеры немногим лучше рядовых И сзади на простых крестьянских лошадях, в телегах, с „дядьками" за кучера — потрепанные пулеметы, перевязанные веревками, — обычный вид повстанческого отряда"...

Совершенно правильно замечает очевидец, что „нельзя было яснее, громче, откровеннее сказать, в чьих руках реальная сила, кто подлинный хозяин на правобережной Украине".

[1]) Д. Заславский, „Поляки в Киеве" — „Былое". 1922 г. № 18, стр. 135—158.

Блистательное наступление польских легионов, как и последующее бегство, дали себя знать в виде неизбежных погромов и эксцессов; польские методы воздействия на еврейскую массу были перенесены на Украину. Еще в 1919 году украинское еврейство познало прелести польской оккупации. С лета этого года район оккупации стал все больше расширяться к юго-востоку, по Волыни.

В начале августа 1919 года поляками был занят район Кременец-Дубно, затем они продвинулись к Острогу, Славуте, Ровно, заняв эти города. Во всей этой новой полосе оккупации поляки практиковали те же приемы мелких, но утонченных погромных насилий и издевательств. Правда, погромов в широком смысле слова здесь не произошло. Но вот, например, что сообщается о поведении поляков инструктором центральной секции по оказанию помощи пострадавшим от погромов при *Укрсобазе* (Украинском Коммиссариате социального обеспечения) в его докладе, представленном Российскому Красному Кресту: „Оккупация застала меня в Остроге, на Волыни. Придя в Острог, поляки у всех длиннобородых евреев отрезывали бороды, некоторым и пейсы. За бородатыми евреями гнались легионеры с ножницами в руках. Улицы оглашались криками о помощи. На деяния этих молодцов любовались вблизи и издали франко-англо-польские офицеры. На базаре у евреев, исключительно у евреев, стали забирать с‘естные припасы бесплатно или за гроши. На второй и третий день польские легионеры стали грабить еврейские магазины и врываться в квартиры. И только тогда, когда польское командование (как мне передавали пользующиеся доверием лица) получило крупную взятку, разгром был приостановлен. Затем легионеры об‘явили евреям экономический бойкот... Из Острога я поехал в Дубно—Ровно—Клевань—Здолбуново—Славута—Почаев и т. д. В Дубно мне лично пришлось стоять в отельной „еврейской“ очереди за пропуском... В Ровно почти ежедневно на глазах начальства евреи избивались польскими солдатами; резали бороды; у евреев-торговцев забирали товары; квартиры реквизировались исключительно у евреев“.

Пребывание поляков в Киеве (6-го мая—11 июня) не зачисляется в разряд явно погромных. Официально считается, что в Киеве никакого погрома со стороны польских частей не было учинено. Тем интереснее и важнее ознакомиться

с беспристрастными фактами, подтвержденными свидетельскими показаниями, об истинном характере поведения поляков в Киеве[1]):

„Когда поляки вступили в Киев, они прежде всего устроили по центральным улицам пышный военный парад. Вообще, в польских парадах недостатка не было. В центральной части города солдаты внешне держались прилично. Но их поведение становилось более развязным и вызывающим, как только они попадали в еврейские районы. В настоящем же свете они себя показали на окраинах, где живут евреи, особенно на *Демиевке*...

Еврейское население Демиевки, наученное за последние полтора года горьким опытом во время прихода петлюровцев, галичан и особенно деникинцев, не ждало ничего хорошего и от поляков, чья погромная слава шла впереди их. Поэтому более состоятельная часть еврейского населения накануне прихода поляков переехала в город, остались более бедные и беспомощные. Как только поляки, входя в город, вступили на Демиевку (это были познанцы, говорившие между собою по-немецки), они немедленно набросились на оставленные хозяевами дома и частью разграбили. В этом им деятельно помогала местная шайка профессиональных громил, которая здесь при всякой перемене власти появлялась для грабежа и разбоя. В воскресенье 9-го августа польские солдаты стали уже грабить открыто, принявшись за еврейские лавки. Несмотря на жалобы пострадавших в штабы частей, грабежи не прекращались. Одному из жалобщиков ответили в штабе дословно следующее: „Это еще ничего, благодарите Бога, что здесь нет „галлеровцев“ (из легионов Галлера), они бы всех перерезали“. Жестокому ограблению и насилию подверглись жильцы дома № 17 по Васильевской, по Малодемиевке, также № 23 и других №№. Но особенно большому погрому подверглась Демиевская Большая синагога.

Какие погромные части ни проходили через Демиевку в течение последних лет и какие опустошения среди еврейского населения они ни производили, но Большая синагога так же, как и другие синагоги, оставались нетронутыми. Их не тронули даже деникинцы, державшие еврейское население Украины в смертельном погромном страхе в течение свыше трех месяцев. Первые, кто в этом смысле пошли дальше деникинцев, были поляки.

---

[1]) По меморандуму, составл. 1-го июля 1920 г. в Киеве,— материал Евобщесткома.

Вступив в Демиевку 7—8-го мая, польские части заняли здание Большой синагоги и превратили ее в казарму. Внутри синагоги они произвели полный разгром. Мебель частью сломали и сожгли, из части ее сделали нары; талес разорвали на тряпки и онучи, „тефилим“ (филактерии) растоптали ногами, затем они вытащили из кивота свитки торы, раскатали их по полу в виде дорожек, несколько свитков разорвали и положили себе в виде простынь на койки или разбросали по двору, топча и издеваясь.

Шамес (служитель) синагоги обратился к коменданту с просьбой разрешить ему спасти оставшиеся свитки торы и унести их с собой. Комендант отдал приказание солдатам эту просьбу исполнить. Но когда шамес явился за свитками, солдаты его схватили, втащили в синагогу, отрезали ему саблей бороду и избили. Свитки он так и не получил. Один из свидетелей (Андреевский—еврей) в своих показаниях рассказывает, что путем приличной взятки ему все-таки удалось от комендатуры добиться категорического приказания выдать ему уцелевшие свитки. Когда он явился за ними, ему представилась следующая картина: солдаты, собиравшиеся оставить синагогу, варили свинину на свитках торы, синагога была полна дыма; вообще все производило явное впечатление, что они собираются синагогу поджечь, в кивоте уже горел огонек, огоньки были и в других углах. Кое-как ему удалось огонь потушить. Он скатал и забрал с собой 27 свитков, 7 свитков он оставил, так как они были разорваны в клочья. Почти так же солдаты похозяйничали и в других местах: талмуд-тору, где находился „бориспольский миньон“ (молельня), они превратили в конюшню и в клозет... Вид разгромленной синагоги и разорванных свитков был снят фотографом, и снимки эти увезены с собой приехавшей в Киев т. н. „еврейской американской миссией“, привезшей деньги для разгромленного еврейского населения.

„С субботы 8-го мая,—пишут жители Демиевки в своем донесении в Киевскую Еврейскую Общину,—мы не имели ни одной спокойной минуты; кроме издевательства, евреи подвергаются со стороны солдат также избиениям, среди избитых имеются даже старики 70 лет и дети 8 лет. Солдаты ворвались в синагогу и разорвали свитки торы. У демиевского раввина они сожгли все его духовные книги, у некоторых врачей—их книги научного содержания. Само собой разумеется, что все

боковые улицы, где живут евреи, подверглись сплошному разграблению".

Свой старый излюбленный прием — охоту за еврейскими бородами — польские легионеры широко практиковали в Киеве. Случаи отрезывания бород были очень часты в городе и на Подоле, но массовых размеров достигли на Демиевке. Бороды срезывались большею частью саблями, иногда ножницами, при этом жестоко издевались, заставляли плясать, петь, кривляться, становиться на колени, а кругом собирались солдаты и христианская публика, забавлялись зрелищем. 7-го мая, как рассказывают свидетели, на Демиевке по Большой Васильковской улице д. № 180, против городских боен, остановился польский обоз. В продолжение всего дня солдаты с нагайками в руках стояли на улице и загоняли во двор всех проходивших мимо евреев, там их выставляли в очередь и срезывали бороды. Пострадавших таким образом оказалось 40 человек.

Еще более широкий характер приняла ловля евреев для принудительных работ. Посылка на работы сопровождалась издевательствами, часто побоями и даже истязаниями. На работы посылали исключительно евреев. Заставляли чистить лошадей, конюшни, клозеты, выгребать канавы, мыть полы, таскать камни, разгружать товары. Незадолго до ухода поляков киевской еврейской общиной представлена городскому комиссару (Украины) докладная записка с приложением целого ряда заявлений потерпевших, в которых сообщается ряд фактов о „непрекращающихся издевательствах со стороны солдат польской армии над мирными еврейскими жителями". „Самым излюбленным делом некоторых польских солдат, — говорится в записке, — является практикующееся на улицах отрезывание бород у евреев, или, за отсутствием ножа, вытаскивание таковых клочьями. Далее следует ловля евреев якобы на „работы", но, в сущности, опять, как оказывается, для сплошных издевательств. Вылавливают около 200 человек, исключительно евреев, сгоняют на вокзал в канаву, переполненную человеческими испражнениями, заставляют перекладывать эту гадость с места на место и обязательно голыми руками. Эту работу солдаты сопровождают избиениями евреев прикладами, а в результате снимают у них часы, забирают деньги и т. п. Тащат на работы часто стариков 70—75 лет, больных, а подчас и детей. 13-го мая выгнали всех евреев на работу из предместной слободы, всего около

15 человек, так как больше там евреев не оказалось. Огромные камни-булыжники, весом около 4—5 пудов, заставляют перетаскивать голыми руками... Отдыха не дают ни минуты и в довершение всего оставляют без пищи с утра до 1 часу ночи. Ведомых на работу бьют нагайками, шомполами, поясными пряжками, револьверными рукоятками, рвут за бороды и т. д. 25-го мая хватали на работу даже молящихся в Купеческой синагоге, причем за выкуп в 50—100 рублей освобождали".

„Практикуются,—сообщается далее в докладной записке,—аресты евреев без основания и без ордера и притом иногда поголовно всех евреев жильцов целого дома. Так, 15-го мая арестованы были все жильцы-евреи дома № 4 по Мало-Васильковской улице, в комендатуре их избивали, обыскивали, забрали драгоценности, деньги, а затем отпустили. В последнее время участились избиения евреев на базарах, особенно на еврейском. Приходят солдаты с криком: „ты жид-коммунист"— и сразу же приступают к избиению, бьют варварски, нещадно, по голове, в грудь, забирают товары и деньги и безнаказанные уходят дальше для продолжения тех же операций". Выражая горячий протест против такого грубого попрания самых элементарных прав граждан-евреев, киевская еврейская община просила принять должные меры к прекращению этих издевательств со стороны польских солдат, о наказании виновных и издании соответствующего приказа для предупреждения в будущем аналогичных эксцессов".

Это и подобные обращения ни к чему, разумеется, не приводили. Никакого приказа издано не было, и уже, конечно, ни один польский солдат не был наказан, наоборот, к концу пребывания в городе польской армии ее погромное настроение повысилось. 10-го июня, уже накануне ухода, польский патруль, проходя по Мало-Васильковской улице, стал приставать к евреям, затем ворвался внутрь Купеческой синагоги (М.-Васильковская, № 19) как раз в то время, когда там происходила вечерняя молитва и было много молящихся, и начал стрелять. Солдаты произвели 8 выстрелов, которые никого не ранили, но испуганные молящиеся стали спасаться и прыгать вниз. В результате оказались ранеными 31 еврей, из которых некоторые неизлечимо, а двое умерли от ран.

Еврейское население при поляках было почти лишено возможности передвижения. Более состоятельным лицам удалось

получить пропуск за деньги и за деньги же кое-как устраиваться с польскими офицерами и шоферами военных автомобилей. Положение же неимущей массы еврейских беженцев, стремившихся воспользоваться пребыванием поляков, чтобы вернуться в свои дома в оккупированном районе, было отчаянное. Пропуск еврею было почти невозможно получить. В первые дни у здания польской комендатуры (Владимирская, № 35) евреев выстраивали в отдельную очередь. Когда после огромных трудов группе беженцев удалось из Киева уехать, то они были в пути по линии Киев—Коростень выброшены из вагона и ограблены. Фактически передвижение евреев по новой полосе польской оккупации было сопряжено с огромным риском, хотя, правда, не с таким, как во время деникинщины, когда это грозило смертельной опасностью.

Положение еврейской провинции в этой полосе было вообще очень тревожное. В связи с наступлением поляков, эксцессы имели место в ряде пунктов. Так, например, в докладной записке от васильевской еврейской общины киевскому губернскому комиссару сообщается о таких эксцессах в Василькове. 3-го мая туда прибыли польские кавалерийские части; подстрекаемые местными бандами, польские солдаты стали врываться в еврейские квартиры, грабили, некоторых избили, были взломаны и разграблены почти все еврейские квартиры и лавки, причем имущество из домов и магазинов вывозилось на подводах, а частью тут же на базаре и продавалось. Затем началось хватание на работы, работающим денег не платили, пищи не давали, даже работавшим по 18 часов сряду; их били, подвергали издевательствам.

„Еврейское население города терроризовано“,—заканчивает докладчик свой обзор.

Для антисемитизма польского командования характерен тот факт, что оно заключило союз с известным украинским погромным атаманом Струком, оперировавшим в течение $1^1/_2$ лет в Чернобыльском районе.

Струк, известный Струк, на совести которого тысячи убитых и замученных еврейских жертв, стал помогать полякам в их военных операциях.

Но прежде всего Струк свой новый союз ознаменовал в начале мая жестоким погромом в Горностайполе. По словам представителей горностайпольского еврейского населения

в докладе в киевскую еврейскую общину, во время этого погрома было убито 11 человек. „Погром,—пишут они,—сопровождался страшными зверствами: детей топили, вколачивали гвозди в головы, отрезывали руки и ноги и т. д.". В начале июня Струк перекочевал в Киев, о чем знающие Струка доносят в киевскую общину, предупреждая, что такое пребывание очень опасно для еврейского населения.

Как ни значительны были погромно-антисемитские эксцессы поляков во время пребывания в Киеве, но силы массового погрома они не достигли. Чувствовалось, что польские и петлюровские солдаты сдерживаются. Зато поляки показали себя в настоящем свете при отступлении. Как только 5—7 июня стало ясно, что польская армия окружена и вынуждена спешно отступить, ее погромное настроение сразу повысилось. При отступлении поляки, как известно, совершенно неистовствовали, жгли склады, здания, взрывали мосты, уничтожали имущество, пакостили и в бешенстве мстили за свои неудачи мирному населению. Разумеется, больше всего досталось при этом еврейскому населению.

В самые последние дни перед уходом польско-петлюровские части развили в городе усиленную погромно-антисемитскую агитацию. Был выпущен ряд прокламационных листков на русском языке, которые могли иметь одну только цель: вызвать в городе еврейский погром. И только слишком поспешным отступлением польских частей из Киева и их лихорадочной работой по сжиганию и уничтожению добра и можно об'яснить то обстоятельство, что они в Киеве погрома не учинили. Один из таких провокационных листков „до вильных казаков Буденного" гласит: „По всей России власть захватила шайка бандитов-коммунистов. Они глумятся над несчастным народом и пируют, а люди мрут от голода и болезней, как мухи. Нас долго обманывали комиссары, но, наконец, мы увидели всю жидовскую хитрость". Воззвание призывает „не верить комиссарам, жидам-христопродавцам" и приглашает казаков обратить свое грозное оружие против жидов комиссаров, „гонящих нас на верную смерть". В другой маленькой листовке „От'езд Ленина в Швейцарию", между прочим, говорится: „Вами владеет теперь царский генерал Брусилов с Лейбой Троцким. Царский генерал и жидовский комиссар—это маленькая, но почтенная компания". Другая маленькая листовка „Новые

законы“ заканчивается призывом: „Долой советскую власть в жидовских руках“. В воззвании „Красноармейцы Великороссии“, подписанном культурно-просвет. отделом при Укр. 6-ой стрелк. дивизии, говорится: „Сбросили когда-то Николая II-го, разве не хватит сил свалить гнет Троцкого?“ В предназначенной для красноармейского фронта книжечке под названием: „Товарищу (красноармейцу) подарок-бумажка для сигарок“, между прочим, говорится следующее: „Комиссар, жид и спекулянт тебя притесняют уже третий год. В твоих руках винтовка, бей комиссаров и спекулянтов!“

Трудно установить точно, принадлежат ли эти воззвания полякам или петлюровцам, но известно, что аналогичные воззвания поляками распространялись уже давно на фронте в районе оккупации. Одно из таких воззваний на русском языке, под именем: „Эй, если грамотен, прочти и подумай“ и за подписью „Разоблачитель“, распространялось поляками в конце 1919 г. у фронта и предназначалось для красноармейцев. Воззвание это безграмотно, довольно длинного содержания, полно самых глупых антисемитских выдумок, в роде того, что „главным образом руководит всем большевизмом один немецкий еврей миллионер-спекулянт, член большой еврейской маффии“, или что „евреи хотят к себе забрать все деньги и потому поработить весь христианский мир, это у них в законах написано“. То же, но более кратко, с очевидным намерением вызвать погром, сделано было в Киеве теперь накануне ухода. Еще до этого у здания польского штаба (Крещатик, № 28, Гранд-Отель) красовался цветной плакат под названием „Террор большевизма“ (по-польски), где изображен был Троцкий с типично еврейским лицом и с пейсами, в виде дьявола, красного от крови, и группа трупов; плакат этот напоминал известный плакат почти аналогичного содержания, который распространялся в свое время деникинцами. Действия поляков в последние дни не ограничивались только этими воззваниями. Когда они уходили из города, то захватили с собой много арестованных евреев из среды мирных жителей, некоторых они забирали тут же на улице из случайных прохожих, не пред‘являя им никаких обвинений. Судьба увезенных лиц доныне неизвестна; несколько человек было найдено позже убитыми в окрестностях Киева.

Но если в самом Киеве поляки не успели учинить погрома, то это им вполне удалось в других местах по линии

отступления. В некоторых пунктах они устроили форменную еврейскую резню,—совершенно такую же, какую устраивали другие погромные банды на Украине. Когда пишутся эти строки, сообщение с этими пунктами еще затруднено, и полных сведений о событиях оттуда нет. Вполне определенные, хотя и краткие сведения имеются пока о погромах в Житомире, Чаповичах и Бердичеве.

Погром в Житомире продолжался три дня кряду, 9—11 июня.

После того, как 7-го июня ворвался отряд конницы Буденного и ушел назад, в городе были разграблены польские склады с вещами. Когда поляки на несколько дней вернулись 9-го июня обратно, то всю ответственность за расхищенные вещи взвалили на еврейское население. Начались повальные обыски в еврейских квартирах, поиски оружия, а в действительности погром и грабеж.

Польские солдаты говорили, что из еврейских домов в них стреляли, и что они получили приказ „резать" жидов. Рассвирепевшие солдаты стали действительно убивать евреев. Они врывались в еврейские дома, мужчин избивали и уводили с собой, как „коммунистов", угрожая расправиться с ними, и расправлялись. В результате несколько десятков евреев оказались убитыми. Один из очевидцев погрома, прибывший в Киев, рассказывал, что ему лично пришлось видеть на еврейском кладбище 44 трупа убитых поляками евреев, причем многие были страшно изуродованы: отрублены руки и ноги, пальцы, размозжены черепа, выколоты глаза. В городе насчитывается еще 12 жертв; всего убитых было 56 человек. Среди убитых—сообщает один свидетель—не только известные коммунисты, но большинство из них составляют торговцы, есть старики 65—70 лет. По словам „Житомирских Известий", во время налета поляков на квартиры арестованных, среди которых были и старики, отводили на Сенную площадь и на городские бойни и там их зверски пытали и избивали (см. „Известия Волынск. Губернск. Рев. Комитета" от 18 июня 1920 г., также „Киевские Известия" и "Коммунист" от 25-го июня 1920 г.). В киевском „Коммунисте" от 26-го июня помещен список 43-х евреев, убитых поляками во время житомирского погрома. Среди перечисленных, между прочим, указан Вейнштейн Аврум—50 лет, выколоты глаза и отрезаны суставы пальцев; Котвар Иосиф—41-го года, заживо погребен; Деро Кико—35-ти лет, заживо погребен;

Вайцель Борух—55 лет, отрезан нос, выколоты глаза; Пародацкий Ейна—50 лет, выколоты глаза; Фейнзильбер А.—60 лет; Зингер А.—40 лет, сожжен; Горонштей Герц—76 лет, отрезаны уши, нос и отрублены пальцы; семилетний мальчик Борух— выколоты глаза. Таковы были эти коммунисты, которым поляки мстили за свое поражение.

С утра в субботу 12-го июня поляки начали поджигать еврейские дома и квартиры. Громадный дом Конюковского, сплошь населенный евреями, был ими сожжен. Населенная евреями местность *„Отвых“* предана огню, причем погибло 8 человек. И только бегство поляков из города к полудню в субботу, под натиском вновь вернувшейся конницы Буденного, спасло еврейское население от дальнейшей резни. Следует привести в заключение характерный для поляков штрих: упомянутый выше свидетель, беженец из Житомира, сообщает, что поляки хотели заставить житомирского казенного раввина выдать им удостоверение в том, что в городе погрома не было, а были поиски коммунистов и разграбленных из складов вещей. Несмотря, однако, на угрозу смертью и побои, поляки не могли в течение целого дня добиться от раввина такого удостоверения.

По словам беженцев из Новгород-Волынска и Ровно, те же отступающие части продолжали там грабить и убивать евреев. Однако, сведений о числе жертв оттуда пока не имеется. Больше известно о погроме, учиненном поляками в местечке Чаповичи, вблизи Малина по линии Киев—Коростень.

Все время пребывания там поляков шел немилосердный грабеж населения, погромное настроение в частях усилилось с началом отступления. Во время ссоры, возникшей между солдатами, один солдат был случайно убит (по другим сведениям был убит офицер)—это и послужило поводом к устройству резни среди еврейского населения. Резня произошла 16-го июня. Поляки стали ловить евреев, якобы „коммунистов“, захватили 38 человек и расстреляли. Свыше 10 человек было ранено. Большая часть еврейского населения местечка в страхе бежала в Малин.

Приблизительно в эти дни отступления был учинен погром в Бердичеве. Собственно говоря, официально, в Бердичеве погрома не произошло. Настоящий погром там поляками только подготовлялся. Все время своего пребывания в городе поляки грабили, охотились за евреями, таскали на работы, срезывали

бороды. В последние дни их пребывания погромные эксцессы усилились. Накануне ухода своего,—сообщает один из бердичевских жителей в письме,—поляки вывесили воззвание, что будет взято из среды населения (т. е. еврейского населения) 30 заложников, которые будут расстреляны в случае вторичного вооруженного нападения на поляков. Привести это в исполнение им не удалось, так как назавтра им пришлось покинуть город. В результате этих единичных эксцессов в Бердичеве насчитывается 15 убитых евреев, кроме раненых; были случаи подвешивания и поджаривания свечами, были также случаи изнасилования.

Из других мест Киевской губ. следует указать *Чернобыль*. По отрывочным сведениям, там был учинен еврейский погром, который, по словам жителей, превзошел даже все предыдущие погромы, имевшие место при Струке в этом несчастном районе. Однако, подробных сведений оттуда не получено. Нет же сведений и из других пунктов по пути отступления польской армии, которая вымещает на евреев неудачи своей украинской авантюры. Смутные сведения, приходящие с линии фронта, говорят о том, что погромные деяния польской армии далеко еще не закончены. Следует в заключение отметить то обстоятельство, что украинские части, шедшие совместно с поляками, в сравнении с последними вели себя очень сдержанно и в погромных выступлениях почти не участвовали. Впрочем, этих частей очень мало“.

Таковы итоги польского наступления на Украину и его последствия для еврейского населения.

Предполагаемая поляками военная прогулка по Украине была окончена, как известно, весьма поспешным бегством освободителей из освобожденной страны, притом не дальше как через 6 недель после опубликования победоносного воззвания Пилсудского. Вместе с „освободителем“ вернулся и его верный вассал Петлюра со своим штабом и „двором“. Польское правительство решило использовать своего союзника для „партизанской борьбы“, т. е. для совершения террористических актов над мирным гражданским населением, главнейшим об'ектом их деятельности. Формирование отрядов происходит на основании специального тайного военного соглашения, входившего, как интегрирующая часть, в заключенный с директорией выше приведенный договор. Приводим здесь главнейшие пункты этого замечательного документа:

§ 1. Настоящее военное соглашение составляет интегральную часть политического соглашения, вступает в жизнь одновременно с ним и действует до момента заключения постоянного военного соглашения между Польским и Украинским Правительствами.

§ 2. Польские и Украинские войска предпринимают общие действия, как войска союзные.

§ 3. В случае общих польско-украинских действий против советских войск на территории правобережной Украины, находящейся к востоку от нынешней линии польско-большевистского фронта, военные действия предпринимаются по взаимному согласию Командования Польскими войсками с главным Командованием войск Украинских, под общим руководством Высшего Командования польских войск.

§ 4. Высшее Командование польского войска делегирует своих офицеров для связи в оперативные штабы украинских войск, а Главное Командование Украинских войск делегирует по соглашению с Высшим Командованием польских войск своих офицеров для связи в разные части и штабы польских войск.

. . . .

§ 6. С момента начатия общих действий против большевиков Украинское Правительство обязуется доставлять в натуре необходимые предметы продовольствия для оперирующей в данной местности части польских войск, а также доставлять перевязочные средства . . . .
В случае недоставления Украинским Правительством необходимых продуктов, Украинский Гражданский Комиссар, по соглашению с интендантурой дивизии, производит реквизиции среди местного населения.

. . . .

§ 7. В случае занятия территории польско-украинскими войсками или одними только польскими войсками, Высшее Командование польских войск оставляет за собою право управления железнодорожными путями в данной местности во все время военных действий.

. . . . Украинское Правительство приступает немедленно к организации целостного железнодорожного аппарата с целью своевременного принятия его в собственное ведение. Время, способ и порядок принятия будут установлены особым договором.

Украинское Правительство оставляет за собою право обращаться к Польскому Командованию с пожеланиями относительно восстановления и поддержания на определенных условиях, по взаимному соглашению, хозяйственного и служебного движения на железных дорогах, а также относительно тарифов и денежной выручки.

§ 8. С момента общего наступления и занятия территории Правобережной Украины, расположенной на восток от нынешней линии польско-большевистского фронта, Украинское Правительство организует в означенных местностях свою собственную власть как административно-гражданскую, так и военную.

. . . . Власть в ныне занятых польскими войсками частях Украины временно остается в руках Польского Правительства. Украинское Правительство организует свой административный аппарат, и по мере его организовывания власть переходит в руки Украинского Правительства по соглашению с Польским Правительством.

. . . .

§ 11. На польской территории продолжается организация и формирование украинских частей, как оно имело место доселе, вплоть до того момента, когда такого рода формирование станет возможным на собственной территории Украины.

Судя по дальнейшим действиям польского правительства, оно себя считало как бы связанным соглашением от 21-го апреля 1920 г. предпочтительно даже перед заключенным впоследствии с Советской Украиной Рижским договором, аннулировавшим соглашение с Петлюрой. До конца 1921 года Польша продолжает организовывать при помощи „директории“ и окружавших ее определенно авантюристических элементов ландскнехтовско-погромного пошиба банды для нападения на Украину.

На теснейшую связь польского генерального штаба с разного рода повстанческими шайками, как банды Тютюника и других „батек“ и атаманов, указывают, помимо открыто выходящей в Польше официальной петлюровской прессы с ее воззваниями, сводками и проч., также и неоспоримые прямые доказательства в виде оригинальных документов, попавших в руки украинских советских властей при окончательном разгроме тютюниковской банды в ноябре 1921 г.

Если не исчерпывающим, то чрезвычайно характерным является

Секретно

ПРИКАЗ

повстанческой армии

№ 1 (организационный)

г. Львов, 23-го октября 1921 г.

§ 1. По приказу Головного Атамана сего числа я вступил в командование повстанческой армией Украины.

§ 2. Начальником Штаба повстанческой армии назначается полковник Отмарштейн, которому приказываю приступить к исполнению своих обязанностей и немедленно сформировать штаб.

§ 3. Партизанско-повстанческий штаб при Верховном Командовании войск У. Н. Р. расформировать и оставить вместо него украинское Пресс-Бюро при экспозитуре 2-го Отдела Польского Генерального Штаба во Львове.

Союз Польши с петлюровщиной — головным атаманом Петлюрой и его бандитами Тютюником, Голубем, Орликом, Струком и проч., прошедшими опытную погромную школу на Украине в 1919 году, — дал свои кошмарные погромные результаты.

Уже в сентябре 1920 г., когда польское наступление еще не окончилось, а сведения о погромах и насилиях петлюровцев едва начинали попадать в Варшаву, еврейские депутаты могли пред'явить Сейму следующий предварительный результат прохождения петлюровцев через Станиславов и Мариамполь[1]):

Тысменичаны—3 еврея убито, 2 ранено, 5 женщин изнасиловано.

Болшовцы—5 убитых, 8 раненых, 35 женщин изнасиловано.

Галич—4 убитых, 3 раненых, свыше 15 женщин изнасиловано, материальный убыток свыше 21 миллиона марок.

Мариамполь—3 убитых, 18 тяжело раненых, 9 женщин изнасиловано.

Езуполь—5 тяжело раненых, 9 женщин изнасиловано, убытки 3 миллиона.

Станиславов—2 убитых, 5 тяжело раненых.

Дер. Думич—3 убитых, 3 раненых.

Дер. Кримидов—2 раненых.

Дер. Долеюв—1 раненый.

Войнилов—грабежи и убийства, закончившиеся тем, что всех еврейских женщин и девушек погнали в синагогу и там изнасиловали.

Букачовец—1 убитый, 6 тяжело раненых, еврейских девушек насиловали на глазах родителей; в одном случае одновременно насиловали мать и дочь.

Еврейским комитетом помощи в Станиславове и Мариамполе было собрано значительное количество протоколов очевидцев погромов и пострадавших. Мы приводим здесь некоторые из них[2]):

Станиславов, 2-го сентября 1920 г.

Явился Перль Нухим, 25 лет, купец, житель города Болшовцы, и показал: „Казаки прибыли в Болшовцы 21-го августа 1920 года. В ночь с 21-го на 22-е они пришли в дом Лилиена, жестяника, 30 лет, и потребовали денег; он деньги дал, а сам хотел убежать; они бросились за ним в погоню, стреляли в него, смертельно ранили, а затем бросили в воду. Убит был также А. Эйзенштейн, 40 лет, извозчик, отец пяти детей. В тот же день казаки пришли к Сарре Роттер, 19 лет, хотели

---

[1]) Эти данные, равно как и помещенные ниже материалы, заимствованы из издания Народного клуба еврейских сеймовых депутатов (Inwazia bolszervicka a zydi). Вып. 2, стр. 4.

[2]) Там же, стр. 7—21.

ее изнасиловать, а когда она стала сопротивляться, прострелили ей грудь и руки. В субботу 28-го августа в Болшовцы вновь прибыли казаки и стали грабить город. Еврейское население искало убежища у местных христиан. Однако, казаки искали евреев и у христиан; так, они поймали Хасю Бредер, 35 лет, вместе с $1^1/_2$ годовалым ребенком. Бредер закололи, а затем вместе с еще живым ребенком бросили в воду, где оба утонули. Убита была Хана Эйзенштейн, 35 л., и ее мать Эстер Цирля Эйзенштейн, 70 лет; Хане Эйзенштейн отрубили голову палашом, а ее мать закололи.

После этого казаки прибыли в квартиру Моисея Фрейбрунна, потребовали денег, а когда он их дал — прострелили рот. Кроме того, тяжело ранили его жену Эсфирь Фрейбрунн, 38 лет, и ее дочь Розу Фрейбрунн, 18 лет, которую искололи штыками. Тяжело ранен был и Абрам Лилиен, 38 лет, купец, которого искололи и изрезали. Такие же раны нанесены: Моисею Винклеру, 22 лет (смертельно ранен в голову), Израилю Бредеру, 45 лет, купцу Соломону Безеру, 18 лет, с ожогами на ногах: ему свечей подпаливали пятки, чтобы заставить сказать, где находится его отец.

Христианское население прятало у себя евреев, однако, петлюровцы угрозой сжечь город заставили христиан удалить спрятанных евреев. Всего изнасиловано более 30 женщин и девушек, даже дети 12 лет“.

Вместе с Нухимом Перлем явился и Соломон Попик, 47 лет, купец, показавший то же самое, что и Нухим Перль.

Станиславов, 2-го сентября 1920 г.

Явился Макс Шмидт, 22 лет, студент-медик, из Тысьменицы и показал:

„В субботу 21-го августа часть казачьего отряда, отступающего через Тысьменицу в Коломыю, начала грабить в домах, в которых жили евреи. Через несколько часов свыше 100 семейств оказались совершенно лишенными своего имущества. При грабежах они угрожали смертью; так, д-ру Либерману казак положил шашку на шею и угрожал, что отрежет голову, если он не отдаст денег и драгоценностей, пока казак будет считать до трех. Когда этот отряд ушел, стало сравнительно спокойно. На следующий день пять казаков бросились с шашками на группу евреев и тяжело ранили Соломона Штимма, 70 лет, купца, нанеся ему раны на голове и плечах. Эти же

самые казаки вошли затем в дом Рафаила Поляка, где было спрятано много евреев. Отобравши у присутствующих деньги, всех избили, бросая разную домашнюю утварь в группу, сбившуюся в углу. Арону Коцку поломали ребра, а Гуцю Носберг топтали ногами так, что она на несколько дней потеряла способность речи. 23-го сентября приехали пять казаков и остановились перед домом Рафаила Поляка. Они вошли в дом и, как рассказывают, хотели требовать денег. Когда казаки вышли обратно, то совершенная тишина в доме обратила на себя внимание, и жители зашли в квартиру. Они нашли Рафаила Поляка, 73 лет, и Хаима Кригля, 50 лет, зарезанными самым зверским способом. В этот же день засекли шашками Хану С..., предварительно изнасилованную. Очевидцем этого был Борух Шреффер, поденщик. В следующие дни проходящие украинские отряды грабили те из еврейских домов, которые еще не были совершенно опустошены. При всех этих событиях не обходилось, конечно, без изнасилования женщин".

Макс Штимм.

Станиславов, 2-го сентября 1920 г.

Явился доктор Эйгенфельд, адвокат из Галича, 39 лет, ныне живущий в Станиславове, на улице П. Скарги, 15, и показал:

„Недели две тому назад отступающие украинские войска расквартировались в г. Галиче. Сперва пришли обозы, а затем конная дивизия запорожских казаков. Тотчас же после появления казаков начались систематические грабежи, жертвою которых являлись исключительно евреи. Грабежи приняли более обширные размеры в ночь с четверга на пятницу. Что происходило тогда в еврейских квартирах, лучше всего показывает сцена, разыгравшаяся в галичском магистрате. После полуночи к секретарю магистрата г. Мазуркевичу явилось около 10 нагих женщин, бросившихся на колени и умолявших спасти их мужей, которых хотели убить казаки. В пятницу утром все еврейские квартиры и лавки оказались начисто ограбленными. Казаки грозили смертью евреям, если они не дадут денег, не спрашивая притом, есть ли деньги у данного лица. Лишь после вмешательства удалось освободить Элия Гейхена, которого казаки держали под арестом. В тот же день, в пятницу, украинский комендант города потребовал, чтобы к нему явился раввин, как глава кагала. Этого, однако, нельзя было исполнить,

так как жители, напуганные печальными событиями прошедшей ночи, ушли преимущественно в Станиславов. Грабежи происходили в течение всего времени, когда казаки стояли в городе. Убито было четыре человека: Иосель Амстер, 65 л., купец из Залук, Рахиль Голлер, 62 лет, из Галича, Коппель Каммер, 73 лет, столяр в Блудниках, Абрам Гамбургер, 50 лет. Тяжело ранен штыками и т. п. между прочими Перля Амстер. Изнасилована К... С..., живущая у Арона Гольда в Галиче, до сих пор больная. Нельзя дать точных данных об изнасилованных женщинах и детях, так как эти события, разумеется, держатся втайне. Кроме того, передают, что казаки ворвались в синагогу и надругались над свитками торы".

Д-р Эйгенфельд.

Станиславов, 9-го сентября 1920 г.

И. Шпигель показал: „От Боруха Зеемана он получил письмо, в котором тот сообщает, что проезжавшие мимо три казака вошли в квартиру его матери Ханы Шпигель, она же Зееман, и потребовали денег. Отобрали у нее все наличные деньги (10.000 марок), а также одежду, белье, постели и проч., после этого они изнасиловали ее, 54-летнюю женщину, и побили ужаснейшим образом, причем ее череп треснул в четырех местах. Несчастная жила еще три дня, а затем умерла. Это произошло 16-го августа 1920 г. в Тысьменице".

Израиль Шпигель, д-р Цилле и еще одна неразборчивая подпись.

Характерную картину погромов и насилий, в которых в трогательном единении участвовали поляки, петлюровцы, деникинцы и местные власти, дает показание г..., представленное в клуб еврейских депутатов в Польше[1]):

„Я приехал в Замостье 6-го августа с. г. и долгое время не мог выехать оттуда. Все время на улицах хватали для работ без всякого разбора. Город был совершенно отрезан от всего мира. Жандармерия арестовала некоего Иосифа, поляка, сторожа еврейского кладбища, и побоями вынуждала у него признание, что евреи прячут на кладбище оружие и прокламации, направленные против поляков. Иосиф категорически от этого отказывался.

[1]) Ibid., стр. 16.

Около 28 августа, когда началось наступление на Замостье, находящиеся в городе польские части начали грабить еврейские квартиры и лавки вместе с петлюровцами и остатками деникинцев. Они вломились в квартиру Абрама Менделя Гольдшмида, начисто ограбили ее и так сильно побили хозяина, что на следующий день он умер в больнице. Жене Гольдшмида, которую хотели изнасиловать, отрезали руки, а ее дочь тяжело ранили.

В Новом Посаде (около Замостья) казаки ворвались в квартиру Кагана, работающего у Ионы Переца, потребовали 150.000 рублей золотом, зверски мучили и, наконец, убили. Там же были расстреляны Абрам Финкельштейн и Цалка Дрешер. У многих евреев вымогали деньги. Большая часть евреек была изнасилована, в том числе женщины 40 и 50 лет"...

Аналогичное описание событий в Замостье и окрестностях находим в письме в клуб еврейских депутатов раввина г. Новый Замость, Мордхая Гурвича:

„Через наш город проходили казаки, входящие в состав польских войск, и от 8 часов вечера до 2 часов ночи они врывались в еврейские квартиры, всюду взламывали окна и двери, все уничтожали и грабили. В нашем городе зверски убиты 4 человека, 42 человека столь тяжко ранены, что большинству из них грозит смерть. Более 100 женщин было изнасиловано на глазах родителей и мужей. Ограбили все имущество, так что многие остались теперь без хлеба.

В 2 часа ночи пришел приказ, чтобы убийцы оставили город; они направились тогда в Красноброд, где также ограбили квартиры, 2 человек убили, 60 человек тяжело ранили и изнасиловали много женщин. Мы слышали, что в Комарове произошла страшная резня; подробностей мы не знаем...

Я получил также известие, что в городе Лашеве, Томашевского уезда, произошла резня и эксцессы"...

Мордхай Гурвич.

10-го сентября 1920 г.

Тот же раввин М. Гурвич пишет в другом своем письме:

„24 и 28 августа, а также 3 сентября произошли в Комарове страшные убийства и насилия. Число убитых доходит до 14, раненых 47, много тяжко избитых, сотни женщин изнасилованы. С этого времени мы живем в беспрерывном страхе; нет дня, чтобы не было грабежей. Преступники находятся

недалеко от нас, в Лочине. Мы обращаемся к вам с криком скорби и просьбой о помощи. Спасайте нас, сделайте, что только возможно, дабы уберечь нас от смертельной опасности. Не теряйте ни минуты...

Город вымер, все население скрылось в подвалах или чердаках. Мы просим немедленно оказать нам помощь: 60—70 % населения остались без одежды и еды, в пустых комнатах с выбитыми окнами. Из местных жителей никто не может нам помочь, так как и богатые начисто ограблены"...[1])

Характерными для петлюровских погромов являются жадность громил, невероятное зверство и массовое изнасилование женщин, тогда как момент глумления, столь характерный для эксцессов и погромов польских и ген. Балаховича, отступает как бы на второй план. Конечно, и петлюровец был не прочь отрезать бороду у еврея, поглумиться перед тем, как покончить с ним, но в общем он предпочитал подпаливать еврейские пятки, чтобы допытаться, где деньги спрятаны, или же выламывать изо рта своей жертвы золотой зуб, чем тратить свое время, подобно полякам, на то, чтобы заставлять евреев кричать: „пусть сдохнут все жиды". Петлюровские отряды, состоящие преимущественно из крестьянских элементов, интересовались прежде всего чисто материальными благами: деньгами, одеждой, едой, которые они вымогали силой и насилием с безграничным зверством. О полном разложении петлюровцев свидетельствуют и массовые изнасилования, совершаемые ими. Где только останавливался петлюровский отряд, там начинался погром. Мы уже привели данные о погромах в Станиславове, Замостье и Комарове. Не менее ужасны были события в Войнилове[2]).

Следующий документ рисует эти трагические события:

„Еврейский Комитет помощи.

Спасательная Секция.

Бесплатное бюро юридических консультаций.

Описание погрома, учиненного войсками атамана Петлюры *в Войнилове* 20—23 августа 1920 г.

Первые отряды петлюровцев под начальством полковника Дембинского прибыли 20 августа в Войнилов, где они и расположились. В городке был также пост польской жандармерии.

[1]) Ibid., стр. 20.

[2]) Там же, стр. 22—54.

В 11 часов вечера, благодаря ложной тревоге, этот пост оставил местечко и выехал в направлении на Калиш. С этого момента мы остались под „опекой“ одних только петлюровцев. В ту же ночь около 11 ч. произошел следующий случай:

В квартиру Менделя Гершберга ворвалось три казака, требуя от него денег. Он начал им об'яснять, что денег у него нет, но что если они непременно хотят что-нибудь взять, то пусть уведут коров и лошадей. Тогда один из казаков вытащил шашку и отрубил ему левое ухо, кроме того, несколько раз ранил его в голову, так что Гершберг, обливаясь кровью, упал без сознания наземь. Казаки, уверенные, что бедная их жертва уже мертва, вытащили Гершберга за ноги во двор, сами же вернулись в квартиру, забирая все, что можно, и уничтожая остальное. Часом позже Онуфрий Дуркало, найдя Гершберга почти без признаков жизни вследствие потери крови, унес его в свою квартиру; только благодаря этому Гершберг остался живым.

В субботу, т. е. 21-го августа 1920 г., комендант гарнизона Дембинский вызвал к себе несколько именитых купцов, а именно—Израиля Кнолля, Соломона Галлера, Моисея Зингера, Соломона Геллера и Михеля Ямпеля, и заявил им, что ему нужно для его людей 150 пар сапог, столько же костюмов, кроме того, вино и табак. Вызванные начали ему доказывать, что еврейское население в Войнилове очень бедно и не в состоянии доставить всех этих вещей; однако, они обязались исполнить требование хотя бы отчасти. Через час, когда они совещались по поводу сбора вещей, эти же лица были вызваны каким-то другим офицером (подхорунжим), квартирующим в другой части города, который заявил им, что затребованные предметы должны быть принесены к нему, в виду того, что он, как начальник гарнизона, никакой другой власти не признает. Явился вопрос, кому, собственно говоря, надо отдать вещи. В виду этого к коменданту Дембинскому отправились Саул Кнолль и Оскар Зингер, которые как бы играли роль парламентеров между евреями и петлюровцами, и изложили ему все дело. После долгих переговоров оба коменданта пришли к соглашению, по которому Дембинский должен был получить обещанное, а другой комендант получал 15 пар белья, кроме того, вино и табак. Оба коменданта при этом советовали евреям как можно скорее собрать вещи, так как войска хотя и привыкли

к погромам, но при добровольных сборах они могут от этого воздержаться. Когда Саул Кнолль возразил, что этой ночью тяжело ранили Менделя Гершберга, то Дембинский ответил, что он уже составил по этому делу протокол и выяснил, что это дело поляков.

Через два часа было собрано 15 пар белья и несколько фунтов табаку. Эти вещи забрал подхорунжий. Остальное надо было доставить Дембинскому в воскресенье 22-го августа, в 8 часов утра. Население надеялось, что благодаря этому добровольному сбору удастся избежать грабежей и убийств. Однако, уже во время сбора казаки ворвались в квартиру адвоката д-ра Паделя, начали грабить и угрожать смертью, так что он вместе с семьей покинул квартиру. В то же время была ограблена аптека Людвига Гольдштейна, а комендант подхорунжий вломился к кожевеннику Соломону Галлеру и сам начал грабить. Когда С. Кнолль и О. Зингер отправились к Дембинскому, чтобы изложить ему положение дел, то они застали там старшего офицера, которого называли „батько“ (фамилия его неизвестна). Оказалось, что действительным комендантом является именно этот батько, который обещал немедленно выслать казаков для поддержания порядка и предотвращения погромов. Пришел вечер, и казаки разбрелись по городу; почти все евреи убежали из своих жилищ, скрываясь в полях или ночуя в крестьянских хлевах. В ту же ночь были разбиты лавки купцов: Абрагама Грусса, Израиля Кнолля, Мирцы Штрасман, Соломона Галлера и многих других, кроме того, в тех домах, где находили евреев, их били, грабили и насиловали. Какой-то поручик вломился в квартиру Моисея Зингера, старшины еврейской общины, и потребовал у него контрибуции в 10.000 марок. Зингер дал ему 4.000 марок и тем успокоил петлюровцев.

В воскресенье в 4 часа утра какой-то офицер позвал к себе Саула Кнолля и Оскара Зингера и заявил им, что если через полчаса они не достанут ему 300 пар сапог, то он уничтожит местечко, а своим казакам позволит „погулять“. Трудно было сказать, что надо было предпринять в виду такого требования. Каждый казак, будь то офицер или рядовой, действовал по своей воле, каждый был полон жажды грабежа и убийства. Офицер сдержал свое обещание. Через полчаса около 150 конных казаков рассыпались по всему городу и начали

грабить, причем озверение их непрерывно возрастало. С ловкостью и опытом старых погромщиков они находили тайники, где были спрятаны деньги. Они с утонченным инстинктом отыскивали подвалы, где было спрятано имущество многих и многих евреев. Разбирали полы, ломали печи, нередко на глубину до одного метра копали в доме и около дома в поисках денег и спрятанных вещей. Этой добычи было, однако, для них недостаточно — им нужна была и еврейская кровь. Не было еврея, который, попавшись в их руки, вышел бы невредимым. Битье до крови нагайками и шашками было самым обыкновенным делом. Невозможно описать всего, что творилось, и представить всю глубину несчастья, свалившегося на местечко. В квартире портного Сейнвеля Экстера спряталось несколько евреев, в том числе и местный учитель Калман Грусс. К ним вломились два казака и стали бить и требовать денег. Один из казаков выстрелил, и пуля разбила руку Брусса выше локтя. Несчастный упал, обливаясь кровью, а несколько более смелых людей отнесли его на квартиру Герша Горфункеля. О врачебной помощи не могло быть и речи (врача в городе нет), так что ему наложили временную повязку; так как все разбежались, то некому было даже присматривать за ним. Жена его и дети узнали о случившемся только через несколько часов. Лишь во вторник, т. е. 24 августа, удалось отвести его в Калуш, где в госпитале ему ампутировали руку.

В понедельник 23-го августа 1920 г. рано утром ушел отряд петлюровцев, „гулявших" в городе, а на смену им пришла сотня черных запорожцев под начальством самого полкового командира поручика Деченко. Эти казаки сильно удивились, что в городе нет евреев, и, узнав, что они скрываются в лесах, полях, ржи и у крестьян, начали искать их. Отряд, свирепствовавший в городе в понедельник, своей жестокостью превзошел все предыдущее. Сперва грабили, били окна, уничтожали обстановку, а то, чего нельзя была унести,—уничтожали. Разбили подвалы у д-ра Надля, Израиля Грюнберга, Герша Горфункеля, Соломона Галлера, где были спрятаны большие запасы товаров местных купцов. Убытки достигают миллионов. После этого начались убийства.

Нотариальный писарь Муня Ган спрятался у крестьянина Ивана Кузеня. Около 3 час. пополудни в хату вошел какой-то казак и, застав там Гана, ранил его шашкой в голову. Когда

Ган стал его просить не отнимать у него жизни, так как он бедный писарь и никому зла не сделал, то казак ответил: „ничего не поможет, я должен убить тебя“. Испуганный писарь выскочил через окно в огород и стал убегать. Казак пустился за ним в погоню и, догнавши его, вторично ударил его по голове так, что череп треснул. Озверелый казак не оставил своей жертвы, но несколькими ударами отсек ему руку, пробил насквозь легкие и дважды столь глубоко проткнул ему живот, что вывалились внутренности. Несчастный умер тут же на месте; он оставил после себя жену и двое детей.

В квартиру сапожника Эбера Лазника ворвался казак и саблей отсек ему 3 пальца руки. В виду отсутствия врачебной помощи, наступило заражение крови, вследствие чего Лазник умер в госпитале в Калуше. Покойный жил на счет Комитета помощи, т. е. в величайшей нужде. Он оставил двух детей.

В квартиру Моисея Цинадера ворвалось несколько казаков; один из них, заметив во рту его жены золотые зубы, приказал отдать. Напрасно старались об‘яснить ему, что это прочно прикрепленный мостик, который нельзя вынуть; один из казаков начал шашкой выбивать ей зубы, другой же схватил маленького ребенка и изо всей силы бросил его на пол. Женщина была так страшно избита, что все тело ее покрыто ранами и синяками.

От Хавы Цинадер казак потребовал молока. Когда она пошла на кухню, чтобы снять горшок с горячим молоком, казак вырвал горшок из ее рук и облил ей все лицо горячим молоком, так что все лицо оказалось обожженным и обезображенным.

Тяжело ранены Лия Фрост (удар шашкой по голове) и Берта Штиберт. Обе находятся в госпитале в Калуше.

Тяжело ранена Зося Гольд. Она лечится в госпитале в Калуше. Большая часть евреев спряталась у крестьян, в поле и в окрестных лесах, но и здесь казаки их находили. Какой-то отряд, искавший беженцев, напал на мост, где пряталось несколько десятков евреев. Всю группу окружили, конечно, ограбили, после чего мужчинам приказано было лечь лицом к земле и под угрозой смерти им не позволяли смотреть на то, что происходит около них. Отцы и мужья стали свидетелями того, как насилуют их дочерей и жен. Между изнасилованными были и 13—14-летние девочки. Часть их лечится ныне в госпитале. Мы не приводим здесь имен несчастных жертв. После этих зверств всю группу окружили и погнали в город.

Около 4 часов казаки покинули город.

В окрестностях Войнилова и в деревнях петлюровцы свирепствовали 14 дней.

В квартиру Лейзера Андахта в Темеровцах ворвалось несколько казаков, требуя денег. Когда Андахт отдал им все наличные, которые имел при себе, всего 5.000 марок, то казаки, недовольные этой суммой, повесили его на крюке. Пришедшая в отчаяние жена, видя, что муж ее уже синеет, оборвала веревку, после чего оба супруга бросились бежать. Однако, казаки догнали Андахта и на месте зарубили его.

В Медыни казаки встретили в лесу кассира лесного предприятия Герша Грюнберга и жгли ему тело свечками, дабы выпытать от него сведения об имущественном положении местных евреев. Грюнберг весь обожжен и тяжело болен. В Медыни казаки не только ограбили еврейское население, но также разрушили целый ряд еврейских домов. Много женщин изнасиловано.

В Сивце сожжен дом Берла Шварца. После этого начисто ограбили всех без исключения евреев, живущих в ближайших деревнях, которые бежали, оставив свои квартиры на произвол судьбы.

В Мартынове три казака поймали Абрагама Фледермауса. Один из них приказал ему стать на колени, а другой на расстоянии двух шагов застрелил его. После него остались жена и четверо детей.

Вот краткое описание мучений еврейского населения Войнилова. Этот погром уничтожил существование евреев, осевших уже десятки лет тому назад, и оставил их на произвол судьбы.

Во всей окрестности нельзя отыскать ни единого зернышка ржи; цены на с‘естные припасы ужасающе поднялись, а помощи до сих пор нет. Только немедленная и широко поставленная помощь может спасти несчастных от голода и холода. Да не забудут все учреждения, куда придет это письмо, о сотнях несчастных, не имеющих ни крова, ни пищи.

Спешите к нам с помощью, и Бог вас вознаградит“.

Войнилов, 28-го сентября 1920 г.

Секретарь (подпись неразборчива) Председатель (подпись неразбочива)

Печать: „Еврейский Комитет помощи в Войнилове“.

В дополнение к этому общему описанию войниловского погрома приводим ряд показаний потерпевших, заимствованных из указанного выше источника[1]):

[1]) Ibid, стр. 37.

„Нижеподписавшаяся Лия Фрост, 58 лет, мать четырех детей, жительствующая в Войнилове, показывает, что в понедельник 23-го августа с. г. она была ограблена казаками Донской черной дивизии (т. н. дикой); у нее отобрали почти все ее движимое имущество, а когда она захотела убежать, то за ней погнались пять казаков. Они догнали ее в саду и потребовали выдачи всех наличных денег. Так как она не имела при себе никаких денег, то ей приказали раздеться донага; она должна была сбросить с себя даже рубашку, после чего, не найдя у нее денег, один из вышеупомянутых казаков вытащил шашку из ножен и ударил ее по голове около правого виска и рассек ей череп и лоб, так что несчастная пала на землю, как мертвая“... (Из протокола, составленного Еврейским Комитетом помощи в Войнилове 17-го октября 1920 г.)

„Герш Цаум, вдовец, 64 лет, показывает, что в понедельник 23-го августа около 11 часов утра он хотел убежать из дому, но его поймал казак и потребовал у него денег. Послушный этому приказу, он отдал ему все деньги, 3.300 марок, после чего казак начал обыскивать его карманы и, найдя еще одну марку, стал бить его нагайкой, якобы за то, что он солгал, сказав, что больше денег у него нет. В виду этого, Цаум стал звать на помощь, что рассердило казака; он хотел ударить его шашкой по голове, но Цаум заслонился рукой; удар пришелся по левой руке, и шашка резрезала ему всю руку, и часть кисти вместе с четырьмя пальцами отвалилась. Казак после этого удалился“... (Из протокола, снятого Еврейским Комитетом помощи в Войнилове, 18-го октября 1920 г.)

„Зося Гольд, 48 лет, мать двух детей, показывает, что дочь ее Клара, 16 лет, в этот критический день (23 августа) спряталась вместе со всей семьей от казаков, при виде которых все бросились бежать. Казаки пустились за ними в погоню, а кого догоняли, били шашками и пиками; этим путем была ранена сама Гольд, ее муж и Зухер Беер; казаки, наконец, догнали и дочь ее Клару в тот момент, когда она хотела перескочить через забор; один из казаков сильным ударом пики по голове сорвал ей всю кожу с правой части головы и кроме того разбил ей кости черепа. После этого она в обмороке упала на землю, обливаясь кровью. Казаки, думая, что она мертва, удалились“... (Из протокола, снятого еврейским Комитетом помощи в Войнилове, 18-го октября 1920 г.)

„Сабина Цинадер, 34 лет, жительствующая в Войнилове, показывает, что 23-го августа около 12 часов дня два казака ворвались в ее квартиру и, когда она находилась в кухне, подбежали к ней, чтобы выломать у ней золотые зубы. Муж, видя это, дал им 5.000 марок, после чего они удалились. Вскоре опять явился один из этих казаков в сопровождении восьми других и хотел непременно шашкой отрубить ей голову, чтобы овладеть золотыми зубами. Дети, видя ужасное положение матери, начали отчаянно плакать, вследствие чего один из казаков схватил самого маленького, годовалого ребенка и бросил его на пол. Мать захотела поднять ребенка, но казаки вырвали его из ее рук и опять бросили его. В это же время несколько казаков напало на ее мужа и ужаснейшим образом били его; в то же время ее избивали четыре казака шашками и прикладами, а штыками они били ее по челюсти, чтобы выломать золотые зубы. Узнав, что эти зубы не вынимаются, они от злости хотели распороть ей живот (она была беременна). Один из них глубоко порезал ей шашкой бок и голову, так что, обливаясь кровью, она упала на пол без сознания. Полагая, что она уже убита, они от нее отошли, причем бросили ей на голову шкатулку“... (Из протокола снятого Еврейским Комитетом помощи в Войнилове, 18-го октября 1920 г.)

„Иосель Рейнгарц, 73 лет, отец пяти детей, показывает, что в понедельник 23-го августа местные крестьяне подослали к нему двух казаков, чтобы он выдал им 1.000 долларов, якобы полученных им из Америки. Так как таких денег у него не было, то казаки схватили его за бороду и начали таскать его по земле, вырвав ему при этом почти всю бороду вместе с кожей; затем казаки стали колоть его шашками в ребра и нанесли ему 3 раны в области ребер, а также и в обе руки, после чего он в обмороке упал на пол. Желая спасти его от неминуемой смерти, жена его отдала казакам всю наличность в размере 9.000 марок, после чего казаки удалились, а пострадавшего перенесли к крестьянину, где его перевязали“... (Из протокола, составленного еврейским Комитетом помощи в Войнилове, 19-го октября 1920 г.)

„Исаак Гершберг, 36 лет, отец 6 детей, показывает, что 23-го августа около 12 час. дня в его квартиру ворвалось три казака, потребовавших денег; так как он не дал денег тотчас же, то его начали бить по всему телу нагайками и прикладами,

после чего один из казаков сильным ударом приклада разбил ему череп, а другой кузнечным молотом[1]) бил его по голове, причем трижды глубоко ранил его. После этого он в обмороке упал, а жена его дала казакам 12.180 марок и 24 серебряные австрийские кроны"... (Из протокола Еврейского Комитета помощи в Войнилове, 18-го октября 1920 г.)

„Герш Гринберг, 48 лет, отец одного ребенка, показывает, что в субботу 4-го сентября в его квартиру ворвалось 3 казака, требуя денег или жизни. Испуганный, он отдал им все деньги, всего около 10.000 марок; казаки этим не удовлетворились, но раздели его донага и стали горящей свечей прижигать ему тело. От боли он упал в обморок, после чего казаки, полагая, что он мертв, начали грабить его квартиру, забирая оттуда меха, одежду, белье, постель, муку, кухонную посуду, всего стоимостью в 425.000 марок, после чего они удалились".

Войнилов, 19-го октября 1920 г.

Герш Гринберг.

„Абрагам Рейнгарц, 35 лет, отец 3 детей, портной в Войнилове, показывает, что 23-го августа он спрятался у своего шурина, Лейзера Надлера, куда в 11 часов утра ворвалось два казака, вооруженных молотками и клещами, которыми они начали разбивать шкафы и сундуки. Не найдя там ничего ценного, так как все имущество Надлера было уже раньше ограблено, они потребовали денег у Рейнгарца. Так как денег у него не было, то они начали его бить шашками по плечам, ранив его несколько раз. После этого один из них приложил конец шашки к его груди около сердца, а другой казак стал молотком вбивать шашку в темя. В конце концов один из казаков с силой ударил его молотком по голове, разбив ему череп, так что он тотчас же упал, облитый кровью. После ухода казаков его отнесли к крестьянину, где ему перевязали раны"... (Из протокола Еврейского Комитета спасения в Войнилове, 20-го октября 1920 г.)

В заключение мы приведем описание погрома в Букачевцах, составленное очевидцем и опубликованное в газете „Хвиля" (7-го сентября 1920 г.):

[1]) Петлюровцы „гуляли" не столько с шашками и винтовками, сколько молотками и ломами, более пригодными для взламывания мебели.

„Простыми словами, опираясь лишь на факты, я расскажу, что пережило еврейское население местечка Букачевец, причем я должен упомянуть, что такие ужасные сцены разыгрались в Езуполе, Болшовцах, Бурятине, Галиче, Зеленом Устье и других местах, оказавшихся на пути похода варваров.

19-го августа в 4 часа утра из Букачевец ушел последний поезд, увозя железнодорожников и жандармерию. На другой день в 2 часа дня вошли в город казаки из армии Петлюры, сперва патруль из четырех человек, затем около 300 конных. Тотчас же начались грабежи и убийства, на рынке публично насиловали еврейских девушек и т. д.

Портного Юду Мульбигата, которому нечем было откупиться, засекли на смерть. Раввину Эфраиму Хамайделу разбили голову и ограбили его и его жену за то, что они не хотели указать, где скрывается их дочь.

Лейбе Купперу и Хаиму Гемберу разбили головы, порезали руки Ише Голлеру, Марку Марфельду и Финкельштейну. Во многих домах насиловали еврейских девушек и заставляли присутствовать при этом родителей. В одном доме одновременно насиловали мать и дочь.

У землевладельцев Гельберна и Эленброда отобрали, кроме драгоценностей, весь живой и мертвый инвентарь. У всех евреев-извозчиков отобрали лошадей.

Из не-еврейского населения пострадал русский священник, у которого побили жену и забрали лошадь, а также ксендз Долек, у которого увели 15 лошадей и возы. Якова Штрассмана на улице раздели донага и старались вырвать у него золотой зуб.

Этот погром продолжался без перерыва 12 часов, всю ночь в городе раздавались стоны и крики; все прятались по погребам, причем некоторые польские крестьяне (мазуры) укрывали у себя много девушек, спасая их этим от позора. В 4 часа утра казаки покинули город. Врач Порицкий с достойным признания самопожертвованием принялся за осмотр раненых и убитых“ [1]).

Подобно Савинково-Балаховщине, Петлюровщина также чередует кошмарные погромы с миролюбивыми воззваниями к еврейскому населению, выявляя в них свое „благоволение“ к патриотическому еврейству, „с которым они хотят жить в дружбе и любви“... Но это сплошное лицемерие.

[1]) Ibid., стр. 6.

ГЛАВА VI

ПОЛЬСКИЙ АКТИВНЫЙ АНТИСЕМИТИЗМ

1. Социально-политические причины

Антисемитизм в Польше имеет глубокие корни. Беря только последние тридцать лет, мы должны констатировать, что развитие антисемитизма обусловливается до известной степени ростом крупного капитала в Польше, который долго продолжал существовать, как крупный торговый капитал еврейский, и лишь позже развился, как капитал польский. „Налевки“ (еврейский торговый центр в Варшаве) в этом отношении гораздо старше „Нового света“ и „Краковского предместья“ (польские торговые улицы в Варшаве) и давно возбуждали зависть и ненависть городского мещанства. Но не этот первоначальный антисемитизм является решающим в той волне ненависти к евреям, которая характеризует собой последний десяток довоенных лет (1905—1914 г.), полосу расцвета торговли и промышленности как в России, так и в Польше.

В эти годы в Польше сильно развивается мелкая и средняя торговля, которая резко и определенно сталкивается с уже имеющейся традицией прошлого, торговой деятельностью средних и низших слоев еврейства. Еврейская масса в два миллиона человек, образуя 14—17% всего населения Польши, а в городах от 30 до 50%, рекрутируется по преимуществу из мелких торговцев, отчасти и ремесленников. Высланная из центральной России в годы 1881—1889, по распоряжению царского правительства, многотысячная еврейская масса также направлялась в Польшу, чтобы увеличить там кадры руссифицированных торговцев и посредников. Из Литвы и Белоруссии в Варшаву стекаются выходцы из мелкой буржуазии, заполняя кадры профессиональной интеллигенции. Они — конкурренты вновь появившемуся польскому торговцу и интеллигенту. В своих интересах последний начинает расширять сферу антисемитских настроений, втягивая в нее как широкие слои среднего люда

т. е. городскую улицу, и также крестьянскую массу, которую он хочет спасти от „жидовской эксплоатации"... Однако, антисемитская волна не ограничивается средними слоями; довоенное десятилетие выбрасывает ряд крестьянских элементов в города, впервые их пролетаризует и направляет на фабрики и заводы, куда они приносят свое антисемитски-крестьянское настроение к чужаку и посреднику-еврею, дополняемое ненавистью к фабриканту-еврею. Клерикальные и националистические партии раздувают эти неглубокие антисемитские настроения в рабочей массе. Антисемитизм в этот период выражается в основном бойкотистском лозунге, популярном в широких буржуазных и мелкобуржуазных кругах: не покупать ничего у евреев, бойкотировать еврейские товары, бойкотировать евреев вообще. По отношению к еврею-рабочему лозунг видоизменяется и гласит, что еврею место в ремесле, при ручном труде, крупное машинное производство — привилегия польских рабочих. Лозунг экономического бойкота, несомненно, имел экономические последствия и служил укреплению польского торгового капитала, который, однако, не сумел вытеснить еврейский торгово-промышленный капитал из старых позиций. Что касается стремления не допустить еврейского рабочего в крупное производство, то, действительно, за немногими исключениями еврейский рабочий за означенный период расцвета промышленности не смог завоевать серьезных экономических позиций. Еврейские рабочие, впрочем, не выявили еще за этот период большого тяготения от традиционных форм труда к новым. Еврейская буржуазия боялась еврейских рабочих, как революционной силы, трения между еврейскими и польскими рабочими на этой почве имели место в Белостоке (ткачи) и в Варшаве (механические сапожники). Но необходимо уже здесь отметить, что в жизни рабочего класса эти частные трения занимали очень небольшое место, в центре внимания оставалась борьба рабочих против капитала и царизма.

Иное среди буржуазии. Здесь антисемитизм превращается в постоянное политическое орудие борьбы. С одной стороны — народово-демократия, партия аграриев и крупной буржуазии организует массу под лозунгом „борьбы с еврейским засильем". С другой стороны — некогда прогрессивная интеллигенция, почуяв жестокую конкуренцию со стороны нахлынувших в Варшаву евреев-литваков (из Литвы и Белоруссии), создает теорию „прогрессивного антисемитизма". Основываясь на расовой теории,

на принципе чистоты польской культуры, на опасной для Польши культурной роли евреев чужаков-литваков, Немоевский обосновывает этот культурный антисемитизм, давая ему в то же самое время определенное политическое содержание:

— Польский еврей может стать равноправным в свободной Польше, но еврей-литвак с его жаргоном и идеологией нам чужд; еврей становится равноправным лишь при ассимиляции.

В процессе развития и борьбы на место „литвака" ставится еврей „вообще". Этот антисемитизм за все десятилетие до войны охватывает всю демократическую интеллигенцию, мелкобуржуазные слои.

Рост антисемитизма не сопровождается погромами; поляки утверждали, что они „слишком культурны для этого". Как мы видели уже, став независимыми, они легко отделались от этой „культуры". Дело было в том, что стремление самодержавной России использовать в Польше антисемитизм русских чиновников и отбросов полиции учинением еврейских погромов не было приемлемо для польских реакционных кругов, которые охотно бы сами разделались с евреями, но были слишком политически зрелы и „культурны" для того, чтобы не понять, чью игру они при данном положении вещей будут играть. Однако, в моменты обостренной борьбы с евреями, как это имело место при выборах депутатов в Государственную думу, когда евреи вместо антисемита Кухаржевского отдают свои голоса социалисту Ягелло, польские реакционные группы угрожают не только обострением бойкота, но и погромными действиями. Подготовляемая погромная почва принимает конкретные очертания к моменту процесса Бейлиса (1913 г.): на улицах Варшавы, в трамваях происходит целый ряд эксцессов, носивших характер обывательских издевательств и нападений отдельных лиц на евреев. Несомненно, что национал-демократическая пресса, статьи Немоевского и других влиятельных политико-бойкотистов питали эти эксцессы. Демонстрация (всеобщая стачка) еврейских рабочих в день суда по делу Бейлиса встретила сочувствия в польском пролетариате: организованная часть польского пролетариата не была захвачена политически осознанным антисемитизмом.

Таким образом, вся довоенная полоса создавала насыщенную атмосферу ненависти к евреям, захватившей широкие массы; атмосфера эта была использована во время войны.

Война вызвала во всех польских буржуазных партиях надежду на освобождение Польши; русская ориентация захватила значительную часть буржуазии русской Польши. Манифест Николая Николаевича, главнокомандующего русскими армиями, еще углубил эти настроения. Самодержавие в тот момент выступало уже не как аграрно-буржуазный кулак великодержавной России, а как международная связанная с Францией и Англией сила, которая, казалось им, может быть использована в польских интересах. В то же время война вызвала в польском пролетариате наиболее яркие революционные чувства — пролетарские партии выступают как против правительства, так и против империалистической войны. Мобилизация встречала здесь бо̀льшие трудности, чем в других частях империи, — царскому правительству необходимо было отвлечь внимание масс от политической борьбы, направив его по другому направлению, отмечая при этом „действительного виновника“ русских поражений — „еврейскую измену“. Военные действия сопровождались погромными выступлениями против евреев, отчасти политически-организованными русским правительством, отчасти обусловленными непосредственными результатами боевой жизни с ее реквизициями, насилиями, приспособившимися к особой социально-национальной структуре: грабить евреев было проще, легче, удобнее и безопаснее, чем поляков.

Процесс войны сильно изменил хозяйственную структуру самой Польши и отношение классов в ней. Борьба польского и еврейского торгового капитала на почве военного разложения приняла особо упорный и острый характер. Посредническая роль еврейского торгового капитала, вследствие его исторического прошлого, укрепилась и усилилась, в особенности за период германской оккупации — язык и навыки делают возможным евреям близко подойти к немцу-оккупанту. Период оккупации ухудшает национальные отношения между поляками и евреями. Евреи становятся выгодным элементом для немцев, используемым ими, но в то же время состоящим под их непосредственной защитой, что спасает евреев от частой ненависти поляков, но углубляет национальное расхождение.

Все это сыграло огромную роль к моменту образования польского государства. Аграрно-офицерские элементы конгрессовой Польши, Познани и частей б. Австро-Венгрии образовали спаянную силу, определенно и резко антисемитски настроенную;

националистически-крестьянские части, собранные в польских легионах, представляли из себя самый активный антисемитский элемент. Среди них выделяются „галлерчики“ и „познанчики“. Первые состоят из приехавших из Америки, по преимуществу, галицийских поляков, которые были об'единены в отряды генералом Галлером и двинуты на помощь создающейся Польше. Антисемитизм в австрийской Польше носил чисто аграрный характер и был острее, чем в русской Польше, ибо там не было сближения низов обеих наций на трудовой почве. Роль евреев во время войны в Галиции была еще более тыловой и посреднической, чем в русской Польше. Познанские поляки, по преимуществу кулацкий элемент, сосредоточили в себе синтез польской ненависти к еврею с чисто прусской военной жестокостью. Хозяйственное истощение в процессе войны и оккупации, воинские части, не всегда обеспеченные и чаще всего совсем не обеспеченные всем необходимым, сознание „освободителей страны“, что им вообще все позволено, уже естественно создавали погромные возможности, которые действительно прорвались по всей стране — в медовый месяц польской свободы. „Улица“ мстила еврею, выражая вовне накипевшие в ней чувства, солдаты явились ее авангардом и помогали ей наживаться за счет еврейства. Действия эти, как мы выше видели, находят свое выражение в перманентных эксцессах, пересекаемых рядом жестоких погромов.

Официальные руководители польской политики занимают по отношению к этим эксцессам двойственную позицию: с одной стороны, на порядке дня стоял вопрос международного положения Польши; пределы самой Польши, как и размеры ее к моменту заключения Версальского договора определялись взаимоотношением международных сил, что требовало от Польши соблюдения определенных приличий в еврейском вопросе; с другой стороны — еврейские погромы спаивали крестьянские легионы с мещанской улицей городов в одном национально-победоносном восторге. Тактика правящих кругов Польши выразилась в том, что, не давая погромам подняться выше определенного уровня, она в то же время не борется с ними, а отрицает их перед общественным мнением Европы и Америки.

Несмотря на огромные международные успехи, с вопросами внутренней политики обстояло весьма неблагополучно. Польское крестьянство в массе понимало независимую Польшу,

как наделение землей, как аграрную реформу; польский рабочий понимал эту независимость, как социальную реформу, польская армия — как улучшение ее положения. У польского правительства социальных перспектив никаких не было — все должно было оставаться попрежнему, все социальные противоречия должны были быть сдерживаемы идеей национальной эмансипации. Великая Польша — от моря до моря — должна была заменить все социальные стремления и чаяния освободившейся Польши. Началось расслоение в армии, перегруппировка сил для ведения дальнейшей военной борьбы за расширение национальных границ, без новой мобилизации, оказалась единственной возможной военной политикой. Недовольство в армии в процессе перегруппировки сил для дальнейшей борьбы нарастало. Единственным исходом в этой полосе является националистическая пропаганда, поддержка антисемитских настроений, погромные эксцессы; последние фактически и не прекращаются. Но в то же время роль Америки, в частности Вильсона, в деле создания Польши, огромная финансовая помощь со стороны Америки при большой роли там еврейского капитала заставляли польское правительство проявлять особую осторожность в отношении к евреям, несмотря на полную подготовленность почвы к крупным погромным действиям и желательность погромных дел для правящих кругов с точки зрения внутренней политики и спайки крестьянской армии.

Положение меняется с перенесением тяжести международной силы, определяющей судьбу ближайшей политики Польши, с Америки на Францию. Союз с французским империализмом развязывает руки польской буржуазии, раскрывает ей путь экстенсивной политики, соответствующей условиям развития послевоенной Польши. Вся надежда при этом должна быть возложена на армию — и эта сила становится необходимой составной частью единственной солидной европейской вооруженной силы — французской армии. Острие польской политики направляется в особенности против Советской России. Союз с французской военной партией, заостренная борьба против Советской России, делают антисемитизм выгодным орудием военной политики и национальной спайки. Идеология антисемитизма становится расчитанным, политически осознанным средством всей системы правительства. Довоенный культурный и экономический антисемитизм уступает место старому

царскому антисемитизму с его специфическим полицейско-политическим характером. Идет полоса военных погромов, как Лида, Пинск, Минск, Вильно, сменяющихся волной беспрестанных эксцессов и глумлений по всей стране; вся государственная система, пресса, культура (театр, кинематограф) питает это движение. Впереди посылаются наиболее реакционные части, познанские легионеры и „галлерчики“, являющиеся скрепой и организационным элементом молодой крестьянской польской армии. Победы польских частей носили характер политической оргии военной касты, захватывающей территорию чужой, враждебной национальности. Зажигающим моментом здесь является антисемитизм, ибо ни с литовской, ни с белорусской массой эти поляки никогда не сталкивались. Борьба шла под лозунгом: „евреи — большевики“, „евреи — комиссары“. Троцкий — наркомвоен, польские коммунисты в заговоре с Россией — все это евреи.

Нужно было не только спаять армию, поднять ее дух, но вместе с тем и удовлетворить ее аппетиты; армия пользуется благами побед: грабежи и погромы становятся профессией передовых частей польской армии. Погромы являются, таким образом, средством удовлетворить армию, нагнать террор на побежденное население и вместе с тем внедрить сознание в самой Польше и за пределами ее, что против поляков воюют евреи, что Советская Россия — еврейское государство, что народные комиссары сплошь евреи и т. д.

Во всех рассмотренных нами во 2-ой главе военных погромах польское правительство старалось не особенно дать разгуляться стихии — города отдавались передовой части армии на несколько дней; тем самым оно придавало погромам явно организованный и политически-расчитанный характер; разбушевавшаяся военная масса держалась в определенных рамках, выходить за кои ей было заказано.

Исключением является полоса крупных поражений, когда польское правительство, считая свое дело временно почти потерянным и допуская возможность взятия Варшавы красной армией, нервничало и теряло характер солидной политической силы. Польша была спасена Антантой, главным образом, Францией. Господствующие классы были охвачены злобой, ненавистью, жаждой мести; самые реакционные элементы брали верх; военная диктатура царила надо всем. Все было терроризировано. Варшава была под угрозой погрома. Только боязнь

нарушить равновесие тыла, близко лежащего к фронту, спасла еврейское население от жесточайшей расправы. Пришедшая на смену победа дала исход назревшей ненависти. По всему фронту отступления красной армии шел сплошной погром; еврейские женщины насиловались, еврейское население убивалось и ограблялось. Идеология — „евреи нас били, хотели взорвать независимую Польшу“ — пропагандировалась в армии. Польское правительство потакало этим погромам, так как они были политически ей на руку — шла ведь инсценировка, как „народ“ и „армия“ разделывались с национальным врагом и изменниками общему делу, виновниками временной слабости.

Борьба против Советской России заставляет польское правительство связаться с определенно погромными силами, Савинково-Балаховщиной и Петлюровщиной, и совместно с ними учинять жестокие еврейские погромы в Белоруссии, Украине и Галиции, терроризируя население и разрушая пограничные области.

Высоко поднявшаяся в Польше волна погромов отличается от петлюровских погромов на Украине тем, что она более кратковременна, не превращается в перманентную бойню и прекращается еще стойким солидным правительством; в жестокости они мало отличаются друг от друга — польская полоса отличается вдобавок своим цинично-глумливым характером.

С возвращением к устойчивому положению в стране погромная волна спадает, понизившись до уровня перманентных с момента эмансипации Польши еврейских эксцессов... Антисемитизм не перестает при этом быть средством политической борьбы. Сложившиеся международные отношения, как устойчивость советской власти, ослабление помощи со стороны Франции, поддержка последней Чехословакии, в качестве руководителя Малой Антанты, усиление роли Англии в Европе — делали необходимым лавировать между всеми этими силами, держаться более пацифистской политики и блюсти полный порядок и устойчивые отношения внутри страны. Правительству погромы, как таковые, не нужны, и их нет. Однако, армия и молодежь воспитывается в том же националистическом духе; их антисемитское настроение сознательно питается правительством. Националистическая молодежь безнаказанно избивает публику, покупающую билеты на вечер Изы Кремер, и она об'является „жидовкой-большевичкой“. Дифференциация польской буржуазии в вопросе союза с Францией и политика

15

по отношению к России колеблет господство военной партии; но главным внешним врагом все-таки признается Советская Россия, а внутренняя политика направлена против широких масс: аграрная реформа не проведена до сих пор; экономический и финансовый кризис — ужасающий. При этих условиях антисемитизм—неизбежное орудие в руках военной партии. Применение же его зависит от конкретных обстоятельств. Еще в декабре 1922 г., когда президентом республики был избран неугодный националистическим партиям Нарутович, через неделю ими же убитый, молодежь на улицах столицы препятствовала депутатам Сейма доступ на заседание, в котором избранный голосами „евреев и немцев“ президент должен был принести присягу, и избивала попутно еврейскую публику при попустительстве столичной полиции. Расстрел в Москве (апрель 1923 г.) прелата Буджевича влечет за собой в Варшаве демонстрации, сопровождаемые избиениями евреев.

2. Политические партии

Обратимся к рассмотрению отношения главнейших польских партийных группировок к еврейскому вопросу. Опорой польской реакции является партия народовой демократии, опирающаяся на землевладельцев и крупную буржуазию Польши, финансовую и промышленную; партия эта простирает свое действие на широкие мелкобуржуазные круги и на круги крупного крестьянства в деревне; к ней же примыкает большая часть католического духовенства. Националистическая и антисемитская, по самой своей сущности, она умеет влиять на темные элементы города и кулацкие элементы деревни, втягивая их в свое русло и заставляя их делать свое дело. Народовые демократы являются застрельщиками еврейского бойкота в царское время; они же провоцируют впоследствии выступления легионеров и городских подонков, ведя определенную систематическую погромную агитацию. Народовая демократия сумела приспособиться ко всякому политическому режиму, даже самодержавному строю России и германской оккупации. Интересы главных составляющих ее частей расходятся в тот или иной момент. Финансовая знать сливается с офицерской кастой, составляющей наиболее реакционно-антисемитскую часть командующих классов. Торгово-промышленные группы тяготеют к более пацифистской политике, к организации производительных

сил внутри страны, к более независимому положению Польши от Франции, к товарообмену с Советской Россией и Украиной. В противоположность военной группе с ее террористическим антисемитизмом, антисемитизм данной группы носит более мирный, бойкотистский характер; перманентные эксцессы и погромы ее пугают, ибо они вредят реномэ Польши за границей и мешают установлению порядка внутри страны, они охотно освободились бы от еврейства путем эмиграции, но не путем избиения. К военной группе примыкает активно-погромная „экономическая" организация „Розвой", ее вкусам угождают, помимо чисто партийной прессы, черносотенные газеты, как „Два Гроша" и орган Немоевского „Мысль Неподлегла" (Независимая Мысль).

Как нами показано выше, польские погромные действия носят определенно организованный характер. Непосредственной виновницей означенного боевого антисемитизма, его застрельщицей является партия народовой демократии, которая несет за него полную и безусловную ответственность. Достаточно даже бегло рассмотреть органы партии, проследить за выступлениями депутатов в Сейме и городских самоуправлениях, чтобы убедиться в том, что польские погромы вызываются и поддерживаются самым циничным и откровенным образом прессой и представителями наиболее влиятельной польской партии. „Газета варшавская" (центральный орган партии) пишет 15-го декабря 1918 года: „Единственным средством спастись от опасности еврейского империализма... является союз христианских народов... еврейская опасность во многом напоминает опасность эпохи крестовых походов".

„Либерум вето" пишет в начале января 1919 г.: „Ныне они (т. е. евреи) являются пособниками Германии и патронами большевизма... И если временами народ, теряя терпение, чинит кое-какие эксцессы по отношению к евреям, то это лишь сотая часть того, что им следует по праву возмездия".

На заседании Сейма 20-го марта 1919 года н-д'ковский депутат Пашковский заявляет по поводу еврейских беспорядков в Домбровском районе: „Разве польские солдаты совершают преступление тем, что они приказывают жидам, распространяющим большевистские брошюры и воззвания, с'есть эти печатные произведения".

„Курьер варшавский" пишет 7-го апреля 1919 г. в статье „В тылу армии": „Наши войска вынуждены бороться и очищать

занятые местности от большевистских очагов. Последние образуются, главным образом, евреями... 9-го прошлого месяца был обнаружен в местечке Клешчицы, Бельского уезда, склад оружия и военного снаряжения в доме Абрама Сомальского. Тогда прибегли к действительному средству—его деревянный дом был подожжен; по силе взрывов было ясно, что в этом еврейском доме хранилось множество снарядов различных калибров. Само собой разумеется, что оружие было предназначено для местной большевистской организации... Правда, местные евреи жалуются, что их все время беспокоят и устраивают на них облавы; но другого выхода нет, они сами виноваты. Такие склады оружия, как описанный в Клешчицах, встречаются часто в еврейских помещениях".

На заседании варшавского магистрата от 20 июня 1919 г. н-д'ковским гласным Бржезинским была предложена следующая резолюция: „В виду того, что позиция определенных еврейских групп в стране, в крессах и за границей является определенно враждебной в отношении польского народа, магистрат постановляет: 1) обратиться к населению с воззванием о том, чтобы оно спокойно и хладнокровно отнеслось ко всем провокациям со стороны еврейских групп, направленным на возбуждение беспорядков в стране, и 2) магистрат осуждает все эксцессы против евреев и находит, что единственной управомоченной инстанцией для защиты интересов нации является правительство и единственным органом для учинения расправы является суд". Момент требует сдержки, но агитация продолжается.

На заседании Сейма 28-го июня 1919 года вождь боевого крыла партии Корфанти вносит срочное предложение: „Является общеустановленным, что в восточных областях прежней польской республики большевистско-еврейское управление третирует бесчеловечным образом, истязует и убивает польское население... Евреи раньше помогали немцам, а ныне относятся враждебно к полякам. Несмотря на это, польский народ является миролюбивым, он не учиняет еврейских погромов, а если местами и бывают нежелательные выступления, то он их осуждает и требует от правительства принятия соответствующих мер. Однако, необходимо, чтобы польское правительство взяло под свою охрану польское население от большевистско-еврейских преследований и приняло бы энергичные меры против фальсификации общественного мнения распространением еврейской лжи".

После периода военных погромов летом 1919 г. н-д'ковская пресса только и повторяет о распространении евреями за границей клеветы в отношении к Польше.

В июле 1919 года „Газета варшавская" пишет: „Польское Правительство должно через своих иностранных представителей посадить на скамью подсудимых каждого еврейского писарька из „Дейли Хроникл", „Юманите", „Популер" или „Аванти",— тогда наверно исчезнут с лица польской земли антиеврейские погромы, создаваемые богатой фантазией бессовестных сионистских ненавистников Польши"...

„Мысль Неподлегла" Немоевского пишет в середине июля 1919 г. по поводу миссии Моргентау: „Посылка к нам означенной комиссии является провокацией... Постановка во главе комиссии, призванной исследовать польско-еврейские отношения, известного общественного еврейского деятеля является не только поступком нетактичным и даже неприличным, но перчаткой, брошенной в лицо правде и польской национальной чести... Народ „шульхан-арах'а" (еврейский религиозный кодекс) поддерживает свое существование ростовщичеством, грабежом, спекуляцией, торговлей живым товаром, фальшиво-монетничеством... Мы призываем широкие народные массы протестовать против решения г-на Вильсона... В то время, как последний посылает к нам еврейского деятеля, евреи в Польше вместе с немцами, русинами и русскими большевиками устраивают против нас заговоры; у нас евреи стреляли в наши военные отряды и отдельных солдат... Эту комиссию мы вообще могли не впустить в нашу страну, так как она состоит из лиц, принадлежащих к нации, с которой мы состоим в фактической войне... Поступок г-на Вильсона равносилен бросанию спички в пороховой погреб"...

В октябре 1919 г. на с'езде н-д'ковской партии один из вождей ее, Грабский, заявляет: „Процент чужаков у нас бесспорно слишком велик—он должен быть доведен до $1-1^{1}/_{2}$. Чужой элемент вынужден будет выбрать место, где ему будет лучше... Необходимо установить принцип: „Польша для поляков"...

Особо кошмарное впечатление производит н-д'ковская пресса во время наступления и отступления красной армии. Так, „Речь Посполита", орган Падеревского, пишет: „Глумливое отношение к нам со стороны еврейского населения в местах, занятых большевиками, производит очень тяжелое впечатление... В Калише дома были украшены красными знаменами;

разгуливала вооруженная милиция, сплошь состоявшая из евреев, украшенных красными бантами".

24-го сентября 1920 года н-д'овцы вносят в Сейм следующее предложение: „Опять распространяются слухи по всему миру о еврейских погромах, якобы учиненных нашими легионами, находящимися в тяжелой борьбе со всеуничтожающей большевистской силой... В действительности дело обстоит как раз наоборот — у нас нет еврейских погромов; евреи же, со своей стороны, везде с неописуемым цинизмом выступали вооруженными против нашей армии в момент ее отступления, т. е. самый для нее критический. Озлобление евреев дошло до того, что они бросали свои жилища и уходили в большевистские лагери. А потому клуб н-д'овских депутатов вносит следующее срочное предложение: военное министерство и высшее военное командование призываются опубликовать документы о всеобщей измене еврейского населения и о его активном вооруженном содействии врагу, благодаря чему последний оказался в состоянии подойти до ворот столицы".

Крайне интересную идеологию либерально-бойкотистской части партии по отношению к еврейскому вопросу выявляют представители сеймовской фракции перед комиссией 2-го интернационала. Приводим характерную выдержку из их длинных об'яснений: „Наша партия не враждебна евреям, но наши крестьяне считают, что евреи враждебны Польше. В Австрии евреи идут рука об руку вместе с австрийцами, в России с русскими, на Украине с украинцами. Так, в Тарнополе еврейский баталион боролся вместе с украинцами против поляков"... Представители партии не отрицают, что познанчики нападали на евреев, так как они „хотели превратить Варшаву в чисто польский город"; затем „легионеры, столкнувшись на фронте с большевиками и зная, что среди них много евреев, перенесли свою ненависть на евреев вообще; кроме того, в еврейских кварталах происходили нападения на польских солдат — акты мести происходят с обеих сторон"... „Но эти эксцессы против евреев нами не могут быть одобрены",— замечает представитель партии, ксендз. „С другой стороны,— добавляет он,— ни одно христианское государство не терпело бы 14-процентное еврейское население без более частых инцидентов, чем у нас". „Евреи во время войны были заодно с врагами Польши, с немцами... Нет ненависти к евреям, но они нам противны... Лишь

при черезчур сильной эксплоатации евреями крестьянского населения последнее реагировало на это решительным образом... Нельзя сказать, что погромов не было; но они были лишь единичные, притом они учинялись чернью и всяким сбродом. Наиболее часто евреи защищались духовенством... Нет средства, которое улучшило бы сожительство населения, наполовину христианского, наполовину еврейского. Так как к тому же евреи сплошь живут торговлей, то немыслимо для христианского населения терпеть 14—15% торгашей; их число должно быть доведено до 1%, и тогда больше нечего будет опасаться эксцессов. Мыслимо даже, что в этом случае евреи смогут занимать посты, для которых поляки являются неподходящими. *Дело идет не об уничтожении евреев, а о создании возможности к мирному сожительству разных частей населения"*... В соответствии с этой идеологией, представители н-д'ковской партии строят следующую практическую программу действий: „Евреи должны быть признаны иностранцами, которые должны быть освобождены как от воинской повинности, так и от прочих гражданских повинностей, ведь многие из них являются врагами государства, не желающими его величия— разве такие элементы могут быть допускаемы в войсках?—они должны быть оттуда изгнаны... Если еврей хочет быть действительным поляком, то он должен быть вполне ассимилированным и притом и крещеным... Что касается еврейской школьной автономии, то пусть она существует, но еврейские учреждения не являются государственными; точно так же еврейская религия не может быть признана полноправной государственной религией... Нежелательны также смешанные школы, ибо не должно быть никакого соприкосновения между еврейским и католическим населением... Если же евреи будут выставлять и впредь такие национальные требования, как и сейчас, то дело окончится кровавыми бойнями".

К этому необходимо отметить, что беседа происходила в сравнительно мирный период, до наступления красной армии, и представители партии выражают ее либерально-бойкотистское течение.

Под духовным воздействием и фактическим руководством народовой демократии находится мелкобуржуазная рабочая организация „христианская демократия"; по существу, она по всем вопросам идет рука об руку с идейным ее руководителем—

народовой демократией, от которой она не отступает ни на шаг. На митинге 11-го июля 1919 г. рабочие „христианской народовой партии“ протестуют против „еврейской провокации в отношении погромов“. При выборах в Сейм (ноябрь 1922 г.) обе группы образовали общий блок—„Христианска едность народова“ (Хиена),—терроризовавший своих политических противников, в особенности левых и блок национальных меньшинств...

Как мы уже выше указали, крупное крестьянство примыкает к народовой демократии; среднее крестьянство, представляющее собой большинство населения страны и сознающее, что его интересы в аграрном вопросе противоположны интересам крупных аграриев, группируется вокруг „крестьянской народной партии“ („Пяст“), руководимой Витосом. Партия эта долго колебалась между народной демократией и более левыми элементами, но затем определенно сблизилась с н. д. В отношении еврейского вопроса они всегда примыкали к культурно-бойкотистскому взгляду либерального течения н-д‘ков. В центральном органе партии „Пяст“ в №№ 27—28 за 1919 г. мы находим следующую заметку: „Мало-по-малу питейные заведения (вот о чем забота!) переходят из еврейских в польские руки; есть основание надеяться, что с течением времени все они будут находиться в католических руках. Если мы будем действовать разумно, мы сможем освободиться если не от всех, то от значительной части еврейства“.

На заседании Сейма 22 февраля 1919 г. Витос в своей декларации от имени П. С. Л. („Пяст“) заявляет, что „он не хочет преследовать весь еврейский народ, но что он не может допустить, чтобы евреи не выполняли своего патриотического долга“.

На заседании Сейма 24-го мая 1919 г. видный член партии Домбский заявил, что существует „германо-чешско-украинско-еврейский заговор против Польши“. „Я отдаю себе отчет в том огромном вреде, который евреи нам могут причинить в настоящий момент“.

На заседании Сейма 27-го мая 1919 г. Витос заявил, что евреи уклоняются от службы в армии, но зато „все военные поставки получают те же лица, которые поставляли и для австрийской армии; эти лица чуждого нам происхождения, иных воззрений, иной национальности, нажили миллионы, доведя австрийскую армию до поражения, и разжирели от народного

пота и крови... И если даже еврейский солдат умеет наживаться за счет польского, то необходимо в будущем установить в армии больше порядка"...

Партия „Пяст" не муссирует столько еврейский вопрос, сколько народовая демократия; он для нее не такой боевой, как для последней. В то же время во всех антисемитских действиях и начинаниях правительства, в котором партия „Пяст" играет крупную роль, а подчас и руководящую, они идут рука об руку с народовой демократией.

Радикально-крестьянской партией, не особенно крупной, значение коей возрасло за последние выборы 1922 года, является „Вызволение"; она опирается на более бедное крестьянство. Отношение свое к еврейскому вопросу представители партии характеризуют комиссии II-го интернационала следующим образом: „Еврей для деревни является посредником-торговцем. Для борьбы с посредничеством деревня организует свои кооперативы, являющиеся центром политических движений деревенского люда, направленных в то же время как в экономическом, так и в политическом отношении против крупных аграриев"... „Крестьяне, примыкающие к партии „Вызволение", по существу, нейтральны к евреям... Отношение деревни к евреям ухудшилось со времени германской оккупации. Благодаря сходству между еврейским жаргоном и немецким языком, еврей мог явиться посредником между оккупантом и польским крестьянином. При этом, являясь меньшинством, он пришел в соблазн стать на сторону более сильного и могущественного оккупанта. Этим он перестал быть для деревни „нашим" евреем, так как крестьянин почувствовал себя преданным пришельцу-врагу. На польского крестьянина была возложена непосильная ноша: он должен был кормить войска восточного фронта, также и внутри германские и польские". По отношению к погромам представители партии считают, что они вырастают „искусственно", что „под ними не кроются глубокие народные движения"... По отношению к еврейскому вопросу „крестьяне готовы предоставить евреям свободу иметь свои школы и свои синагоги; они, однако, против допущения их языка в административных и судебных местах, так как это вызвало бы много излишних осложнений; кроме того, они усматривают в „идиш" диалект немецкого, т. е. враждебного, а поэтому и подозрительного языка"...

В своих политических выступлениях и в прессе представители „Вызволения“ всегда высказывались против эксцессов и погромов; в остальном они весьма сдержаны в отношении своих симпатий к еврейству и к предоставлению ему полноправия в Польше.

„Польская социалистическая партия“ (П. П. С.)—партия с большим прошлым. В программе этой мелкобуржуазной партии первоначальные социальные требования рабочих подчинены национальным стремлениям польской интеллигенции и мелкой буржуазии. Благодаря этому межумочному характеру в П. П. С., процесс дифференциации направо и налево не прекращался. Отдельные ее отряды переходят к польской социал-демократии (ПСД); в 1906 году П. П. С. раскалывается на социалистическую левицу и националистическую правицу.

Война вызывает в правице П. П. С. большие надежды на международные скачки, военную ориентацию, дипломатическую игру; национальный характер партии резко выступает наружу, в ней берут верх самые националистические элементы, становящиеся агентами генеральных штабов стран, на которые они ориентируются; австрийская, русская и пораженческая ориентация—вот содержание всей политической жизни П. П. С. в процессе войны. Социальная идеология вытесняется национальной. Все пролетарские элементы (левица П. П. С. и П. С.-Д.) образуют к началу 1919 года одну партию: „Коммунистическую Рабочую Партию Польши“.

Изменившийся социальный состав партии действует определяющим образом на всю ее политику. Национальные стремления буржуазии и устремления П. П. С. не находятся ни в каком противоречии—они лежат в одной плоскости. К тому еще прибавляется сближение, а потом и об'единение с „Галицийской польской социалистической партией“, во главе с Дашинским; названная партия занимала до войны резко националистическую позицию, углубившуюся процессом войны, толкнувшим ее на определенную социал-патриотическую ориентацию.

С образованием польского государства П. П. С., окруженная ореолом национального освободителя, является одним из главнейших факторов защиты республики; весь центр внимания широких масс, измученных войной и ожидающих теперь в освобожденной Польше улучшения своего положения, переносится ею на национальную идею „Великой Польши“. Таким

образом, национально-освободительная идея П. П. С. переходит в идею агрессивной борьбы против других народов и к захватной политике. Ореолом романтизма окружаются погромные легионы: „Современный польский солдат—идеал солдата-воина—родился среди польского пролетариата и был олицетворен польским рабочим. В огне, среди опасностей, в крови, на полях Келецких, под Кривоплотом вырабатывались богатырские кадры современной молодой польской армии. Это были рыцари тела и рыцари духа, неустрашимые в битве, непоколебимые на фронте“ („Роботник“ (центр. орган партии), 25-го янв. 1919 г.)... „Между армией и обществом не может быть никаких разногласий, армия является дивным выражением наиболее глубоких и наиболее прекрасных мечтаний и сновидений польской души“ (Holówko, „Польский офицер“, стр. 19).

Вместе с тем П. П. С. становится антисемитской партией; идея единой „польской“ Польши заставляет ее бороться против национальных стремлений евреев, как национального меньшинства.

Уже в своей избирательной речи в Кракове 21-го декабря 1918 года (напечатана в „Naprzod“, органе П. П. С.) вождь партии Дашинский формулирует свое отношение к еврейскому вопросу: „В польско-еврейском вопросе конфликт между обеими нациями базируется на том обстоятельстве, что евреи в течение почти столетий не полонизировались; замкнутый в своем гетто, еврей резко отличается от поляка по языку, обычаям, одежде... Кроме того, необходимо учесть и то обстоятельство, что евреи образуют в Польше 13% всего населения—их два миллиона среди нас. Трудность проблемы лежит не только в числе, но и в функции, выполняемой евреями. Они наполняют наши города, сосредоточия науки, искусства, торговли и промышленности. Во всякой другой стране, даже Англии или Америке, такие чуждые элементы не были бы терпимы... И у нас дальше не может так продолжаться: до тех пор, пока они утверждают, что им нет никакого дела до Польши, до тех пор ни народ, ни государство не могут им дарить своего доверия, не могут поручать им функций организационного свойства... Пока этот вопрос не урегулирован—будет всегда на одной стороне „еврей“, а на другой „гой“.

П. П. С. ведет резкую борьбу против статьи 93 Версальского договора, гарантирующей права меньшинств. Один

из вождей партии Либерман в своей речи 30-го июня 1919 г. в Сейме считает постановления этой статьи „позором для Польши“, против которого она должна протестовать и бороться всеми силами. „Я полагаю,— заявляет депутат,—что если Польша принуждается к тому, чтобы „идиш“ допускался в суд и в магистрат, то этим ей наносится смертельный удар... Те группы, которые добиваются равноправия „идиш“ и учреждения национальных школ, смогут добиваться осуществления своего права через Лигу наций, пользуясь постановлениями договора... Требования эти не соответствуют потребностям еврейского населения, и никто, кроме еврейских националистов, их и не добивается“... Поэтому депутат предлагает отвергнуть договор в целом, „как нарушающий достоинство и честь Польши“.

Этот же взгляд развивается и поддерживается другими лидерами партии: на заседании сеймовской комиссии по иностранным делам 2-го июня 1919 г. по вопросу о той же статье 93-ьей Версальского договора Дашинский заявляет: „Для нас являются определенно вредными постановления, имеющие отношение к еврейской автономии; нигде в мире еврейский жаргон не признан равноправным в публичных школах“... А другой лидер, редактор центрального органа партии Перл, добавляет, что, по его мнению, „эти постановления углубляют еще больше пропасть между обеими нациями“.

Представитель партии П. П. С. Диаманд дает раз‘яснения по еврейскому вопросу делегации 2-го интернационала, по сущности своей мало чем отличающиеся от раз‘яснений, данных этой же делегации ксендзом, народовым демократом; предпосылки и выводы те же, иной разве является фразеология.

Евреи из Украины и Литвы, направившись в Польшу, вследствие гонений на них царского правительства, не усвоили себе польской культуры, оставаясь ей совершенно чуждыми; торговой конкурренцией усилилось противоречие между обоими народами. Соблюдение субботнего отдыха повредило интересам рабочей массы, очень религиозной... Кроме того, нельзя принуждать нацию предоставлять права меньшинствам, если она этого не хочет дать добровольно. Получается впечатление, что евреи хотят испортить отношения между Польшей и иностранными державами... Единственное средство к оздоровлению польско-еврейских отношений представитель П. П. С. видит в том же, в чем и ксендз, народовый демократ—в эмиграции

части еврейства. „Если Америка и Англия широко откроют свои двери, то Польша окажется разгруженной“...

На заседании Сейма 16-го ноября 1920 г. п. п. с-овец Недзялковский заявляет, что П. П. С. не прочь предоставить евреям определенные права, но она никогда не согласится на то, чтобы Польша принадлежала и полякам, и евреям. Польша должна принадлежать только первым. Эта же мысль повторяется в меморандуме, представленном П. П. С. в сентябре 1920 г. английской рабочей партии (Lapor party). Там говорится, между прочим: „В отношении к еврейскому вопросу мы защищаем полноправие евреев, но мы категорически возражаем против идеологии превращения Польши в двуязычное или двунациональное государство, направленной в пользу нации, насчитывающей лишь 10% общего числа населения“.

Поддерживая всецело официальную власть, являясь одной из основных ее опор, П. П. С. пытается не замалчивать погромов, допускаемых властью, а искажать их подлинную сущность. После Львовского погрома вождь партии Дашинский, он же вице-премьер, посылает следующую телеграмму лидеру шведской социал-демократии Брантингу: „Погромы в провинции были учинены солдатами распущенной австрийской армии и нашими противниками. Польское правительство рабочих и крестьян об‘явило полную свободу вероисповедания и национальное равенство... Погромы направлены против ростовщиков; к сожалению, здесь, как и повсюду, пострадали и невинные“.

В своей речи в Сейме от 12 июня 1919 г. Дашинский указывает на необходимость борьбы с такими эксцессами против евреев, как резка бород, разграбление лавок и проч. К этому он добавляет: „Те, которые режут еврейскую бороду с детской радостью (шумный смех), и те, которые с детской наивностью заявляют, что они покончат со спекулянтами в один—два приема, путем убийства нескольких евреев,—те являются детьми, которых нельзя брать всерьез... В случившемся можно разглядеть определенную провокацию; но провокация не может ограничиться отрезанием той или иной бороды, ей необходимо большое число разграбленных магазинов и определенное число убитых и раненых, дабы представить это нашим врагам на использование, согласно их же поручения... Все, что до сих пор имело место,—является эксцессами... Я говорю эксцессы, а не погромы, ибо погромом, в настоящем смысле слова, Польша

еще не была обесчещена. Перед всем миром, который может проверять правильность моих слов, я заявляю, что печальные происшествия во время войны не могут быть рассматриваемы, как погромы. Если во время уличных боев кто-либо оказывается убитым, то он не является жертвой погромов (шум на скамьях еврейских депутатов). Кто оказывается убитым в уличных стычках при таких сильных сражениях, как это имело место при взятии Львова, Вильно и Лиды, тот не может быть причислен к числу погромных жертв (еврейский депутат Гринбаум: „А те, которые были убиты в домах?"). В Польше нет ни одной политической партии, которая хотела бы использовать погромы, как средство облегчения наших затруднений... Тем не менее, я не скрою, что в Ченстохове имелись трое убитых, не относящихся к жертвам военных действий, а в Кракове—2, из них одна служанка-христианка"... Вождь партии указывает Сейму вред замалчивания эксцессов: „Не успели похоронить в Кракове первого еврея, умершего от ран, как английский корреспондент „Daily News" уже телеграфировал о „новом погроме в Кракове"... Если вы полагаете, что сможете замолчать разграбление хоть одного еврейского магазина или убийство одного еврея, то вы жестоко ошибаетесь: вы этим за границей создадите лишь впечатление, что польское народное правительство лжет. Необходимо расследовать каждый случай и давать соответствующие раз'яснения стране и загранице"...

Исходя из мысли, высказанной Дашинским, что замалчивать „эксцессы" вредно, имея в виду общественное мнение Запада, стремясь, кроме того, к удержанию погромной стихии „в культурном ее уровне действий", партия П. П. С. выступает с протестами против эксцессов, вредящих реномэ Польши... После погрома в Калише 12-го марта 1919 г. калишский комитет партии П. П. С. выпускает следующее воззвание: „Товарищи рабочие. 12-го марта в нашем городе имели место позорные события—еврейский погром... Польская социалистическая партия не может не осудить это позорное явление... Да здравствует единство рабочих"... Характерно, что в это же время депутаты партии П. П. С. в Сейме отказываются подписать интерпелляцию об этом же погроме...

12-го июня 1919 г. П. П. С-овская фракция вносит в Сейм следующую резолюцию: „Выступления против еврейских граждан и преследование их в различных городах являются

позором и нарушением традиций старой Польши, предоставившей убежище преследуемым западно-европейским евреям... Антиеврейские выступления не только не облегчают тяжелого хозяйственного положения, в котором находится страна после пяти лет войны, но они усиливают еще всеобщие несчастья и нищету... Сейм обращается к народу с призывом бороться всеми средствами против провокации со стороны врагов польского народа, стремящихся использовать тяжелое положение страны в целях ее дискредитирования и ослабления ее внешней политики. Сейм призывает правительство к решительной и немилосердной борьбе с провокаторами, возбуждающими народные массы к антиеврейским выступлениям. Подавлением беспорядков будут гарантированы право и безопасность всех граждан без различия веры и национальности"...

Искажая сущность происшедших событий представлением их в заведомо-ложном виде, бия себя при этом в грудь и призывая „весь мир в свидетели своей правоты", партия считает врагом отечества всякого, кто представляет события в надлежащем их виде, в первую очередь еврейских депутатов и еврейское общественное мнение. Диаманд в об'яснениях своих социалистической комиссии замечает, что „евреи поступают скверно, опираясь на англичан и американцев" (указание на комиссии Моргентау и Самуэля). На заседании сеймовской комиссии 16-го мая 1919 г. Дашинский заявил, что одной из причин плохого мнения за границей о Польше является „та часть международного еврейства, которая хочет использовать слабость польского народа для того, чтобы создать себе привилегированное положение".

Этим об'ясняется „нервность" партии при извещении о приезде социалистической комиссии для расследования погромов. Партия даже не старается скрыть своей досады по этому поводу. Центральный орган „Роботник" в № от 9-го апреля 1920 г. выражает свое изумление по поводу приезда комиссии... „Если интернациональное бюро действительно интересуется проблемой погромов, то была бы весьма уместной отправка комиссии в Америку для изучения негритянского вопроса, или в Египет для ознакомления с уничтожением англичанами туземных националистов и т. д."... „Роботник" опубликовывал все насилия над евреями, ничего не утаивая... Обследования интернациональной социалистической комиссии мы считаем совершенно излишними

и ненужными, тем более, что эти ужасные события закончены, и зарубцевавшиеся раны не должны быть вскрыты"...

Наступление красной армии усиливает антисемитизм П. П. С., приближая его по своей террористической окраске к антисемитизму народной демократии. Увлеченная старой романтической идеей великой Польши от моря до моря, партия должна была активно поддерживать национальную ненависть как против Германии, так и против Советской России. П. П. С. становится носительницей той антисемитской пропаганды в войсках, которая сыграла такую огромную роль в процессе русско-польской войны, сопровождаемой волной погромов. Так, „Роботник" пишет в конце августа 1920 г.: „В Белостоке большевики нашли приверженцев среди местного населения; „бунд" и „пойалей-цион" официально сотрудничали с большевиками... В виду того, что эти партии еврейские, то отсюда и пошел слух, что все евреи стали на сторону большевиков. Еврейская молодежь, группирующаяся вокруг пойалей-цион и бунда, действительно перешла к большевикам; старые же евреи и ортодоксы держались пассивно, не выказывая открытого сопротивления".

Необходимо еще для характеристики партии П. П. С. отметить, что она протестовала против высылки, по требованию Советской России, из пределов Польши Савинкова и других громил из русского политического комитета. 12-го октября 1921 г. депутатами Ф. Перль, М. Недзялковским, И. Гопинским и другими был внесен в Сейм запрос, в котором удаление 14 савинковцев характеризуется, как „неслыханная капитуляция перед претензиями Карахана, не основанными ни на каких международных прецедентах, что должно вызвать обоснованное недовольство и решительное сопротивление во всех кругах общественного мнения". На заседании комиссии Сейма по иностранным делам Дашинский возмущается тем, что „польское правительство заключило это соглашение с правительством шантажистов, всеми силами стремящихся подкопать основы польского государства". Депутат Перль говорит о слабости правительства по отношению к России...

В варшавском городском совете фракция П. П. С. предлагает протестовать против высылки савинковцев („Роботник", 29-го октября 1921 г.).

„Речь Посполита" характеризует следующим образом поведение П. П. С.: „Роботник", прижимающий к своему

гостеприимному лону генерала Балаховича и протестующий против выезда Тютюника,—это зрелище, которому трудно дать название“... (11-го октября 1921 г.)

И как П. П. С. ни открещивается от антисемитизма, желая соблюсти по внешности чистоту социалистических принципов, она несет полную политическую ответственность за происшедшие события.

Крайняя левая рабочая партия Польши, коммунистическая („партия пролетариата города и деревни“), образовавшаяся из слияния в начале 1919 г. левицы П. П. С. и польской социал-демократии, существует, как нелегальная партия, ее члены арестовываются, органы закрываются.

Орган П. П. С. левицы (до об‘единения с П. С.-Д.) „Голос Роботничий“ пишет 26-го ноября 1918 г. по поводу сообщения Польского Телеграфного Агентства о погромах: „Официозное сообщение ПТА является таким хулиганством, таким сплетением клеветы и лжи, таким циничным возбуждением к учинению еврейских погромов, каких мы уже давно не видали в „Двугрошовке“ и „Поляке-Католике“... Данное хулиганское сообщение требует строжайшего расследования“... 30-го ноября тот же орган пишет: „Наш запрос по адресу правительства Морачевского остался без ответа... В вопросе о еврейских преследованиях правительство держится тактики уступок жидоедским инстинктам польского мещанства. Чтобы не раздражать народовую демократию, г. Морачевский и товарищи его ничего не делают для того, чтобы положить конец антисемитским эксцессам. Как видно, правительство придерживается взгляда, что все евреи ведут интриги против Польши, и что только они являются виновниками в спекуляции“...

На организационном с‘езде коммунистической рабочей партии Польши (15-го декабря 1918 г.) принята следующая резолюция о погромах: „С‘езд решительно осуждает дикую травлю евреев польской буржуазией и возмутительные погромы против беззащитного еврейского населения... Нынешнее, так называемое, народное правительство ничего не предпринимает для того, чтобы положить конец этим преступным деяниям, так как оно и в этом отношении остается верной прислужницей контр-революции“.

Протестуют против еврейских погромов также и рабочие советы, не соблюдающие при этом дипломатической тактики

П. П. С., тактики извращения сущности этого позорного явления. Варшавский рабочий совет выносит 6-го ноября 1919 г. следующую резолюцию по поводу погромов: „В виду того, что погромы и эксцессы против евреев продолжаются, совет рабочих депутатов призывает варшавский пролетариат к энергичному противодействию всякой попытке вызвать антиеврейские беспорядки на улицах Варшавы и уполномочивает исполнительный комитет выпустить соответствующие воззвания“.

Ченстоховский рабочий совет выпускает после погрома 19-го мая 1919 г. следующее воззвание: „Темные и преступные элементы возбуждают рабочую массу к беспорядкам и выступлениям против граждан иной религии. Рабочий совет призывает сознательных рабочих к активному противодействию этой преступной агитации и выражает свою уверенность, что рабочий класс—в полном сознании своих целей и возможностей—положит конец означенной провокации“.

3. Польско-еврейские переговоры

Пользуясь погромным аппаратом по мере необходимости, польское правительство и господствующие партии, под влиянием и воздействием американской и английской комиссии по расследованию погромов, делали видимость соглашения с „благонадежными“ еврейскими партиями. Но из еврейских буржуазных партий на стороне правительства оказывались лишь небольшие группы ассимиляторов, из банковских кругов и интеллигенции да еще кое-кто из ортодоксов.

Весна 1920 года казалась передышкой в борьбе польских господствующих партий против евреев. Польша завладела Белоруссией и частью Литвы, еврейство было достаточно терроризовано; к тому же правительство затевало свою украинскую авантюру—для осуществления плана великодержавной Польши от моря до моря; представилось необходимым укрепление своего тыла в отношении еврейских партий и внушение финансовым кругам стран Антанты и Америки, что „еврейские раны уже зарубцевались“. Необходимо было в политических видах разыграть комедию единства с „евреями“, которая бы демонстрировала, что благонадежная часть еврейства заодно с польской государственностью, и что лишь евреи большевики и изменники являются ее противниками; возможные и неизбежные при военных действиях польской армии погромы превратятся

в таком случае в законное усмирение бунтовщиков и изменников-большевиков.

Центральной фигурой польско-еврейского соглашения является небезызвестный немецкий еврей д-р Альфред Носсиг, сыгравший роль посредника между еврейскими буржуазными партиями и польскими. В целях переговоров четыре еврейских партии (ортодоксы, сионисты и фолькисты-демократы) образовали „междупартийный еврейский комитет" под председательством д-ра Носсига. Последний стремится к образованию „единого еврейского фронта", но из этого ничего не вышло: с одной стороны, националисты — сионисты и фолькисты—категорически протестовали против допущения ассимиляторов (поддерживали Носсига лишь ортодоксы), а с другой — еврейские рабочие партии отказались участвовать в соглашении, заявив, что „они сами могут вести переговоры с польским пролетариатом". Дипломатическая стадия соглашения, т. е. все предварительные переговоры, уговоры отдельных лидеров польских партий и проч., должна была протекать в секрете. Председатель д-р Носсиг приглашает представителей еврейской прессы на совещание, чтобы „охранять предстоящую кампанию от публицистического вмешательства" [1]) Пресса отнеслась весьма скептически к предстоящему соглашению, однако, согласилась на том, чтобы „о всей акции ничего не появилось в печати до тех пор, пока партии не придут к заключению о допустимости таковых выступлений". Д-р Носсиг в своей брошюре много говорит о том, сколько трудностей ему пришлось преодолеть, сколько министров ему пришлось уговаривать (все, к слову сказать, „очень предупредительные и милые люди"), пока удалось созвать первое заседание. 15-го июля 1920 года премьер-министр Грабский открывает первое заседание. Присутствует целый ряд министров и представители польских и еврейских сеймовых партий. Постановлено было учредить постоянную институцию для польско-еврейского соглашения.

Уже на первом заседании чувствовалось, что обе стороны хотят перехитрить друг друга, не доверяя своему контрагенту. Виды польских партий и правительства нами изложены выше, их удовлетворял один факт „переговоров" и создание постоянной „институции"; еврейские же партии, руководимые энергичным сионистским лидером адвокатом Гринбаумом, хотели

[1]) Dr. N. Nossig, „Polen und Juden", стр. 19.

что-нибудь вырвать этим „неконституционным путем“ у правительства, чего на сеймовской почве никак не удавалось.

Условия „перемирия“, выставленные на совещании от имени еврейских партий Гринбаумом, были следующие:

„Для возможности спокойного и серьезного обсуждения еврейского вопроса и доведения переговоров к желанному результату, необходимо гарантировать еврейскому населению безопасность жизни, личной неприкосновенности и имущества. А потому должны быть удовлетворены следующие требования:

1) Совет государственной обороны издает воззвание к населению, в котором оно призывается к прекращению всех распрей, так как текущий момент требует об‘единения всех слоев населения. Воззвание должно квалифицировать все нападения и насилия против евреев, также и агитацию, направленную в эту сторону, как анархию и распущенность, подрывающие основы государства и подготовляющие почву для большевизма [1]). Воззвание должно быть распространено по всей стране.

2) Высшая военная власть должна издать приказ по армии, в котором она осуждает насилия против евреев и запрещает солдатам под страхом суровых наказаний участвовать в них.

3) Необходимо приостановить распространение плакатов, воззваний и воинских приказов, в которых большевики отождествляются с евреями и которые борются с большевизмом возбуждением антиеврейских настроений.

4) Необходимо созвать конференцию из представителей прессы для выяснения необходимости приостановить печатание статей, возбуждающих толпу против евреев; необходимо привлечение газет к ответственности за печатание таких статей.

5) Необходимо приостановить облавы исключительно в еврейских кварталах; облавы эти создают впечатление, что лишь евреи уклоняются от воинской повинности и совершают преступления; это дает повод к кривотолкам и усиливает антиеврейское настроение“.

Однако, к моменту созыву совещания меняется вся политическая ситуация. К Варшаве подступила красная армия. Вождь народовой демократии Станислав Грабский, брат премьер-министра, заявляет д-ру Носсигу, что теперь не момент для переговоров. „Соглашение может быть установлено лишь в момент пацифистских настроений. Ныне же предстоит вооруженное

[1]) Вот, казалось бы, база для об‘единения евр. и пол. буржуазии.—*С. Х.*

разрешение споров двух рас“ (т. е. польской и „еврейско-большевистской“). Погромная стихия поднялась в Польше, как никогда. Все буржуазные партии, так же как и П. П. С., поддерживают военный террор в отношении к евреям. В ответ на требования еврейских партий „Двугрошовка“ печатает „наши требования“ которые, по существу, несмотря на каррикатурность формулировки, выражают настроение в тот момент всех господствующих партий. Требования эти, которые „должны быть не в словах выражены, а осуществлены в действиях“, следующие:

1) Евреи должны перестать стрелять в польское войско.

2) Евреи не должны удирать из окопов.

3) Евреи не должны входить в соглашение с неприятелем.

4) Евреи должны отдать миллиарды, собранные ими во время войны.

5) Евреи должны распустить большевистские партии, как „бунд“ и „поалей-цион“.

6) Евреи должны перестать бросать грязью в Польшу в заграничной прессе.

7) Евреи должны обратиться с приказом к их единоверцам, по ту сторону фронта, к нашим врагам, большевикам, чтобы те перестали истязать пленных, выкалывать глаза польским офицерам, вбивать гвозди в черепа польских солдат... „И лишь по выполнении этих требований евреями возможно будет с ними говорить о примирении“.

Этим, по существу, вопрос был исчерпан. После событий конца лета и осени 1920 г., которые характеризуются самим инициатором соглашения д-ром Носсигом, как „страшные главы в истории еврейского мученичества“ [1]), польские партии больше не нуждались в единении, ибо все еврейство было официально отмечено, как изменническое и предательское, над которым и учинены законные экзекуции. Когда еврейский межпартийный комитет потребовал от министра Витоса издания коммуниката о польско-еврейском соглашении, он в этом отказывает, ибо, по его мнению, „еврейство вело себя недостойно во время большевистского наступления“. 27-го сентября 1920 г. на совещании присутствуют лишь два польских министра и еврейские депутаты как межпартийного комитета, так и ассимиляторы. „Еврейские делегаты требуют улучшения отношения к еврейскому населению“—так эпически гласит отзыв прессы об этом

[1]) Dr. A. Nossig, Ibid, стр. 56.

последнем заседании. Ответа не последовало. Этим и была исчерпана недостойная польско-еврейская игра в „соглашение“, в которой еврейские представители играли весьма незавидную роль.

4. Комиссии по обследованию погромов

Сведения, попавшие в заграничную печать о насилиях, чинимых в Польше над евреями, и о разыгравшихся там погромах, заставили авторов Версальского договора, в первую очередь президента Вильсона, под давлением общественного мнения американского еврейства, послать в Польшу особую комиссию, состоявшую из бывшего посла Соединенных Штатов в Турции сенатора Моргентау, генерала Эдгарда Джадвина и Г. Г. Джонсона. Министр иностранных дел Лансинг в обращении своем на имя председателя комиссии Моргентау формулирует следующим образом ее задачи: „Желательно, чтобы комиссия самым тщательным образом расследовала взаимоотношения еврейских и не-еврейских элементов в Польше; для этого необходимо расследовать различные случаи убийств, погромов и других эксцессов, которые, как передают, имели место, экономический бойкот и другие специальные меры, направленные против еврейской расы... Кроме установления об‘ективной истины происшедшего, необходимо также выяснить причины событий для нахождения средств к устранению зла... Я уверен, что комиссия найдет нужные конструктивные мероприятия для улучшения ситуации, беспокоящей всех друзей Польши“...

Уже из обращения Лансинга видно стремление американского правительства морально оправдать Версальский договор в отношении к Польше тем обстоятельством, что „если действительно и были эксцессы“, то они легко устранимы действиями комиссии, посланной видным деятелем Версаля, президентом Вильсоном.

Комиссия Моргентау прибыла в Варшаву 13-го июля 1919 года и оставалась в Польше до 13-го сентября того же года. Она посетила все места, где происходили главные из указанных ей эксцессов. Кроме того, „она постаралась изучить посредством личных наблюдений экономические и социальные условия в таких центрах, как Лодзь, Краков, Гродно, Калиш, Познань, Холм, Люблин, Станиславов, знакомясь на местах с учебными заведениями, госпиталями, музеями, детскими

приютами и тюрьмами для того, чтобы составить себе обоснованный взгляд на происходившие события". Весьма кратко — буквально в нескольких строках — указав в докладе на главные исторические черты пребывания евреев в Польше и подчеркнув развитие антисемитского движения после 1905 года, в особенности после выборов в российскую Государственную думу в 1912 году, когда при помощи еврейских избирательных голосов был провален антисемитский кандидат и был выбран член польской социалистической партии Ягелло, комиссия переходит к периоду зимы 1918 — 1919 года и к описанию в хронологическом порядке главных „эксцессов".

Комиссия избегает слова „погром", „так как это слово одинаково применяется как к незначительному насилию, так и к тщательно заранее подготовленной резне"; вместо этого неблагозвучного слова употребляется слово „эксцесс". Таких эксцессов отчет всего на всего насчитывает восемь: Кельцы, Лемберг, Пинск, Лида, Вильно, Колбушево и Минск. Каждому „эксцессу" доклад Моргентау посвящает десяток — другой строк, а иногда и меньше, причем отчеты об эксцессах составлены в крайне мягких тонах, вопросы конкретной виновности обходятся молчанием, приводятся как смягчающие вину обстоятельства, так и меры расследования и наказания виновных, предпринятые польским правительством, причем все это в общих туманных чертах. Происшедшее в Колбушове рисуется отчетом в следующем виде. Туда был послан взвод солдат для охраны порядка, причем „солдаты, защищая население от толпы, в которой было много солдат прежней австрийской армии, даже потеряли двух человек убитыми и затем были разоружены толпой, принявшейся грабить еврейские лавки и избивать попадавшихся в ее руки евреев. Порядок был восстановлен лишь с приходом нового вооруженного отряда. Один из громил был по постановлению суда впоследствии казнен"...

Итак, картина еврейского „эксцесса" в Польше по отчету американского сенатора еврея Моргентау складывается из следующих моментов: а) польские солдаты охраняют еврейское население, жертвуя даже при этом своей жизнью, б) австрийские дезертиры громят евреев и убивают их, в) порядок восстанавливается польской армией, г) правительство расследует события, д) виновные по приговору суда подвергаются суровым наказаниям до смертной казни включительно. В отчете

о Лембергском „эксцессе“ указывается, что „хотя евреи об‘явили себя нейтральными“, „но то обстоятельство, что еврейский квартал находился в районе, занятом украинцами, что евреи организовали свою милицию, так же как и слухи, что часть еврейского населения стреляла по польским войскам, создали антисемитское настроение среди польских войск“... „Положение осложнялось присутствием 15 тысяч австрийских дезертиров и уголовного элемента, освобожденного украинцами из тюрем“... В срочном порядке правительство организует следственную комиссию под председательством судьи высшего суда; параллельно действовал и военный суд для лиц военного звания. „В местных судах возбуждено свыше 7.000 дел, причем 164 лица (из них десять человек евреев) осуждено за участие в беспорядках во время эксцесса“...

Жаль, что Моргентау не приводит данных, за что были осуждены евреи: не за то ли, что они защищались во время беспорядков?... Таким же образом царское правительство в свое время об‘явило, что за „участие в беспорядках во время Гомельских событий целый ряд евреев был осужден“...

Аналогичными являются характеристики и других эксцессов. О Ченстоховских событиях доклад эпически повествует:

„27-го мая в Ченстохове по поводу слуха о том, что неизвестное лицо, стрелявшее в польского солдата и слегка его ранившее, было еврейского происхождения, вспыхнули беспорядки, в которых приняли участие польские солдаты и гражданское население. Раненых евреев было весьма много (доклад комиссии не указывает даже их приблизительного числа, упоминая лишь о „значительном количестве“), убитыми оказались пятеро, из которых один был врач, спешивший подать помощь пострадавшим. Погром был прекращен благодаря вмешательству французских офицеров расквартированного в это время в Ченстохове полка“.

Избиение еврейского населения, которым сопровождалось взятие Минска в августе 1919 г. поляками, *имевшее место во время пребывания комиссии Моргентау в Польше,* также описано в соответственном стиле. Упомянем только, что перед входом в город польских войск с польского аэроплана разбрасывались воззвания к еврейскому населению, подписанные Моргентау, призывавшие его держаться лойяльно по отношению к польским властям. Этим точно подчеркивалась

правильность легенды о „еврейской измене“ и необходимость поэтому авторитетного американского напоминания о соблюдении лойяльности евреями к Польше; об уместности и такте подобного приема предоставляю судить читателю. В штабе польских войск, занявших Минск, находился член комиссии генерал Джадвин, принимавший близкое участие в польских военных делах.

Для того, чтобы ослабить впечатление от доклада Моргентау, остальные два члена его миссии, из коих один генерал Джадвин, как упомянуто, был активен в польском генеральном штабе, сочли нужным составить дополнительный меморандум. Докладчики, начав с того, что установили на основании оставшихся во мраке тайных документов число убитых евреев в пределах царства Польского во время эксцессов в восемнадцать человек и отнесли остальных, признанных ими погибшими 300 человек, к жертвам военных действий, происходивших при завоевании Галиции, Литвы и Белоруссии,—сочли за благо выставить истинным виновником прискорбных для их культурных чувств фактов... немцев. Они, мол, привлекали во время оккупации евреев на свою сторону, возбуждая тем против них справедливый гнев населения, они же для того, чтобы помешать молодому польскому правительству окрепнуть, распространяли при помощи своей прессы на его счет клевету, „преувеличивая“ число жертв хотя бы Львовского погрома с 76 человек до нескольких тысяч.

Для моральной защиты Версальского договора необходимо было, очевидно, взвалить вину за польские погромы на немцев и на австрийских дезертиров.

Комиссия Моргентау, следовавшая в своем отчете за польскими официальными версиями, иногда даже смягчая последние, стремилась, кроме того, создать видимость польско-еврейского перемирия. Всюду как в Варшаве, так и в провинции были устраиваемы совещания из представителей официальных властей и еврейских общин, в которых Моргентау доказывал необходимость полного соглашения. Пожатие рук представителей обеих наций в присутствии американского сенатора должно было демонстрировать перед всем миром, что происшедшие „эксцессы“ заглажены, недоразумения исчерпаны, и что стараниями президента Вильсона установлен мир не только между государствами, но и между двумя враждовавшими нациями в пределах одного государства.

Вслед за американской комиссией была послана в Польшу и английская, во главе которой находился сэр Стюарт Самуэль. Комиссия прибыла в Варшаву 18-го сентября 1919 г., спустя несколько дней после от‘езда комиссии Моргентау, и оставалась там в течение почти трех месяцев. Данные она собирала путем опроса свидетелей и сведущих лиц среди различных кругов населения, и материалы, добытые ею, были совсем иного качества, нежели поверхностная документация комиссии американской.

Весь подход к делу был иной: сэр Стюарт Самуэль и его сотрудники старались не только проверять, но и индивидуализировать представлявшиеся им конкретные случаи. Комиссия в каждом отдельном случае старалась установить истинные причины и истинных виновников или попустителей происходившего, и хотя и обобщала выводы, но остерегалась огульного сваливания ответственности в одну сторону. Обследование было произведено довольно тщательным образом и установило целый ряд фактов, ускользнувших от внимания первой комиссии, также и недоброкачественность некоторых представленных прежде материалов. По поводу постоянных наветов по отношению к гражданскому еврейскому населению в том, что оно якобы стреляло в польские войска, наветов, иногда скрепленных даже видимостью авторитетности польских властей, признаваемой бесспорной комиссией Моргентау, английская комиссия разоблачает всякого рода натяжки и передержки. Так, напр., высшие польские судейские чины в Вильне не постеснялись удостоверить, что они были свидетелями двухчасового обстрела польских войск, производившегося евреями и даже еврейками; в подтверждение своих показаний они не затруднялись представить заверенную копию с заявления каких-то „четырех членов датского посольства в Петрограде“. На справку, наведенную в датском министерстве иностранных дел, Самуэль получил ответ, что двое упомянутых „дипломатов“ вообще неизвестны, даже по имени, остальные же двое некоторое время служили по вольному найму в датском посольстве в Петрограде, один в качестве паспортиста, а другой переписчика. „Ни в Вильне, ни в Варшаве,—пишет датское министерство,—никогда не было датской дипломатической миссии, и если упомянутые личности в документе, составленном 25-го апреля 1919 г. в Варшаве, именуют себя членами королевского датского посольства,

то это утверждение должно быть рассматриваемо, как ничем не оправдываемое, и его необходимо отвергнуть".

Однако, доклад английской комиссии в соответствии с целью „сохранения взаимных доброжелательных отношений между Польшей и Великобританией" не усматривает в большинстве случаев определенного состава преступления в действиях польских властей, извиняя их военной обстановкой, признавая лишь в совершенно уже вопиющих случаях, что нарушение законов даже военного времени действительно имело место. Так, например, 6-го июня 1919 г. армия ген. Желиховского, направляясь из Румынии в Польшу, проходила поблизости от слободки Лесной, где расположена образцовая ферма еврейского колонизационного общества, подготовляющая сельско-хозяйственных инструкторов для работ в Палестине. Группа, состоящая из офицера, фельдфебеля и нескольких солдат, подошла к жилым строениям и первым делом отняла лежавшие на повозке мешки с зерном. Затем они принялись пороть учащихся нагайками, требуя, чтобы они признавали себя не евреями, а поляками. Вслед за этим в ход было пущено холодное и даже огнестрельное оружие. Учащихся загнали в кузницу и трех из них убили. Это был отряд, который хвастался тем, что на пути своем вообще избивал евреев. О привлечении виновных рядовых, не говоря уже о командовании, к ответственности и речи не было.

При всей снисходительности подсчета, произведенного комиссией Самуэля, она установила, что убито было евреев в период 1918—1919 г. не меньше 348. Однако, по словам официального отчета, „как ни страшны эти цифры, они не в состоянии дать понятие об ужасающем страхе и трепете, в котором принуждены пребывать евреи. Военные власти под предлогом военных нужд произвольно берут евреев, и весьма редко христиан, на принудительные работы. В большинстве случаев никакой работы не было, а людей за взятку отпускали. Но в Бобруйске евреи были схвачены в синагоге в судный день, и их заставили вычищать навоз из полковых конюшен; даже старики были подвергнуты этой необходимости".

Свой выдержанный в примирительных тонах доклад сэр Стюарт Самуэль считает, однако, нужным закончить замечанием о том, насколько одного пересказа событий достаточно для того, чтобы показать, „как мало обеспечена жизнь и достояние евреев в Польше, и как легко—если не будет вскоре устранена

господствующая злая воля—могут разразиться новые события и, по всей вероятности, в значительно более широких размерах".

Кроме доклада председателя комиссии Самуэля, был составлен содоклад члена миссии капитана Рейта; в виду характерности документа, на нем стоит остановиться детальнее. Начав с довольно обширного исторического введения, характеризующего развитие еврейского вопроса в Польше, автор отмечает, кроме причин экономического характера, порождающих рознь интересов и нарастающую враждебность принужденных конкурировать между собой частей населения, также и причины другого характера, вызывающие, быть может, не меньшую неприязнь: он имеет в виду глубокую отчужденность всего быта, навыков и цивилизации—не культуры—еврейской от окружающей польской жизни. Отдавая должное высокой степени культуры, преимущественно духовной, народа, живущего интеллектуальными интересами в такой же мере, как и материальными, Рейт, тем не менее, указывает на то, что цивилизация половины еврейского населения Польши—„цивилизация времен Эзры в 5-ом веке до рождества христова, когда ветхий завет был окончательно редактирован в нынешней его форме, причем цивилизация эта по существу не изменилась, ставши лишь с течением времени еще резче, еще менее гибкой". Указавши, с другой стороны, на исторические судьбы Польши, на обострившееся национальное чувство и растерянность от происшедших событий, Рейт приходит к заключению, что столкновения неминуемо должны были принять бурные формы. В качестве правоверного антантовского офицера, а быть может—и под влиянием личных симпатий и антипатий, Рейт явно желает найти оправдания для антиеврейского движения в Польше, но не менее явная его добросовестность препятствует ему обелять, а не об'яснять только мотивы действий ответственных виновников происшедших эксцессов. И по существу, он возводит тягчайшие обвинения на защищаемую Антантой Польшу, говоря, что *в течение всей зимы 1918—1919 года евреи были вне закона.* Кроме того, он указывает на то, что „антисемитизм скрыто, но усердно поощряется в качестве орудия защиты против большевизма". Однако, на основании виденного и слышанного им во время пребывания в Польше Рейт полагает, что среди большевиков в Польше большинство—и притом, главным образом, вожаки—коренные поляки, а не евреи, хотя он

и не отрицает склонности некоторых слоев еврейского населения к приятию большевизма. В отношении к литовским окраинам, как Лида, Вильно и проч., он замечает, что еврейское население—литваки—доброжелательны к большевикам, ибо они предпочитают самое худшее русское правительство лучшему польскому. Главной же чертой происходивших эксцессов он считает то, что они протекали не только без особого противодействия со стороны подлежащих властей, а даже при попустительстве их и при явном поощрении со стороны обывательской массы. Больше того: он делает вывод, что „эксцессы главным образом производились солдатами и жандармерией; чернь и обыватели присоединялись, а интеллигентные поляки смотрели и одобряли. Я сам видел, как при аресте еврея целая толпа солдат и мальчишек бросилась его бить и заушать. По моему, этот случай вскрыл очевидный принцип: если кто-либо на основании закона или без оного наложит руки на еврея, все остальные охотно станут его поддерживать". На основании показаний со стороны не евреев, но поляков (Рейт это подчеркивает) он утверждает, что во многих частях Польши „жандармерия занималась организованным разбоем". В течение первого года существования независимой Польши власти весьма мало занимались этими вопросами и не делали попыток к восстановлению порядка. „Евреи жаловались не столько на то, что им приходились переносить и чему им приходилось подвергаться, сколько на постоянное сознание своего полного бесправия и отсутствие защиты со стороны государства". В дальнейшем Рейт произносит в сущности строгий приговор над польским правительством, которое „хотя и налагало не мало взысканий, но не в достаточной мере; главное же, о взысканиях этих никогда не делалось широких оповещений из страха перед польским общественным мнением. В этом, я полагаю, заключается корень дела. Правительство и желало бы прекратить беспорядки, но если оно энергично примется за это дело, оно рискует быть свергнутым. Всякого рода меры, могущие быть истолкованы в благоприятном для евреев смысле, вызывают нападения на правительство, между тем, как евреев защитить нельзя, не применяя особых мер".

Тем не менее, в заключение подлинного обвинительного акта, каковым по существу является доклад Рейта, автор находит возможным защищать польское правительство — то самое

правительство, которое позволяло военным начальникам, бравшим города, как было, напр. (по утверждению того же Рейта), при взятии Львова,—безнаказанно об'являть свободу грабежа и погрома евреев на двое или трое суток. Аргументация Рейта довольно оригинальна: он считает, что правительство не вправе нарушать волю (антисемитскую) народа, раз оно обязано быть демократическим. По мнению Рейта, ответственность за антиеврейские эксцессы падает преимущественно на польскую интеллигенцию, на зажиточный образованный класс; затем, хотя и в меньшей мере, на массы. И меньше всего на правительство.

Польские события были обследованы, помимо указанных официальных антантовских комиссий, также и социалистической комиссией. Собравшаяся в Люцерне международная социалистическая конференция (второго интернационала) решила направить в Польшу „комиссию для изучения польско-еврейских отношений“. Делегация, состоявшая из представителей французской (Ренодель), германской (Оскар Кон), английской (Том Шо) и голландской (Шапер) партий, пробыла в Польше больше месяца, производя расследования в Варшаве, Львове, Кракове, Пинске, Минске и Вильне и окружающих эти города местностях.

Из приехавших делегатов двое покинули Польшу до окончания работ комиссии, третий участия в них совершенно не принимал, так что весь труд был выполнен лишь двумя лицами— О. Коном и Ренoделем.

Социалистическая комиссия отмечает в соответствии с взглядом „пойалей-цион“, к которой близок член делегации, один из вождей германской независимой партии Оскар Кон, „что она не призвана ограничиться расследованием того, что называется погромной статистикой“... „Для интернационального социализма не так существенно установление числа жертв, как расследование более глубоких, основных польско-еврейских противоречий и их следствий, так же как выяснение хозяйственных, социальных, политических и религиозных отношений, в причинной связи с коими находятся насилия, чинимые в отношении к евреям“.

Нужно согласиться с тем, что т. наз. „погромная статистика“ является вопросом второстепенным для всякого серьезного расследования сущности и причинной связи польско-еврейской трагедии. Социалистическая комиссия, однако, ограничила круг своей деятельности и в том отношении, что она отбросила

один из существеннейших вопросов, которого официальные комиссии Моргентау и Самуэля не хотели или не могли об'ективно расследовать,—вопрос политической и юридической ответственности правительства и высших руководителей военной и гражданской власти. В довольно обширном отчете комиссии (к сожалению, не напечатанном) в отделе „Tatsachen" комиссия опять подчеркивает, что ее задачей является „больше выяснение глубоких причин, чем установление статистических данных и фактов"... Но, тем не менее, комиссия не могла оставить фактическую сторону без рассмотрения, а потому посетила несколько городов, где произошли трагические события. Нужно констатировать, что события, обследованные комиссией, как происшествия в Лемберге, Пинске, Минске и Вильне, крайне об'ективно охвачены и обрисованы; вопрос же виновности правительства и руководителей событий в общем обходится молчанием... Политически комиссия смягчает общий фон событий — она находит, что „нынешняя Польша переняла тяжелое наследство царизма, что служит ее извинением", что „многое об'ясняется военной обстановкой" и проч.

Происшедшие события, как целое, также не находят в отчете социалистической комиссии точной квалификации. Согласно официальной теории, развитой представителями П. П. С. (см. выше речь Дашинского) и подтвержденной Моргентау, в Польше „погромов" не было, а были эксцессы, об'ясняемые и извиняемые военной ситуацией, тяжелым внутренним положением, недостатком авторитета власти, а главным образом провокацией внешних врагов Польши. Всякое серьезное расследование польских событий должно высказаться по данному основному вопросу, квалифицирующему сущность еврейской трагедии в Польше. „Социалистическая" комиссия обходит этот вопрос молчанием — вместо этого она выражает свое моральное возмущение событиями, смягчаемое и извиняемое военной психологией... „Как ни квалифицировать эти события, как погромы или эксцессы,— они, тем не менее, представляют собой безобразные насилия над человеческой личностью. В наше цивилизованное время можно привести лишь одно смягчающее вину обстоятельство: война довела до нуля ценность человеческой жизни. Кто пережил ужасы войны, тот привык теперь к виду пролитой крови. Человеческая душа отравлена грубостью и жестокостью. Погромы или не погромы... общество лишает само себя чести, если оно

не делает самых больших усилий для освобождения себя от этого яда, а дает ему действовать, как позорной болезни".

Большая часть отчета комиссии посвящена выяснению социально-политической обстановки событий и отношению разных польских партий и групп к еврейскому вопросу, также и выяснению позиций еврейских социалистических партий к Польше. Попытки комиссии установить соглашение между еврейскими социалистическими партиями и П. П. С., естественно, кончились неудачей. Нужно признать, что настоящая физиономия П. П. С. в отношении к еврейскому вопросу и происшедшим событиям не нашла своего выражения в отчете социалистической комиссии.

Комиссия ограничивается лишь замечанием, что так как еврейские социалистические партии и П. П. С. критикуют друг друга, то комиссия приводит документы, предоставляя читателю самому делать выводы, поскольку критика обоснована или нет. Комиссия *своего мнения не высказывает.* Приводятся комиссией следующие документы: протест П. П. С. от 12—VI 1919 г. по поводу еврейских погромов, речи Дашинского (12—VI) и Либермана (30—VII) и об'яснения Диаманда; все они нами выше цитируются.

Дипломатия социалистической комиссии по этому вопросу более чем неуместна; характеристика социалистическо-антисемитской П. П. С. должна была быть определенно квалифицирована ею.

Половинчатому во многих отношениях отчету следует краткое Zusammenfassung, написанное после террора осени 1920 г., чем, должно быть, и об'ясняется более резкий и определенный тон. „После того, как комиссия констатирует, что она вполне может подтвердить наличность „погромов" и ужасов 1918—1919 г., она с своей стороны возобновляет интернациональный протест по поводу имевших место событий.

Комиссия констатирует, что, по ее сведениям, после последнего решения интернационала в Польше не было настоящих погромов, не считая новейших событий, ею не обследованных; но она также утверждает, что — антисемитизм, свирепствующий и ныне в Польше, может привести к новым беспорядкам, если польское правительство не примет энергичных мер к прекращению эксцессов, чинимых ежедневно солдатами, представляющих собой публичное посягательство на человеческую личность".

ОГЛАВЛЕНИЕ: